

АЛЕКСАНДР ВАСИЛ

**ПРИДИ
И
ПОБЕДИ**

В тихом провинциальном Владимире происходит неслыханное — внутри знаменитых Золотых ворот обнаруживается труп иностранца. Да не простого, а одного из членов одной из самых влиятельных преступных группировок в мире. За расследование берутся местные полицейские, даже не представляя, куда заведет их поиск...

Добро пожаловать в мистический мир капитана Бестужева!

На этом средиземноморском курорте редко какой весенний день был по-настоящему прохладным, но сегодня даже утро на греческом Патмосе выдалось особенно жарким. Лозелло было не привыкать к высоким температурам, но сейчас с него градом лил пот. Рубашку, расцвеченную пальмами, можно было выжимать, а слипшиеся волосы под панамой сбились в колтуны.

Панама была, кстати, страшно неудобная. Не по размеру большая, она лезла на глаза, от солнца спасала плохо. Зато в нужны цветах — леопардовых. Если шеф не увидит на теле корпоративных элементов, можно сразу заканчивать свою карьеру. А она у Лозелло, считай, только по-настоящему началась. И планы его простирались очень далеко...

На самом деле он потел не только от жары, но и от трепета перед шефом. Трепета, перемешанного с восторгом и ужасом. Эта жгучая смесь эмоций перехлестывала через край, и Лозелло одергивал себя, чтобы не перейти на бег. До встречи еще полчаса, а до места — рукой подать.

Чем закончится предстоящий разговор, Лозелло предсказать бы сейчас не взялся. Норов у шефа был суровым и непредсказуемым. Но Лозелло подготовился и знал, что его доклад понравится боссу.

За его спиной остался песчано-галичный пляж Камбос, уже с утра набитый туристами. Через пятьсот метров Лозелло подошел к популярной среди туристов таверне “Панагос”: на открытой террасе было занято лишь несколько столиков. Престарелые немцы и англичане пили кофе. Молодая парочка — по виду славяне — с интересом рассматривали богатую коллекцию старых фотографий, украшавшую стены. Лозелло мог бы много интересного рассказать о героях этих снимков — многие из них прожили довольно интересную жизнь. Но сегодня его ждал шеф, и опаздывать на встречу не стоило.

Он обогнул таверну и прошел еще метров двести, свернул направо и уткнулся в неприметную покосившуюся дверь скромного одноэтажного домика. Постояв несколько секунд в нерешительности, он выровнял дыхание и осторожно толкнул дверь вперед. Незаперто. Он перешагнул порог и вошел внутрь. Без всяких прихожих Лозелло оказался в небольшой зале. Вокруг было пусто, лишь одинокое красное кресло словно бы приглашало Лозелло сесть. Окон не было, свет давали свечи, расставленные вдоль стен. Потолок и стены были грубо отштукатурены, причем давно. Они облупились и посерели.

И лишь одна стена, в сторону которой смотрело кресло, выбивалась из этой картины бедности и запустения. Ее украшала современная мозаика с библейским сюжетом. Она изображала Господа в сияющей мандорле — особом нимбе овальной формы. Христианский Бог сидел на троне, голову его увенчивала корона, очи пылали. В левой руке он держал Библию, правой, вытянутой в сторону, сжимал в кулаке пятиконечные звезды. Множество других сияющих звезд роились вокруг руки. Лозелло отметил, что звезды были перевернутыми — несмотря на общий хаос кружения, острые пики неизменно смотрели вниз.

Перед Господом автор мозаики поставил семь подсвечников. Высота свечей в них была разной, и все они были потушены. Причем, по замыслу мастера, буквально только что — еще угадывался еле заметный дымный след. На миг Лозелло даже показалось, что он уловил запах парафина. Кем бы ни был безымянный мозаист, уровню его мастерства можно было

только позавидовать.

Но в целом, как и любой другой человек на его месте, Лозелло чувствовал себя очень неудобно в этой зале. Понимая, что топтаться на пороге смысла никакого нет, он сел в кресло. Оставалось лишь ждать.

Мозаика по-прежнему приковывала его взгляд, гипнотизировала, обволакивала, втягивала в дрему. Лозелло на своем веку видел множество гравюр, картин, фресок, поэтому понимал, что конкретно с этой мозаикой все не так. Свечи, звезды, руки — все не по канону. И что-то еще такое, лежащее на самой поверхности, но оттого и незаметное...

Как всегда неожиданно властный, но мягкий, Голос раздался одновременно отовсюду.

— Скажи мне, мой верный оруженосец, ты готов?

Лозелло вздрогнул, сбрасывая оцепенение.

— Да, мессир.

— Как ты считаешь, все ли мы учли?

— Проведенный анализ показал, что ошибки быть не может. Сотни лет наш орден проверял возможные толкования и вероятности Видения. Все они ведут к нашему поражению, мессир. Все — кроме одного.

Лозелло склонил голову в ожидании.

Казалось, Голос забыл о нем. Прошло несколько минут, прежде чем беседа продолжилась. На правах хозяина Голос прервал тишину:

— Как ты думаешь, мой верный оруженосец, мы сможем претворить в жизнь эту оставшуюся вероятность?

— Мне кажется, наш план безупречен, мессир, — ответил Лозелло.

Голос устало вздохнул:

— Твои бы слова да Богу в уши, как говорят в той стране.

— Обойдемся без него, сир. Предлагаю рассчитывать только на себя. Разрешите, я поясню все детали.

...Лишь через три часа Лозелло снова выбрался на улицу. Близился полдень — время, когда исчезают тени. Лозелло напялил на голову неудобную панаму, нацепил темные очки и, все равно щурясь, посмотрел на солнце.

Встреча прошла хорошо. Шеф внес лишь небольшие коррективы в план — и те по делу. Они приняли решение приступить к реализации через месяц. К этому моменту все подготовительные действия будут уже завершены. Нельзя позволить себе ошибиться даже в мелочах.

Размышляя, Лозелло подошел к таверне.

— Может пива взять? — спросил он сам себя, — заслужил все-таки. Хотя нет, для пива слишком рано, лучше бокал вина. Он окинул взглядом стеллаж с бутылками, с правой стороны кучковались красные сухие. И внезапно он понял, что не так было с мозаикой. Автор таким образом изобразил пылающие очи Господа, что они больше напоминали выколотые глаза, истекающие кровью. Несмотря на сжигающую жару, Лозелло пробрал озноб.

— Пожалуй, сегодня обойдемся без вина, — пробормотал он и пошел прочь.

Глава 1. Отдел Q

Говорят, что весна — это время для обновлений. Говорят, что весна — это пора возбужденных мужчин и красивых женщин. Повсюду царствует любовь: птицы поют, трава просыпается, солнце греет по-настоящему. В общем, живи, люби и радуйся.

Но в России, к сожалению, радоваться дано не каждому. Именно этой весной у капитана полиции Александра Бестужева жизнь, собственно, и закончилась...

— Бестужев! Бестужев! Ты чем там занимаешься?

Голос доносился издалека, слова были непонятны и причиняли сильную боль. Каждый звук с реактивной скоростью влетал в ухо и ввинчивался в мозг. И чем ближе становился источник шума, тем хуже становилось капитану.

— Вы не видели Бестужева? У него срочный вызов.

Ближе и ближе. Голова переполнялась звуками и болью. Как долго она продержится, Бестужев сказать не мог. Взрыв был неизбежен и должен был произойти, как только напарник найдет его убежище — третью туалетную кабинку второго этажа здания Комсомольского РОВД города Владимира.

Кстати, как он оказался здесь, обнимающий конкретно этот, мягко говоря, не самый чистый унитаз, Бестужев сказать не мог. И который день по счету он просыпался в таких нелепых местах, посчитать тоже не сумел. То ли четвертый, то ли пятый.

— Бестужев, твою мать! Если ты сейчас же не выползешь, Булдаков порвет нас обоих. Ну куда ж ты делся?

— Ищи, Олежек, ищи. Ты же опер, в конце концов, — пробормотал Бестужев. — А пока не нашел, моя голова будет находиться в состоянии покоя. И я не буду думать о ней... О ней, о Лере...

Бестужевский запой начался ровно через час после того, как его жена объявила капитану, что уходит. Причем сделала это вспыльчивая Лера спокойным, чуть грустным голосом, без упоминания всех бестужевских недостатков, без упреков — в общем, так, что он безоговорочно ей поверил. И не нашелся сразу, как поступить правильно: кричать на Леру или наоборот — умолять ее остаться. А она, увидев его замешательство, просто чмокнула капитана в щеку и ласково прошептала:

— Прости, наше время прошло, у меня начинается новая жизнь. Я надеюсь, что и у тебя все будет хорошо, — она непроизвольным жестом убрала свою челку с глаз — именно это легкое движение всегда чертовски возбуждало Бестужева...

— Сань, ну ты где? Это уже не смешно, — Олег в коридоре чуть не плакал. Бестужеву было его даже немного жалко, но сил встать и выйти самому у него не было.

...Ясное дело, он сразу же ушел в запой. Но не от жалости к себе, как это делают большинство русских на его месте, а от непонимания и абсурдности происходящего. Ведь скажи ему кто еще пару лет назад, когда они приехали из Крыма, что он тоже может стать “бывшим”, он бы рассмеялся в лицо.

Конечно, их брак не был идеальным: бывало всякое. Но все ссоры неизменно заканчивались постелью, букетами цветов и совместными походами в недорогие кабачки. И эти вечера, как думал Бестужев, скрепляли их брак нерушимыми скрепами. Ведь куда, в основном, идут пары, чтобы помириться? В дорогие рестораны, где их ждет камерная свечная обстановка, кислое вино и роза, стоящая в вазе между ними. У Бестужевых все было

не так.

Они шли в кабачок и напивались вдрызг. Кричали, пели песни, смотрели футбол, играли в бильярд — в общем, делали все то, чем обычно занимается компания закадычных друзей. Каждый раз такой вечер неизменно превращался в попойку — и частенько дело заканчивалось вызовом наряда полиции. По их приезду Бестужев, конечно же, решал все вопросы при помощи ксивы, а полицейский уазик использовался в качестве такси.

Дома они срывали друг с друга одежду, и у них был тот самый безумный секс, который у счастливых семейных пар бывает три-четыре раза в год. После него не хочется ничего говорить, даже смотреть друг на друга, просто хорошо лежать рядом и понимать, как здорово, что однажды звезды свели их вместе.

На следующий день Бестужев получал дежурный “нагоняй” от полковника Булдакова за превышение полномочий, но разве прошедшая ночь не стоила этих жертв? Тем более, что по-настоящему Егорыч, хоть и любил разговаривать с подчиненными криком, обижаться на Бестужева не умел. Да и не мог — куда уж он без начальника отдела Q.

— БЕСТУЖЕВ!!! — раздался рев из коридора.

Ну вот, обреченно подумал капитан, о нем вспомнишь, он и появится. Но пару минут еще есть, вряд ли Егорыч сам пойдет осматривать туалет — побрезгует, пошлет Олежека.

Отдел, состоящий из двух оперов и одной хакерши, назывался “отделом Q”, конечно же, неофициально. Авторство принадлежало, естественно, Булдакову. А началось все два года назад, когда у Бестужева был другой напарник — алкоголик Лыков. Лыков пил много и часто, поэтому на работу приходил редко. В принципе, капитана такой распорядок дня напарника устраивал, потому что Лыков в расследованиях больше мешал, чем помогал.

В один из таких запоев Лыкова случилось в провинциальном Владимире неординарное преступление — в мусорном баке нашли тело девушки. При осмотре оказалось, что кто-то его сначала разрубил, вынул внутренности, слил кровь, а потом хирургически сшил обратно, предварительно набил соломой. Этаким маньяк-таксидермист завелся в городе.

Бестужев рьяно взялся за дело, но версий и ниточек было так много, что ему одному не хватало ни рук, ни времени. Капитан запросил подмоги у Булдакова. Оба понимали, что на Лыкова рассчитывать не приходится, но и свободных людей тоже не было. И тут под руку попался стажер — Олег Веретенников, курсант пятого курса Владимирского юридического института. Бестужев поначалу отнесся к идее привлечь безопытного курсанта к реальному расследованию скептически, но тот оказался парнем смышленным и работы не боящимся.

Капитан быстро сработался с Олегом — или Олежеком, как он часто его называл. Белобрысый и долговязый юноша взял на себя опрос свидетелей, ведение протоколов, составление отчетов и прочую рутину. При этом не стеснялся высказывать свои версии и догадки по делу. В результате таксидермиста удалось вычислить буквально на третий день. Им оказался пластический хирург, работавший в одной из местных частных клиник. Оказалось, что он стоит на учете у психиатра в соседних Ивановской и Нижегородской областях. А свой диплом хирурга купил в московском метро.

В подвале дома, где хирург снимал квартиру, обнаружили и все доказательства его вины — высушенные и развешенные внутренние органы, написанные кровью картины. Когда Булдаков лично прибыл на место, то даже он, бывалый мент, раскрыл рот от удивления и только и мог, что мычать:

— О! О! Оооооо!

Бестужев, сам пытавшийся изо всех сил сохранять душевное равновесие, неудачно

пошутил:

— Егорыч, и что же означает сия высокоумная и философская мысль?

Полковник повернулся к нему да так и остался стоять с открытым ртом. Бестужев не смог сдержаться и захохотал. Сказалось нервное напряжение последних дней.

Булдаков, потрясенный всем увиденным, истерику капитана не поддержал. Взяв себя в руки, он понял, что вид имел оконфуженный, поэтому отыграться на подчиненном сам бог велел.

— Это, Бестужев, я пытался донести до тебя новость о твоём повышении. Теперь милый мой, ты назначаешься начальником отдела О. И отдел этот будет расследовать исключительно запутанные и странные дела. Ну и премии будешь получать в соответствии с раскрываемостью.

Не успел Бестужев расстроиться, как один из криминалистов привлек их внимание. Они подошли к неприметному ящику, стоявшему в дальнем углу. Он был раскрыт, а внутри лежали брошенные как попало человеческие головы — четыре штуки. Это означало лишь одно: трупов на самом деле было больше. А значит, дело еще не закрыто, и геморроя в его раскрытии предстоит еще много.

Полковник от увиденного побледнел, начал хватать ртом воздух, но в этот раз успокоился быстрее. Повернувшись к капитану, он процедил:

— Хотя нет, командовать тебе отделом Q, Бестужев. Вот эта рисочка к литере О будет означать, что расследовать ты будешь такие дела, в которых наступил полный звездеч. Вон как сейчас.

С этими словами Булдаков покинул душный подвал. А название к отделу так и прилипло. Конечно, капитан со стажером довели дело до конца, установили личности всех убитых — ими оказались, в основном, бездомные, вот и шума поэтому не было. На лицах без определенного места жительства таксидермист тренировался, прежде чем выйти на настоящую охоту.

Награды за раскрытие преступления получил, конечно, Булдаков, но капитан был не против. Для себя он выторговал смену напарника — вместо Лыкова в отдел Q был зачислен Олег Веретенников. Сначала в качестве внештатного работника, а после окончания института — уже полноценным опером.

С тех пор минуло два года, и за это время их отдел снискал определенную славу. Булдаков, верный своему слову, отписывал им самые замороченные и запутанные дела. Но капитан с летехой с ними справлялись “на ура”. Об отделе Q заговорили всерьез, а местные смишники даже сняли несколько двухминутных сюжетов о героях-полицейских.

Так что жизнь шла своим чередом, и в целом, была не хуже, чем у других. Пока не наступил тот злополучный вечер, закончившийся объяснением и уходом Леры.

...Дверь в туалет открылась с аккуратным скрипом. Бестужев, скорее, ощутил, чем услышал крадущиеся шаги Олега.

— Саня, ты тут? — почти шепотом позвал Веретенников. — Ну скажи, пожалуйста, что ты тут. Там шеф в ярости от того, что найти тебя не может. Ведь на мне отыграется. Саня, пощади, я ведь еще молодой, жизни настоящей не видел. Не отдавай на казнь, смилуйся.

Бестужев поморщился — Олежек, безусловно, переигрывал. Казнить его полковник точно не собирался, тем более за грехи капитана. Тем более, если на горизонте замаячило новое, портящее булдаковский аппетит, расследование. Другое дело, что по головке тоже не погладит.

А, как известно, нагоняй лучше получать заодно с товарищем. Ладно, Олежек, не дрейфь, отмажемся — в первый раз, что ли? Дай мне еще лишь пару минут...

И ведь ничего, понимаете, ничего не предвещало такого развития событий. За неделю до лериных признаний они съездили на турбазу в Подмоскowie, где провели очаровательные выходные. На природе, в отличие от города, весна еще не полностью победила зиму, и в лесу было очень красиво.

После прогулки по лесным тропам они пожарили шашлык и заели им красное вино. Вечером планировали сходить в бассейн, но передумали и пошли в караоке. Петь не умели оба, но оба в нетрезвом состоянии делали это довольно часто. На турбазе они были впервые, их никто не знал, соответственно, и стесняться было некого.

Наоравшись от души, они посетили дискотеку “для тех, кому за”. Оттуда их попросили уже через два танца, так как своими па они пугали достопочтенную публику. Решив не накалять ситуацию, они просто вернулись в свой домик и залезли в постель, где до самого утра выполняли все известные им трюки, помогавшие не уснуть.

И ведь ни словом, ни жестом Лера не дала намека на то, что у нее кто-то есть. Наоборот, под жарким одеялом она шипела о любви, стонала от любви и билась в сладостных конвульсиях за любовь.

С той ночи прошло чуть больше недели. За это время, кстати, у них еще раз был секс — такой рабочий, на бегу, но довольными остались оба. А потом — раз, будто рубильник переключили. И Лера стала чужой. И так незастенчиво заявила о прошедшей любви и своем уходе. Так не бывает, так не должно быть.

Незаметно для самого себя Бестужев застонал. На этот звук тотчас же среагировал Олежек. Он рванул дверь кабинки на себя и вырвал хлипкую щеколду с мясом.

— Вот ты где прохлаждаешься. Вставай скорее, в коридоре ждет Булдаков!

Бестужев честно попытался встать, но смог пошевелить только головой. В ответ в черепной коробке раздался тот самый отложенный взрыв, и капитан сдался. Поудобнее пристроив голову на крышке унитаза, он приготовился вновь отбыть в царство грез, пусть даже грезы приносили с собой ненужные переживания.

— Ну ты офигел, Саня, — в голосе Олега больше не было жалости и сочувствия. — Пеняй на себя. Булдакову я доложу, а дальше разбирайся с ним сам.

Лейтенант развернулся и пошел в сторону выхода из туалета. Через секунду Бестужев снова услышал интеллигентный скрип двери. Он понимал Олежака и не осуждал его. Наверное, на его месте он вел бы себя точно так же. Но он, к несчастью, был на своем.

Олежек, к слову, первым поддержал Бестужева. И в самой трагедии, и в первой попойке. Но уходить в глухой запой, как капитан, он был не готов. В конце концов, лейтенант был еще молодым, женщин любил, но жениться не планировал, а посему и переживать из-за расставания с противоположным полом попросту долго не умел. Ушла? Пусть даже бросила? Не беда. Чутка попереживали и хорош — в мире (да что в мире — даже во Владимире) немеряно красивых и ждущих, чтоб их сорвали, бутонов. Читай: девушек и женщин.

А вот Бестужеву было уже не двадцать четыре, жизнь перевалила за середину четвертого десятка. И пусть они с Лерой не были расписаны, но последние десять лет были вместе. И капитан думал, что будут вместе до самого конца, каким бы этот конец не был. Как любила шутить Лера:

— И даже смерть разлучит нас ненадолго. Придет время, мы воскреснем, и на Страшном Суде будем держать ответ, стоя рядом, переплетя пальцы рук.

Не дождалась Апокалипсиса, правда будней разлучила их раньше...

Дверь в туалет больше не желала изображать из себя курсистку. Она издала нечто среднее между мяуканьем потревоженного мартовского кота и вжиком затупившейся пилы. Вслед за звуком, впечатывая каждый шаг в мозг Бестужева, на территорию санузла вступил полковник.

— Какая кабинка, говоришь? — по-видимому обращались к Олегу.

— Третья, товарищ полковник.

Булдаков подошел ближе.

— А почему щеколда сломана? — вновь вопрос к лейтенанту. — Бестужев постарался?

— Никак нет, это моя работа, — встал на защиту начальника Олег. — Не думал, что заперто, и рванул на себя. Хлипкая оказалась.

— Ну раз твоя работа, тебе и чинить. Но после дела.

Несчастную дверцу снова рванули. С полминуты полковник разглядывал распластавшегося на полу и обнимающего унитаза Бестужева. Полностью пропитанный работой мозг автоматически составил портрет капитана: рост метр восемьдесят, вес семьдесят семь килограммов, размер ноги примерно сорок четыре — сорок пять. Волосы черные, но по вискам уже нескромно гуляет седина. Глаза глубоко посаженные, но сегодня опухшие — результат интоксикации организма. Небритость небрежная, запущенная. “Типичный алкаш, лишившийся работы, скажут девять из десяти опрошенных”, — подумал Булдаков. Но он-то знал, что за внешней оболочкой скрывается хваткий ум и энциклопедические знания, упорство в поиске решений и умение идти до конца во что бы то ни стало.

Поэтому он выдержал необходимую паузу, за которую его гнев улетучился. Булдаков знал свой нрав и понимал, что сейчас важно не перегнуть палку. Во-первых, это не поможет поставить капитана на ноги, а во-вторых, в предстоящем расследовании без Бестужева никуда. Такое приключилось, что кажется, звездам всем звездам пришел.

— Александр Бестужев! Вы порочите честь мундира! Офицеры полиции и милиции всех поколений не могут вами гордиться!

В ответ полковник услышал лишь два слова:

— Егорыч!.. Отстань...

В любой другой день Булдаков так бы и поступил. Но не сегодня. Расследование не могло ждать. Полковник, извинившись про себя, набрал в легкие побольше воздуха и заорал:

— Капитан Бестужев, подъем, кому говорю! У нас трупешник! Да такой, что закачаешься. “Секретные материалы” отдыхают!

Капитан вмиг забыл о головной боли, подальше запихнул боль душевную и вскочил. Точнее, попытался — получилось с третьей попытки.

Надо взять себя в руки, мысленно одернул себя Бестужев, случилось что-то и впрямь из ряда вон. Потрогав голову и найдя ее на месте, он разлепил глаза, потом губы. Взгляд сфокусировался не сразу. Оpozнав полковничьи погоны, он оперся на стенки кабинки и выдавил:

— Егорыч, пиво есть?

Глава 2. Малдеру и не снилось

Бестужев уже очень давно работал под руководством полковника Булдакова. Обоим, несмотря на непростой характер, было комфортно друг с другом. Полковник хоть и отошел давно от оперативной работы, не чурался посещать места преступлений, бывал и при первичном осмотре у патологоанатома — благо доктора Стрельцова знал еще со студенческой скамьи.

У полковника было правило — узнавать о происшествиях раньше всех. Все дежурные знали: если что случилось, доложи сначала Булдакову, а потом уже — в оперативный отдел. Полковник любил классифицировать совершенные преступления. В свою очередь, Бестужев любил по словам полковника угадывать, что произошло, еще до того, как прочитает сводку.

С годами Бестужев понял, что в иерархии полковника было четыре типа преступлений. При этом полковник по определению был уверен, что его сотрудники не в состоянии раскрыть даже кражу велосипеда.

Первый тип назывался “Моя бабушка справилась бы за день”. К нему относились бытовуха, ограбление ларьков, кабацкий разгул и тому подобная полицейская рутинка. К нему же относилась и уже упомянутая кража велосипеда, хотя на памяти Бестужева таких инцидентов в городе не наблюдалось уже лет десять.

Далее шли преступления посложнее — убийства, на которые было необходимо привлекать криминалистов, мошенничества, коррупционные дела... Список можно продолжать. Их Булдаков называл “Заведомый всяк”. Действительно, такие расследования длились не один месяц, и часто даже не доходили до суда — фигуранты либо погибали, либо откупались, либо не находились. Бестужев по возможности избегал таких дел, да и полковник особо не настаивал.

Тем более, что третий тип преступлений и составлял, собственно, хлеб капитана полиции Александра Бестужева. Он любил, когда Булдаков тихо-тихо скребся в дверь его кабинета, ласково интересовался, не занят ли капитан. И только потом — аккуратно, издали начинал говорить о деле. А заканчивалось все всегда одинаково:

— Сань, ну ты же понимаешь, что кроме тебя с этим никто не справится. Не подведи старого друга.

Конечно, Бестужев старого друга не подводил и помогал тому раскрывать сложные преступления и двигаться по карьерной лестнице. К слову, именно ради таких дел, которые он окрестил как “Никто, кроме Сани”, капитан и пошел в полицию. Именно о таких преступлениях и таких раскрытиях он читал в затертых до дыр детективах в детстве. И свою работу он гордо именовал сыском. Ему очень нравилось это старое, теперь уже редко упоминаемое, русское слово.

Однако то, что выдал Булдаков сегодня в туалете, не попадало ни под один из вышеперечисленных типов. Редко, очень редко происходили по-настоящему жуткие преступления. Приснопамятное дело о маньяке-таксидермисте было одним из них. Под четвертый тип попадали, например, убийства без мотивов или убийства с чересчур дикими мотивами; или убийства, о которых узнали случайно или спустя много лет. Такие преступления могли быть совершены хитрыми маньяками или хладнокровными киллерами.

Но самое главное — вокруг таких дел обязательно поднимается шумиха. Пресса очень любит полуразложившиеся трупы, откопанные в лесу, или найденные скелеты,

замурованные в стенах довоенного дома.

К счастью — такие дела в провинциальном Владимире случались крайне редко. Но случались.

Старшие товарищи на одной из корпоративных попоек рассказали об одном таком расследовании. Тогда, в лихие девяностые, сошедший с ума от происходящего вокруг учителя рисования резал по ночам загулявших подростков. Его так и не поймали тогда. А о причастности к зверствам прочитали в посмертных мемуарах, которые случайно нашел сосед.

Конечно, в то время убийствами мало кого можно было удивить, но о регулярных убийствах детей говорила вся Россия. Каждый раз прибывая на место преступления, тогда еще лейтенант Булдаков поминал модный в те годы сериал:

— Мдааа, такое даже Малдеру со Скалли не снилось.

Или так, сокрушенно:

— Еще пару трупов, и не быть мне начальником Скиннером.

Но чаще всего так:

- “Секретные материалы” отдыхают.

До сегодняшнего дня он слышал о “Секретных материалах” от полковника всего пару раз. Но, как говорил один известный политик, “никогда не было — и вот опять”.

“Что ж, возможно, оно и вовремя”, - размышлял Бестужев, потягивая пиво. Первую бутылку он осилил залпом, со второй справлялся не торопясь — все по фэн-шую. — “Может, это дело отвлечет меня от Леры”.

Пиво, хоть и не быстро, но оттягивало хмель. Уже через полчаса после воскресения он готов был мыслить. Теорему Пифагора капитан сейчас рассказал бы вряд ли, но выпитывать информацию он был готов.

— Егорыч, рассказывай.

Но полковник лишь махнул рукой. Они втроем с Олегом сидели у Булдакова в кабинете — в комнате отдыха. Помещение было небольшим, и большую его часть занимал овальный невысокий столик, заполненный алкоголем, и четыре кресла. Три из них сейчас были заняты.

— Ну тогда ты, Олег, рассказывай! — Бестужев расправился со второй бутылкой и размышлял, открывать ли третью или налить виски.

— Да я даже не знаю, с чего начать... — протянул Олег.

Решив внутреннюю дилемму и налив виски на два пальца, Бестужев включил начальника:

— Давай, как обычно, коротко и по существу.

— Ну тогда так, — выдохнул лейтенант. — Сегодня рано утром в арке Золотых ворот был обнаружен деревянный крест. Он был подвешен веревками, которые крепились к арке.

— Вот еще гнева защитников памятников ЮНЕСКО нам не хватало, — проворчал Булдаков. — Наверняка, местами лишь штукатурку поцарапали, а вон будет до самого Кремля.

Бестужев сделал большой глоток виски и зажмурился от удовольствия. Оскверненные памятники архитектуры волновали его мало.

— Но главное — это не сам крест, — аккуратно продолжил Олег. — А тот факт, что на кресте распят человек.

— ЧТО?! — поперхнулся Бестужев и поставил стакан на стол. Пожалуй, с виски стоит

повременить.

— Да вот так вот. Погибший — не русский, то ли азиат, то ли еще кто. Весь в татуировках, обнаженный по пояс, висел себе головой вниз.

Бестужеву стало не по себе — то ли от выпитого за последние дни, то ли от абсурда происходящего.

— Когда это произошло?

— Ну, судя по всему, ночью. Труп в районе четырех утра обнаружил водитель троллейбуса, чуть раньше положенного вышедший на маршрут.

— А сейчас сколько времени?

— Так уж девять почти.

— Дьявол! — выругался Бестужев. — Пять часов прошло с момента обнаружения тела. Наверняка, все улики уже затоптали. Я надеюсь, хоть тело не трогали?

— Ты издеваешься? — побагровел Булдаков. — Ты хочешь, чтобы посреди города у меня висел распятый иностранец и дожидался, когда ты из штопора выйдешь? Да меня бы самого распяли еще до того, как я тебя в туалете нашел.

— Резонно, — пошел на мировую капитан. На месте шефа он поступил бы точно так же.

— Саш, на место была отправлена команда капитана Смирнова. Ты же знаешь: Василий — толковый парень. Прежде, чем снять тело, они все сфотографировали, криминалисты облазили каждый миллиметр. Собственно, они до сих пор там — работают.

— Так что же мы здесь сидим? — вскочил Бестужев. — Надо ехать. — И первым покинул кабинет.

— Ну вот, кажется, ожил, — пробормотал полковник. — Может, оно и обойдется.

...Путь до Золотых ворот занял считанные минуты. Редкое зрелище — вся территория вокруг древнего памятника была оцеплена, количество полицейских на квадратный метр превышало все мыслимые нормы.

Капитан Смирнов вышел встретить начальство, а заодно поделиться последними новостями.

— Прежде всего, удалось установить личность убитого, — рассказал Смирнов.

— Это каким же образом? — удивился Булдаков.

— Не поверите: в кармане брюк мы обнаружили заграничный паспорт этого господина. Бестужев удивленно хмыкнул.

— Саш, у нас была та же реакция. Убийца, кто бы он ни был, видимо, хотел, чтобы мы опознали жертву.

— Либо ему было по фигу, кого он убил, — не согласился Бестужев.

— Если так, то все еще хуже, чем мы думали. Но я продолжу. По документам в нашем древнем городе распяли жителя Республики Эль-Сальвадор Пабло Ганадора.

— Занятно. А ты мне говорил — азиат, — повернулся Бестужев к Олегу.

— Ну как мне доложили, так я и передал, — огрызнулся тот.

— Вась, есть что еще?

— Ну, как ты понимаешь, долго держать этого Пабло на виду у всего города мы не могли, но отфиксировали тело во всех проекциях, — Смирнов позвал фотографа, — Леня, покажи капитану и полковнику фотографии.

Леня включил дисплей, и все склонились над небольшим экранчиком. С небольшими интервалами фотограф листал фотографии. Первая реакция от увиденного — шок, но постепенно Бестужев с Олегом начали присматриваться к деталям, увеличивая отдельные

части фотографий.

Убитый сальвадорец действительно был распят на кресте — запястья и лодыжки были пробиты огромными гвоздями, скорее всего, костылями, которые используют для строительства железных дорог. Сам крест, с виду деревянный, был подвешен за длинную перекладину тросом, который убийца перекинул через арочную перемычку, делящую створ древних ворот примерно пополам.

— Ты не говорил, что крест перевернутый, — укорил Олега Бестужев. — Это может быть важным.

— Слушай, да я сам не знал. Думаешь, сатанисты?

— Черт его знает, разберемся.

Далее шли крупные фото убитого сальвадорца. Коллегам бросились в глаза его татуировки. Они были по всему телу, но больше всего — на лице и бритом черепе. Там буквально не было свободного места.

— И что все они обозначают? — спросил сразу у всех полковник.

— Пока сложно сказать. Есть узоры, есть надписи — причем на разных языках. Отдадим спецам — пусть расшифровывают, — пожал плечами Смирнов.

— Нужно еще сделать запрос в миграционную службу, а лучше — сразу в посольство. Да и в сам Сальвадор было бы неплохо... позвонить... написать... Черт, а где это вообще находится? — смешался лейтенант

— Олежек, на следующее 23 февраля я подарю тебе глобус — будешь изучать то, что прогулял в шестом классе. А конкретно — уроки географии.

— Я уже в пятом классе знал, что хочу стать полицейским. На фига мне география?

Бестужев театральным жестом поднял голову и руки к небу:

— Боже, я пытаюсь, я терплю, но этот неуч сопротивляется изо всех сил. Наставь его на путь истинный, путь знаний.

— Бестужев, хорош ерничать, — гаркнул подошедший Булдаков.

— Слушаюсь, товарищ полковник. Перестая ерничать и наставлять подрастающее поколение. Пусть помирает неучем.

— БЕСТУЖЕВ!!! — взревел Булдаков. — У нас труп латиноса, а ты...

— Вот видишь, Олежек, — наставительно вытянул палец Бестужев, — даже товарищ полковник знает, что Сальвадор находится в Латинской Америке. Хоть и обращаться к покойному “латинос” крайне неполицоректно.

— Да ну вас, — в сердцах кинул Булдаков, — работайте. Если что — я у себя в кабинете.

Полковник рванул к служебному “Форду”. Мавр сделал свое дело — спихнул всю дальнейшую работу и ответственность на Бестужева, мавр может уходить — время запахнуть в уютный кабинет, где его ждет любимое кресло и полбутылки “Джемесона”. Булдаков знал по опыту: сейчас главное — не мешать этим доморощенным Холмсу и Ватсону.

А Бестужев с Олегом, казалось, даже не заметили ухода начальства. Они продолжали шуточную перепалку, но при этом тщательно осматривали место преступления.

Золотые ворота находились в самом центре Владимира, но когда-то с них город только начинался. Это был самый парадный въезд в город, и князь Андрей Боголюбский использовал их для городских торжеств. Проездная арка была широкой и высокой, поэтому было непонятно, как убийца смог подвесить свою тяжелую ношу. Или убийц было

несколько?

Еще непонятно, почему его никто не видел. Древний памятник стоит на виду, жизнь в центре Владимира кипит до утра — неужели никто не обратил внимание на то, что кто-то ночью тащит огромный крест с висящим на нем человеком? Вопросы, сплошные вопросы.

Бестужев подошел к кресту, лежащему на брусчатке. Взялся за один конец короткой перекладки и попытался поднять. С первой попытки получилось не очень, со второй — он смог поставить крест на попа. Подошедший Олег поинтересовался:

— Тяжело?

— Это мягко говоря.

— А ты добавь еще килограммов восемьдесят веса трупа.

— Да-да.

Бестужев аккуратно уложил крест на землю, несколько раз обошел его вокруг, опустился на корточки, погладил и даже понюхал улику:

— Слушай, что-то я не пойму, из какого дерева сделан крест. Скажи спецам, пусть возьмут образец на экспертизу.

— Добро.

Оставшись один, Бестужев еще некоторое время осматривался вокруг, а потом пошел в сторону “скорой”, которая припарковалась в десяти метрах — рядом с Козловым валом. Этот памятник архитектуры дополнял Золотые ворота. Вместе ансамбль показывал мощь, которая была у древнего города почти тысячу лет назад.

Возле “скорой” курили водитель, молодой интерн лет двадцати, и давний знакомый всей владимирской полиции — патологоанатом, доктор Серафим Серафимович Стрельцов. Доктор был стар — пенсию он заработал уже лет пятнадцать назад, но на заслуженный отдых его не отпускали коллеги; лыс, но идеально выбрит; носил очки с очень толстыми линзами, но даже в них постоянно щурился. По старой медицинской традиции, Стрельцов держал сигарету не пальцами, а медицинским пинцетом. И когда пафосным движением подносил ее ко рту, то напоминал феминисток начала двадцатого века, введших в моду длинные мундштуки.

Подошедшего Бестужева он приветствовал еще на подходе:

— Что, Саша, подкинула жизнь какашечку? — чувства юмора и такта у Стрельцова были своеобразными, но это среди патологоанатомов было не редкостью.

— И не говори, Серафимович. А ведь жизнь и так не легка...

— Слышал про Лерку, слышал. Вот стервуха, нашла жихаря покобелистее, видать, — захихикал Стрельцов.

Бестужеву не хотелось обсуждать свои семейные проблемы ни с кем, а тем более — с доктором, поэтому он поспешил перевести тему:

— Труп у тебя?

— А где же ему быть, болезному. Хотел я его сразу увезти в морг, но решил тебя дожидаться. Я ж его как увидел, то сразу понял, этот товарищ по твоей части.

— Показывай. И рассказывай.

Бестужев подошел вплотную. Внутри “скорой”, на каталке под простыней угадывался силуэт сальвадорца. Стрельцов дернул простыню, и та съехала на пол.

Капитан уже видел труп на фотографиях, но все равно вздрогнул. Такого живым на улице повстречаешь — не открестись. Смуглый, лысый, весь в татуировках, господин Пабло вызывал только отрицательные эмоции. Татуировки были агрессивные — рога, черепа

(один уместился прямо на переносице), пистолеты, ножи, голые девицы и тому подобная бандитская тематика. Узкие бескровные губы сильно сжаты — складывалось впечатление, что сальвадорец до самой смерти пытался показать убийце свою волю и не закричать. Если так и было, то можно смело утверждать, что при жизни Пабло Ганадор был суровым господином.

— На первый взгляд, я не нашел никаких признаков насильственной смерти, привычных нам: следов удушения, огнестрельных ран, гематом и так далее. Мое первое заключение — он умер от потери крови. Стигматы — раны на руках и ногах — очень широкие, конечности пробиты железнодорожными костылями, причем не пробивались отдельно, а прибивались прямо к кресту.

Стрельцов взял в руки запястье сальвадорца и показал Бестужеву.

— Но вот что странно. От таких ран нельзя умереть мгновенно — это долгая и болезненная смерть. Если помнишь историю, многие рабы в Древнем Риме висели на крестах по несколько дней, а в отдельных случаях — и по неделе. Особо стойких добивали центурионы или стервятники. Здесь же смерть наступила за считанные минуты. Кровь вылилась из ран, словно вода из бутылки.

— Как такое может быть? — спросил Бестужев.

— А вот это, Саша, не ко мне. Мое дело — в трупах копать, решать загадки — это по твоей части.

— Хорошо, Серафимыч, давай заниматься каждый своим делом. Когда ты расскажешь что-нибудь новое?

— К завтрашнему утру я составлю подробный отчет, — сказал Стрельцов. — А еще лучше, приезжайте ко мне сами, отвечу на все вопросы. Их и так много, но чувствую, они еще появятся.

— Тогда до завтра, — Бестужев попрощался со Стрельцовым и вернулся под арку, где его ждал Смирнов. — Что нового?

— С отпечатками беда — на кресте и костылях их нет, а вокруг — тьма тьмущая. Ну а что ты хотел — это же наша достопримечательность, здесь за сутки толпы проходят.

— Ясно, что со свидетелями?

— Я отправил своих по окрестным зданиям, заодно камеры пробьем. Надежды немного, не Москва все же, но вдруг повезет

— Надо еще посмотреть камеры в радиусе пары километров, не засветился ли где.

— Скажу парням.

Бестужев еще раз огляделся вокруг. Оперативная группа потихоньку сворачивалась, пора и им двигаться дальше. Вот только куда податься? С чего начать? В этом уравнении слишком много неизвестных.

— Вась, а запрос в посольство отправили?

— Да, в этом направлении уже шуршат. Обещали с ответом не затягивать.

— Лады, держи в курсе.

Один капитан пожал руку другому, и Бестужев, перейдя дорогу, направился в сторону Музея хрусталя, откуда ему махал рукой Олег. В другой руке он держал планшет.

— Слушай, Сань, я, кажется, знаю, кем является наш трупак. Только не пойму, каким ветром бродячего муравья занесло так далеко от дома.

— Говори яснее.

— Помнишь самую большую татуировку на груди господина Ганадора?

— Да, надпись какая-то.

— Вот она-то мне и не давала покоя. Это название одной из самых жестоких преступных группировок в мире — MS-13. Расшифровывается как Mara Salvatrucha.

— А переводится?

— А переводится как “бригада сальвадорских бродячих муравьев”.

— Что-то я о них слышал.

— Возможно. В любом случае я уже кинул запрос Инге, к нашему возвращению она обещала что-нибудь накопать.

— Тогда по коням.

Бестужев развернулся и посмотрел на Золотые ворота. Вышедшее весеннее солнце заиграло бликами на позолоченном куполе. Но его внимание привлекла надарочная икона Иисуса Христа. На короткий миг капитану показалось, что Спаситель впери́л свой взгляд прямо в него, а из правого глаза скатилась кровавая слеза. Капитан зажмурился, а когда снова открыл глаза, то Сын Божий, как и раньше, устало смотрел на мир перед собой.

Вернувшись в РОВД, они хотели было зайти к Булдакову, но по пути передумали и пошли к себе в отдел. Там их ждал третий и последний специалист отдела Q. Точнее, ждала. Так как третьим членом их банды была очень красивая девушка — Инга Татарникова.

Природа очень щедро обошлась с геномом этой двадцатитрехлетней нимфы. Рост метр восемьдесят, длиннющие ноги, кажущиеся бесконечными из-за обязательных каблучков, грудь чуть больше третьего размера, умопомрачительная пятая точка, самый верх которой закрывали кончики ослепительной рыжей гривы. Представили себе? Тогда добавьте к этому портрету слегка игривую полуулыбку, лукавые глаза, немного вздернутый носик. Начинаете потеть? О, это только начало. Нижнее белье Инга перестала носить еще где-то в десятом классе, зато любила глубокие декольте и низко сидящие джинсы. Довершала образ красивая татуировка в виде змеи, обвивающей левую руку от локтя до запястья. Она не курила, пила только дорогие итальянские и грузинские вина. Дыхание сперло? Ничего, Бестужев с Олегом к этому уже давно привыкли. Каждый, кто видел Ингу впервые, испытывал похожие чувства.

Конечно, ни один уважающий себя мужчина не смог пройти мимо Инги. Но приставать к ней бросили уже давно. Хотя поначалу с горькой правдой смириться мужскому самолюбию было тяжело. Дело в том, что Инга была открытой лесбиянкой. Более того, она была неофициально жената на другой лесбиянке по имени Ната, которую Бестужев с Олегом видели всего пару раз и то мельком. Еще Олег как-то подслушал, что пара серьезно задумывалась о ребенке.

Неудивительно, что Бестужев видел в Инге прежде всего коллегу и профессионала, хотя нет-нет да и тонул взглядом в ложбинке между ее грудей. А профессионалом Инга была с большой буквы. Хотя хакер — это, скорее, образ жизни, а не профессия.

Бестужева привлекало в Инге ее умение организовать процесс. Да, она, как и многие, могла по 20 часов в сутки сидеть за компьютером, взламывать чужие учетки или счета, — но помимо этого, Инга виртуозно умела обращаться с информацией. Она фильтровала, компоновала, систематизировала терабайты данных, а в результате Бестужев получал четкий отчет на две-три страницы по любому своему запросу. Поэтому он нисколько не удивился, когда, войдя в кабинет, услышал:

— Шеф, справка по MS-13 готова. И я скажу вам, ребята, такого увлекательного чтения у меня не было давно. Мой кругозор больше вашего в разы, — Бестужев поморщился, но стерпел, — но об этой группировке я до сегодняшнего дня не слышала, а между тем Дональд Трамп назвал ее самой опасной в мире, прикиньте? Даже “Аль-Каида” рядом не стояла. И как этот пациент оказался в наших пенатах — тайна всех тайн, я вам скажу.

Олег сел на старый диван, который Бестужев год назад принес из дома — оперативникам часто приходилось ночевать на работе, и спать на придвинутых друг к другу двух стульях надоело.

— Инга, ты уверена, что ни в чем не ошибаешься?

— Когда такое было, Олег-лейтенант, — Веретенникова бесило, когда Инга так его называла, как, впрочем, и вся ее манера разговаривать, но сделать с этим ничего было нельзя. Только понять и простить. — Это еще цветочки. Давайте по порядку.

В следующие полчаса Инга раскрыла перед своим коллегами дивный новый мир. У Олега челюсть отвисла практически сразу, и он просидел так до конца. А Бестужев, налив в

стакан воды, так и не донес его рта. Впрочем, понять двух друзей было можно.

— Бандитская группировка MS-13 возникла в Америке не так давно. В начале восьмидесятых годов прошлого века в США хлынули десятки тысяч иммигрантов из Сальвадора, спасая свои семьи от Гражданской войны. Как и знаменитые негритянские группировки, банда зародилась в городе ангелов. Естественно, что поначалу сальвадорцы оказались в самом низу пищевой цепочки гетто: мексиканцы, афроамериканцы, итальянцы — каждый считал себя хозяином Лос-Анджелеса.

Ну а раз государство не в силах защитить граждан, эту функцию берут на себя борцы из народа. Довольно быстро улицы города заполнили небольшие банды, которые назывались “кликами”. Всего за несколько лет “клики” переросли в банду муравьев. Сегодня, по разным оценкам, их численность колеблется в районе трехсот тысяч человек.

— Обалдеть, — вставил Бестужев, — это ведь как весь наш Владимир.

— Ага, вместе с детьми, стариками и беременными женщинами. Понятно, что такую прорву народа надо чем-то занимать. Спектр преступного бизнеса у Mara Salvatrucha чрезвычайно широк: торговля наркотиками, оружием и людьми, грабежи и рэкет, заказные убийства и похищения с целью выкупа, проституция, угоны машин, отмывание денег, мошенничество. И, наверняка, я что-то упустила, — усмехнулась Инга, но, не увидев ответной реакции от начальства, продолжила:

— Банду отличает неуправляемая, какая-то животная жестокость. Складывается впечатление, что границ для муравьев не существует. Например, в 2003 году Mara Salvatrucha убили несовершеннолетнюю беременную девушку, которую подозревали в работе на ФБР. В 2004 году клика изрешетила пассажирский автобус: погибли двадцать восемь человек, включая шестерых детей. Это была акция устрашения, направленная против властей. Два года спустя муравьи расстреляли футбольную команду прямо на поле — семь человек погибло. Предположительно они были членами конкурирующей банды. И, если честно, я могу продолжать этот список до вечера. США, Мексика, Сальвадор, Гондурас, Гватемала — количество преступлений, совершенных MS-13 на территории этих государств давно перевалило за сотни тысяч.

Во время пыток члены банды могут с помощью мачете отрубить руки, пальцы, гениталии и скормить их собакам. Их не смущают групповые изнасилования, массовые расстрелы гражданских лиц, вооруженные столкновения с полицией...

В октябре 2012 года Mara Salvatrucha стала первой уличной бандой, которую власти США признали “транснациональной криминальной организацией”. А летом 2017 года президент Америки Дональд Трамп в своем выступлении назвал банду одной из самых главных угроз страны, а ее членов — “животными”. Трамп пообещал уничтожить банду за время своего правления, но, если говорить откровенно, за годы, проведенные у власти, у него мало что получилось.

Как и у других бандитских группировок, в среде MS-13 распространена культура татуировок. Но их главное отличие — не ЧТО “набито”, а ГДЕ. Многие латинские бандитос могут похвастаться, татуировками на шее или за ушами, но муравьи полностью “забивают” лицо, не оставляя свободного места. Нередко они бреют волосы, чтобы покрыть татуировками затылок и темя. Господи, да они рисуют тату даже на внутренней стороне губ. При этом, конечно, татуировок на других частях тела тоже хватает.

Расписанные лица стали настолько ассоциироваться с бандой, что во время полицейских спецопераций членов клик определяли именно по ним. Неудивительно, что в

последнее время главари MS-13 стали уговаривать новичков быть более умеренными в татуировках — доказать свою любовь банде можно и по-другому.

Кстати, именно от сальвадорцев пошла мода на татуировки на лице среди селебрити. Первыми, конечно, под хайп попали реперы. В том числе и российские. Хотя я не уверена, что Face слышал о существовании MS-13. Ну а самой яркой жертвой этой сомнительной моды стал недавно покончивший с собой Зомби-бой, снимавшийся в клипах Леди Гаги.

— И какие мировые шедевры мы можем увидеть на телах наших бандитос?

— Ну чего там только нет. Чаще всего это буквы M и S, а также цифра 13. Любые размеры, любые шрифты. Также популярна надпись Mara Salvatrucha — как на английском, так и на испанском языках. Рядом могут соседствовать древний индейский орнамент и герб Сальвадора. Имитация освежеванной плоти или шейных позвонков и Дева Мария. Если честно, разобраться в хитросплетениях татуировок очень сложно. Сами муравьи с посторонними своими тайнами не делятся, кто знает — прочитать сумеет. По недостоверной информации, под внешним хаосом татуировок скрыты данные о принадлежности к той или иной клике, месте в ее иерархии, о конкретной преступной деятельности, о наличии судимостей и так далее.

— То есть история нашего Пабло написана на нем самом, но прочитать нам ее никто не сможет, так?

— Скорее всего, шеф.

— А почему в названии группировки фигурирует число 13? — спросил Бестужев.

— О, это самая дикая история. Дело в том, что существует жуткий ритуал посвящения новичков в банду. В течение тринадцати секунд будущего муравья избивают “ветераны” MS-13. И, если вам кажется, что тринадцать секунд — это не так много, вы ошибаетесь. Далеко не все переживают эту бойню. Этот ритуал называется “прыжок внутрь”. Задача одна — выжить.

— Все равно непонятно: почему именно 13, а не 10 или 21, - не унимался Бестужев.

— Шеф, я просмотрела много инфы, но если честно, вся она содержит много непроверенных фактов и основана на слухах, чьих-то выводах, обсуждениях на форумах.

Есть данные, что Mara Salvatrucha пользуется дурной славой банды, поклоняющейся дьяволу. В пользу этой теории говорит тот факт, что в качестве фирменного знака они используют распальцовку, напоминающую “козу” металлистов. Только указательный палец и мизинец сильнее разводятся в стороны. Официально это — перевернутая буква M, но, скорее всего, это символ сатаны — козья голова.

Очень быстро дьявольская символика проявилась и в татуировках. Череп, кости, сам дьявол с рогами и хвостом, козий череп, демоны разного пошиба — тату, связанные с адом, можно найти на теле каждого второго муравья.

И еще немного о костях. После первого совершенного убийства члены банды чаще всего наносят между глаз татуировку черепа — своеобразная дань Санта Муэрте, богине Смерти, культ которой чрезвычайно распространен на территории всей Латинской Америки. Но есть и другое объяснение — это клеймо сатанинского культа. Дескать, убил, значит доказал свою преданность делу князя Тьмы.

— Я видел такую татуировку у нашего Пабло, — впервые вступил в разговор Олег. — И мне она показалась очень старой. Видимо, наш сальвадорец уже давно состоит в банде.

— Думаю, так оно и есть, — кивнул Бестужев.

— Подтверждения принадлежности сатанинскому культу MS-13 появляются время от

времени. Известны случаи, когда на телах своих жертв муравьи оставляли сатанинские символы. Понятно, что они при этом пользовались не мелкими, а остро заточенными ножами. Также сальвадорцев неоднократно заставляли за ритуальными жертвоприношениями. Что это — сознательное поклонение или своеобразный способ заставить окружающих бояться тебя еще больше? Ответа нет. Я расскажу лишь о еще одном случае.

В сентябре 2017 года члены MS-13 совершили в американском городе Уитон зверское убийство — молодой девушке они нанесли много колото-резаных ран. После этого ей вырезали сердце, тело было обезглавлено и закопано в парке. Чем примечательно это убийство помимо своей жестокости? Тем, что оно полностью повторяло ритуал, популярный среди ведьм в средневековой Испании.

Повисла тишина. Каждый переваривал услышанное. Первым не выдержал молчания Олег.

— Слушайте, мне одному стало жутковато? Это точно все происходит на нашей планете?

— Точно, Олежек, точно, — вздохнул Бестужев. — Просто до недавнего времени это было где-то очень и очень далеко от нас.

В этот момент дверь открылась, и в проеме показалась голова дежурного Димки Прохорова. Традиционно задержавшись взглядом на Инге, он все же повернулся к Бестужеву:

— Саш, есть информация по вашему латиносу. Как он появился в Москве, непонятно. В аэропортах и вокзалах отметок нет.

— Но в Москве он все-таки был, так?

— Да, по своему собственному паспорту гражданин Сальвадора Пабло Ганадор арендовал в автопрокате на проспекте Вернадского автомобиль сроком на четыре дня. Да ни какой-нибудь, а сразу Range Rover Evoque. Белый. Это было позавчера. Машину мы пока что не нашли, но, уверен, что она где-то недалеко.

— Что еще?

— Да пока все.

— Дим, спасибо.

Еще раз зыркнув на Ингу, голова ретировалась. Бестужев встал и, прохаживаясь по кабинету, начал подводить промежуточные итоги:

— Итак, что мы имеем? Во Владимире при, мягко сказать, загадочных обстоятельствах умирает член одной из самых воинственных бандитских группировок в мире. И не откуда-нибудь, а из далекого, расположенного на другом конце света Сальвадора.

— Расстояние от Владимира до столицы этой унитарной республики Сан-Сальвадора — почти 11 тысяч километров по прямой, — копаясь в смартфоне, вернула Инга. — Кстати, до 1992 года у нашей страны даже не было никаких отношений с Сальвадором — в СССР банально не замечали эту преступную страну.

— И правильно делали, — буркнул Олег.

— Согласна с тобой. Сальвадор уже долгие годы является мировым лидером по количеству убийств на душу населения.

— И как, объясните мне, представитель этой “дружелюбной” страны оказался распятым на кресте да еще и подвешенным вверх ногами? Или, если этот вопрос кажется слишком сложным, ответьте мне, как он вообще появился у нас? Телепортировался что ли? И что это

было: ритуальное убийство? Банальная казнь одного бандита другим? Или что?

Вопросы остались без ответа. Резко зазвонил телефон.

— Это Булдаков, — сообщил коллегам Бестужев, прочитав высветившийся на дисплее номер. — Слушаю, товарищ полковник... Понял... Сейчас будем...

Положил трубку.

— Что-то Егорыч перевозбужден не на шутку, не случилось ли чего еще. Так, ноги в руки — и все дуем в его кабинет.

— И я? — удивленно выпячила губки Инга. — Мое место — за компьютером, а не “в поле”.

— Значит, берешь компьютер с собой — и идешь вместе с нами к полковнику, — уже открывая дверь, ответил ей Бестужев. Инга поняла, что сейчас с шефом лучше не спорить, схватила планшет и побежала догонять мужчин.

Кабинет полковника находился на последнем, пятом, этаже здания. Он был самым большим помещением в РОВД, не считая конференц-зала. Традиционный Т-образный стол, по боковым сторонам длинной приставки помещалось по пятнадцать стульев. На стене висел огромный телевизор, который, в основном, использовался для просмотра спортивных трансляций. Для этого даже установили тарелку популярного спутникового телевидения с пакетом спортивных HD-каналов.

Но сейчас телевизор использовался по своему прямому назначению — проведению видеоселекторов. Булдаков был непривычно застегнут на все пуговицы, на столе был порядок, но было видно, что наводился он наспех. Понять причину такого поведения шефа было не сложно. Одно из окошек телевизора занимало багровое лицо генерала-лейтенанта Морозова, курировавшего в Министерстве Центральный федеральный округ. По всей видимости, Булдаков только что получил порцию нагоняя от московского начальства за то, что допустил на подведомственной территории смерть иностранца. Хотя как шеф мог предотвратить этот инцидент, Бестужев понять не мог.

— Вот, Алексей Макарович, мой отдел Q, я вам о нем рассказывал. Капитан Бестужев лейтенант Веретенников и Инга Татарникова. Дело реально запутанное, только этим ребятам по плечу.

Морозов тяжелым взглядом обвел всю троицу. Естественно, задержался взглядом на Инге. “Ну хоть тут все как обычно”, - подумал Бестужев. Теперь он понимал, зачем шеф приказал позвать и ее. Инга уже не в первый раз моментально меняла настроение у мужчин, превращая их из разъяренных львов в нежных котят.

— Вижу, что толковые кадры у тебя, — пробасил генерал, продолжая откровенно пялиться на Ингу. — И верю, что справятся. Вот только справиться теперь мало. Тут вот какое дело. Сейчас мои тутошные хакеры подсоединят к нам посла Никарагуа Андрея Бурдаева.

— Никарагуа? — опешил Олег. — Мы сегодня еще и с ними умудрились поссориться?

— Кхм-кхм, — привлекла к себе внимание Инга, быстро перебирая пальцами по экрану планшета. — Андрей Владимирович Бурдаев по совместительству является послом нашей страны в Гондурасе и Венесуэле.

— Ух ты, впечатлен, эээ... не знаю, как вас по званию...

— Я Инга, и у меня нет звания, — помахала ресницами хакерша.

— Хорошо, пусть будет так. Так вот — как сказала Инга, Андрей Бурдаев является одним из наших послов в Латинской Америке. Естественно, он имеет отношение и к нашим

структурам. Сегодняшняя сводка и информация об убийстве попали в его почту. Спустя некоторое время он сам, по открытым каналам, вышел на МИД. Я опущу всю бюрократическую суету и перейду к сути. В конечном итоге, узнав, кто занимается расследованием, он попросил с вами связаться, чтобы передать очень важную информацию. Вы понимаете, что я отключаться не буду, кроме того, вашу беседу будут слушать и другие невидимые собеседники, так что будьте аккуратны в своих словах.

“А ведь дело принимает скверный оборот, — подумал Бестужев. — Если из убийства, пусть даже необычного, процесс перейдет в разряд международных скандалов, можно и погон лишиться. Надо срочно распутать этот клубок”.

Но когда на экране появился посол, Бестужев понял, что клубок запутался еще больше. Бурдаев оказался загорелым мужчиной лет шестидесяти с большими ушами и небольшими залысинами по бокам черепа. Капитан отметил, что к его серому костюму чудовищно не подходит песочный галстук. Хотя, черт его знает, какая у них там за океаном мода...

— Здравствуйте, коллеги! — поприветствовал всех посол. И... нет, чуда не произошло. Больше всех его заинтересовала Инга, а не кто-либо из оперов. Но, в отличие от Морозова, заглядывался он недолго, невооруженным взглядом было видно, что были вещи, волнующие Бурдаева намного больше: руки слегка тряслись, волосы на лбу были потными и спутанными. — Я постараюсь как можно доступнее объяснить, в чем дело. Сальвадор — страна не простая. Может быть, вы не знаете, но здесь чудовищная ситуация с уличной преступностью.

— Да теперь уж знаем, — пробормотал Олег. Полковник метнул на него испепеляющий взгляд, но посол, кажется, ничего не заметил.

— Здесь очень много бандитских группировок, которые воюют между собой, с полицией, с простыми гражданами. Самая крупная и самая опасная из них, так называемая MS-13 или Mara Salvatrucha, что переводится как...

— Бригада сальвадорских бродячих муравьев, — перебил посла Бестужев. Глядя на удивленные глаза Бурдаева, он твердо произнес: — Андрей Владимирович, мы уже достаточно ознакомились с преступной картой западного полушария. Мы поняли, что названная вами банда вот уже сорок лет терроризирует и Центральную, и Северную Америки. Мы также знаем, что погибший Пабло Ганадор являлся членом MS-13, причем с опытом. Скажите нам то, чего мы не знаем.

— Хорошо. Все, что вы сказали, является правдой. А что вы знаете о структуре самой банды?

— Она делится на клики, которые держат отдельные города или районы.

— Правильно, но это не все. Дело в том, что организационная структура MS-13 делает банду по сути неуязвимой. Клики, в основном, действуют разрозненно друг от друга и лишь изредка получают указания от руководителей следующего уровня, которых знают лишь лидеры банды. Таких ступеней в иерархии банды несколько. Вклиниться в эту иерархию, чтобы добраться до верхушки, пока что не удалось ни одному агенту. Железная дисциплина и щенячья преданность — два краеугольных камня MS-13.

— Но верхушка айсберга есть, — скорее уточнил, чем спросил Бестужев.

— Безусловно, и располагается она в самом Сальвадоре. Высший орган банды — Совет Девяти. Это, возможно, девять самых могущественных бандитов в этой части света. Кто они, не знает никто. Точнее, не знал до сегодняшнего дня. Понятно, что у муравьев есть уши и в полиции, и во власти. Как только местные узнали от меня о владимирском убийстве, думаю,

не прошло и десяти минут, как информацию донесли до MS-13. И вот тут началось самое интересное.

К нам в посольство позвонил человек и представился неким Санчесом. Думаю, что имя вымышленное. Он сказал, что является одним из Совета Девяти группировки MS-13. Он просит организовать связь с Россией, чтобы лично услышать, что произошло с Пабло Ганадором. Он сказал, что это очень важно и что отказа он не примет.

— Да и не надо отказывать, — воскликнул Бестужев. — Дело явно непростое, и я готов принять помощь даже от криминального авторитета. Очень бы мне хотелось понять, что такого в нашем трупе, что один из бандосов решил открыть свое инкогнито, охраняемое десятилетиями.

— Ну и слава Богу, — откинулся на спинку кресла Бурдаев.

“А ведь он по-настоящему боялся, что мы можем отказать, — осенило капитана. — Какая же власть у этих муравьев, если после одного единственного звонка не самые последние люди начинают дрожать. Удивительно”.

— Андрей Владимирович, когда состоится наша беседа?

— Сегодня в полночь. Учитывая разницу во времени, во Владимире будет девять утра. Я не знаю, откуда конкретно будет вестись трансляция, Санчес взял ваши координаты и сказал, что свяжется по скайпу ровно в полночь.

— То есть вы передали данные ему, еще не получив согласия Владимира? — встрял в разговор Морозов.

Бурдаев заерзал в кресле.

— Видите ли, товарищ генерал, я был уверен, что коллеги согласятся провести эту беседу и решил ускорить процесс.

— Как бы то ни было, я сообщу вашему руководству об этой самодеятельности, — холодно завершил дискуссию Морозов. Посол промолчал.

Бестужев почувствовал, что и без того накаленная обстановка, начинает искриться. Быть свидетелем ссоры двух высокопоставленных товарищей, ему явно не хотелось, и он поспешил завершить беседу:

— Разговор ведь будет на испанском?

— Да, конечно.

— Тогда нам еще нужно озаботиться поиском надежного и неболтливого переводчика. К назначенному времени мы будем готовы.

— Хорошо, на этом пока что закончим, — Морозов махнул кому-то рукой, и окошки видеоселектора стали гаснуть. Когда не осталось ни одного, Булдаков так шумно выдохнул, что капитан испугался: а дышал ли шеф вообще во время разговора?

— Ну что скажешь, Саш? — спросил полковник. — Есть мысли, версии?

— Мысли есть, версий нет. Мы пойдем работать, Егорыч, если что раскопаем — ты узнаешь об этом первым.

— Ладно, свободны.

Всех троих долго упрашивать не пришлось. До конца дня они еще разбирались с информацией по MS-13, пока от сальвадорских муравьев не зарябило в глазах. В конце концов, Бестужев отпустил всех отдыхать.

Выйдя из здания РОВД, он понял, что не видит свою машину. И где он ее видел в последний раз, тоже не помнит. Всему виной проклятый запой. Который случился из-за... И тут все переживания по поводу ушедшей Леры нахлынули с новой силой.

Свою бежевую “четверку” он обнаружил перед домом, куда пришлось добираться на троллейбусе. Машина была аккуратно припаркована перед подъездом. Вместо того, чтобы сразу пойти спать, он зашел в открывшийся недавно в торце дома магазин “Красное и белое”. Рассматривая ассортимент, он услышал мягкий женский голос, льющийся из колонок:

— Ром из сахарного тростника очень популярен в Южной и Центральной Америках. Например, в Бразилии существует своя версия рома — кошаса. В Мексике своя — агуардиенте, что переводится как “пламенная вода”. Наряду с текилой данный напиток очень популярен среди населения таких стран как Никарагуа и Сальвадор.

— Это судьба, — вздохнул Бестужев. — Девушка, а дайте мне бутылку вот этого рома, о котором сейчас нам тут рассказали.

— Конечно.

Выйдя из магазина, Бестужев постоял минуту на крыльце, потом вернулся и купил еще одну бутылку.

Глава 4. Первый доктор

Утро Бестужева началось с дежавю. Снова туалетная кабинка на втором этаже родного РОВД. Снова болит голова, а в голове — ни одной дельной мысли, ни одной идеи, как он тут оказался. Почему в одежде? Последнее, что всплывало в памяти — он в трусах, на кухне глушит любимый сальвадорцами ром. Потом — сплошные провалы.

Но сегодня он проснулся сам. Какая-то тревожная мысль свербила в районе темечка: АЛАРМ, АЛАРМ. Черт! Бестужев вскочил, больно ударившись коленкой об унитаз. В девят видеосвязь с лидером MS-13! Посмотрел на часы — без пятнадцати! Не проспал. Не совещание у Булдакова, назначенное на восемь, проспал, а на сам разговор с Санчесом — нет. Что ж, слушать нудный инструктаж генерала Морозова или фсбэшников, он все равно не планировал...

Наскоро умывшись и причесавшись, он оперся о раковину и уставился на свое изображение в зеркале. Видок был еще тот! Красные опухшие глаза, черная, щетина торчала клочками в разные стороны, разбитые губы — а это откуда, неужели подрался ночью? В кармане завибрировал телефон — Олег Бестужев засомневался, стоит ли освечать. Пока думал, мобильник, еще пару раз дернувшись, затих. На заблокированном экране отобразилось: “37 неотвеченных вызовов”. Ух ты! Странно, что телефон не сел.

Пожалуй, пора. Бестужев вытер рукавом лицо и покинул туалет. Понятно, что все уже давно находятся в кабинете полковника, поэтому идти в отдел смысла не было. Он поднялся на пятый этаж. В приемной секретарь Булдакова Ольга с жалостью посмотрела на капитана и, копируя жест хоккейного тренера Знарка, провела указательным пальцем по горлу.

Бестужев шутку оценил, показал Ольге большой палец и, не задерживаясь, прошел в кабинет. С его появлением, оживленная беседа прекратилась, и повисла гнетущая тишина. Которую, в конце концов, разорвал взорвавшийся вулкан — полковник Булдаков!

— БЕСТУЖЕВ, ... ТВОЮ МАТЬ! ТЫ,,! ДА ТЫ СЕБЕ ПОЗВОЛЯЕШЬ ...!, ВОТ ТЫ КТО! — ну и в подобном духе, пока хватало воздуха. Еще трижды Егорыч набирал полные легкие кислорода, чтобы выбить его оттуда сакральными словами великого и могучего. Наконец, запал иссяк. А, может быть, Булдаков вспомнил, что в кабинете он не один — за столом для совещаний сидели Олег, Инга, заместитель начальника — майор Еремин, а также худощавый старичок с козлиной бородкой — по-видимому, переводчик. С экрана телевизора смотрел невыспавшийся генерал Морозов. Вот кого-кого, а бывалого кабинетного работника такой эскападой не проймешь.

Буря улеглась. Весь спич руководства Бестужев прослушал молча, но пора было заняться делом.

— Товарищ полковник, со всем вышесказанным согласен, особенно в отношении моих отношений с различными субъектами животного мира! Обещаю впредь исправиться! А также — готов понести соответствующее наказание! Еще — вношу в повестку дня предложение оставить обсуждение моей аморальности на более поздний период и перейти к делу, так как через пять минут сальвадорский бандитос должен выйти на связь.

От подобной наглости Булдаков несколько опешил и сполз в кресло. Из телевизора раздался смех Морозова:

— Наглый капитан у тебя вырос, Егорыч. Далеко пойдет! Занимайте свое место, Бестужев. Присутствующих вы знаете, за исключением доктора Мезенцева, он преподает в

вашем Университете испанский язык. Евгений Леопольдович, это капитан Бестужев, ведущий расследование!

Мужчины обменялись рукопожатиями.

— Капитан, доктора ввели в курс дела в рамках разумного. Вы ответственны за расследование, поэтому вам и решать, что и как он еще должен узнать.

— Господа, мне абсолютно не интересны ваши расследования, — голос у доктора оказался дребезжащим, каким-то старческим, при этом удивительно гармонирующим с его козлиной бородкой. — Мое дело — просто помочь вам с переводом. Как я понял, нашим собеседником будет житель Сальвадора, а испанский в этом государстве имеет очень своеобразные фонемы. Чего стоят взрывные “b”, “d” “g”, например. А интервокальный “y” у них обычно выпадает, а согласный “j” реализуется как аспирата...

— Доктор, доктор, — остановил переводчика Булдаков. — Мы уже поняли, что язык сложный, давайте без научных экскурсов.

— Да-да, конечно, иногда я увлекаюсь, — продребезжал Мезенцев. — Но я хочу поблагодарить вас за эту возможность — я давно не практиковал с носителем языка из Центральной Америки, это такой шанс. Поэтому я с радостью проведу с вами это время.

— Что ж, можете начинать радоваться, — сказал Морозов. — Мои спецы говорят, что к нам пробивается сигнал.

На экране телевизора появилось еще одно окно. Несколько секунд оно шипело помехами, а затем перед присутствующими появилось лицо.

— Бог ты мой! — вырвалось у Булдакова.

Полностью зататуированный череп, увеличенный на шестидесятидюймовый экран, выглядел ужасающе. Языки пламени, обвивающие кинжалы, которые в свою очередь разрывали людскую плоть; гарпии, рвущие своими когтями детские тела; замысловатые узоры, перетекающие в надписи; и выполненные различными шрифтами буквы и цифры “M”, “S”, “13”.

— Buenos días, los señores rusos! — голос сальвадорца был под стать лицу: какой-то ржавый, недобрый. Но больше всего в незнакомце поражали глаза. Они были таким колючими, что просто смотреть на них было больно. Бестужев подумал: хорошо, что они находятся за много тысяч километров друг от друга.

— Д-д-добрый день, г-г-господа русские, — еле слышно перевел Мезенцев. Доктору явно было не по себе от увиденного, но он, отдать ему должное, тут же взял себя в руки и дальше переводил без сбоев. — Зовите меня Санчес, моего настоящего имени вам знать не нужно. Я являюсь одним из руководителей MS-13, вхожу в Совет Девяти. Если вам это название ни о чем не говорит, то не переживайте: скоро о нем услышит весь мир.

Сальвадорец сделал паузу.

— Но сегодня я пришел к вам говорить не о войне, а о смерти. Мы слышали о гибели нашего брата... эээ... Чумы, — он так и сказал “Peste”, прошептал в сторону Бестужева доктор. — В это трудно поверить. Если честно, некоторые наши братья не верят в это до сих пор. Мы хотели бы видеть доказательства его смерти. Лишь после этого я буду говорить дальше.

Бестужев посмотрел на Булдакова, а тот — на Морозова. Генерал кивнул, давая разрешение. Капитан взял в руки планшет, вывел фото убитого сальвадорца и повернул к камере. Колючие глаза Санчеса, не мигая, с минуту смотрели на планшет.

— Да, это Чума, — наконец сказал он. — Как он умер?

— Его прибили к кресту и подвесили в арке Золотых ворот — это один из наших древних памятников, — ответил Бестужев. — Смерть наступила от потери крови. Смерть страшная и одновременно очень странная. У нас еще нет окончательного заключения патологоанатома, но складывается впечатление, что Пабло Ганадор умер слишком уж быстро. Кстати, почему вы называете его Чумой?

— А почему он Пабло Ганадор?

— Так было написано в его паспорте.

— У него был при себе паспорт? — казалось, впервые с начала разговора на лице Санчеса проявились какая-то эмоция. И это было удивление. — Вы ничего не путаете?

— Да нет. — Санчес удивился во второй раз. Он не понял, что хотел сказать Бестужев.

— Так да или нет?

— Нет, ничего не путаю.

— Дело в том, что каждый из членов Совета Девяти, достигая своего статуса, сжигает свой паспорт и забывает свое имя.

— Так Ганадор был одним из Девяти? — Бестужев был обескуражен не меньше остальных в этой комнате. Получалось, что в их провинциальном городе убили одного из главарей жесточайшей бандитской группировки мира. За что ж такое счастье?

— Вы не знаете, как он попал в Россию?

— Здесь много темного и непонятного. Мы могли бы обменяться информацией, но у меня есть одно условие.

— Какое?

— Вы передадите тело Чумы нам, мы похороним его дома по обычаям сальвадорских муравьев.

— Это не мне решать, — развел руками Бестужев.

— А кому?

— Моему руководству.

— Тогда решайте быстрее. Я выйду на связь через полчаса. Если откажетесь, то больше меня не увидите. Если согласитесь, то я расскажу, куда нужно доставить тело Чумы. И поделюсь интересующей вас информацией.

— А если мы согласимся, а потом, получив необходимые данные, все переиграем?

Глаза Санчеса сузились.

— Тогда Mara Salvatrucha придут к тебе домой, — и сальвадорец отключился.

Некоторое время все молчали. Первым слово взял генерал Морозов:

— Господа, что думаете?

— Я считаю, что нужно соглашаться на предложение этого монстра, — сказал Бестужев. — Во-первых, нам этот труп здесь ни к чему, мы даже не знаем, по какой вере его хоронить. Во-вторых, Серафимыч, наверняка, уже провел вскрытие и сделал всю необходимую работу. А в-третьих, я как представляю, что в нашем Владими́ре появится с десяток вот таких вот растатуированных товарищей — аж мурашки по спине бегут.

— Я согласен с капитаном, — сказал Булдаков.

— Тогда я отлучусь ненадолго, — пропал с экрана Морозов. — Попробую максимально быстро зарешать ваш вопрос. Ждите.

На этот раз тишину нарушил доктор Мезенцев:

— А можно мне чаю?

— А я бы от виски не отказался бы, — протянул Бестужев.

— Хрениски тебе не хочется, алкаш хренов? — мрачно пробасил полковник, но открыл сейф под столом и выудил бутылку и два стакана: — Инга, душенька, помоги Ольге сделать всем чай-кофе.

Следующие двадцать минут все поглощали напитки — алкогольные и без. Идиллию нарушило появление Морозова:

— Контора дала добро на транспортировку тела. К вечеру будет выделен спецборт, который доставит наш трупешник по указанному адресу.

— Быстро вопрос решили, — удивился Бестужев.

— Вот всегда так, — подал голос Олег. — Вот как бандосу какому или вору, кинувшему государство на пару ярдов рублей, так спецборт по первому запросу. А как к обычному труженику вертолет МЧС отправить для транспортировки, так хрен дожدهшься. Что ж за страна такая?

— Веретенников! Отставить разговорчики! — гаркнул Булдаков.

— Есть отставить! — отвернулся лейтенант.

— Олег, — смягчился полковник. — Давай мы дискуссии по этике и справедливости отложим на потом, а сейчас займемся прямыми обязанностями — распутыванием преступлений. Не забывай, еще вчера у нас посреди Золотых ворот вниз головой висел латинос, который ко всему прочему оказался лидером бандитов, от которых у самого Трампа задница потеет.

— Да понял я, понял.

Та часть телевизора, где вещал Санчес, снова ожила. Казалось, член Совета Девяти все эти полчаса не двигался и не дышал. Доктор Мезенцев отодвинул от себя чашку и приступил к переводу

— Что вы решили? — спросил Санчес

— Мы согласны на ваши условия, — ответил Бестужев и повторил вводные генерала.

— Куда доставить тело?

— В течение часа вы получите координаты.

— Хорошо. Теперь вы готовы ответить на наши вопросы?

— Да, спрашивайте.

— Когда вы в последний раз видели Пабло?

— Несколько дней дней назад. У нас состоялось собрание, надо было решить, как поступить с нашими врагами из М-18, подло напавшими на несколько клик. Присутствовали шестеро из Совета, в том числе и Чума. Но был очень рассеян, выглядел невыспавшимся. В последнее время его часто видели таким.

— В последнее время?

— Это началось примерно месяц назад. Однажды утром его нашли, сидящим на дереве и отказывающимся спускаться вниз. Спорить с членом Совета никто не решился, поэтому послали за нами. Прибыв на место, мы поняли, что Чума очень напуган. И это было нонсенсом. С самого детства он ничего не боялся. Никогда. Нас это очень озадачило.

Несколько дней спустя он приехал ко мне и нес какую-то чушь. Дескать, он своими глазами видел дьявола, и тот призвал его к служению. Что жить ему осталось очень мало, но смерть его будет не напрасной, а послужит делу Всевеликого Отца.

— Кого? — не понял Бестужев.

— Делу Сатаны.

— Вот как.

— С тех пор Чума был спокоен, но очень рассеян, много времени проводил в медитациях. А три дня назад, после собрания, у нас был ужин, на котором мы должны были детально обсудить положение дел. Чума даже принял участие в дискуссии, но в какой-то момент замолчал и сидел с видом, будто к чему-то прислушивался. Потом резко встал и вышел из комнаты. Его окликнули, он ответил, что пошел в туалет. С тех пор его никто не видел.

Стоит отметить, что камеры, расположенные по всей вилле, зафиксировали, как Чума зашел в туалет. Но нет видео, как он оттуда выходит, как передвигается по территории. Он просто исчез. И появился в России, в городе ВАЛАДИМИР, — это слово далось Санчесу с трудом. — Многие из нас даже не знают, где находится эта страна, и уж точно никто не знает, где находится этот город. Но Чума оказался здесь, и его убили. И, судя по тому, как это сделали, его, скорее всего, казнили.

— У вас есть мысли, кто мог бы желать ему зла?

— Вы смеетесь? Он же из руководства MS-13. Миллионы людей по всему миру желают нашей смерти. Но выманивать для этого в Россию? Зачем? И опять же непонятно, как он преодолел тысячи километров. Так как три дня назад я лично сидел с Чумой за одним столом, добраться он мог только на самолете. Но мы проверили все аэропорты Сальвадора и близлежащих стран, в том числе и частные. Нигде Чума не отмечался.

— Такая же ситуация и с нашей стороны. Такое впечатление, что он просто взял и появился из воздуха.

— Что ж, если честно, понятнее нам не стало, но все равно — спасибо за помощь. У меня есть последний вопрос: почему его называют Чумой?

— Все просто. Он отстаивал интересы Mara Salvatrucha, не щадя врагов своих. Словно ураган, словно эпидемия, словно чума он обрушивался на целые кварталы, районы, не жалея ни младенцев, ни стариков.

— Вы считаете это нормальным? — Бестужев подошел к экрану и впился в глаза Санчеса. Тот выдержал и не отвел взгляд.

- “На войне все методы хороши”, так вроде бы говорят у вас, у русских?

— А MS-13 находится на войне?

— Это очевидно. И нас не победить, пока в строю находятся такие бойцы как Чума. Ведь за годы борьбы с нашими врагами он не проиграл ни одной битвы. Уже скоро настанет то время, когда о наших кликах узнают и за океаном. Вы все услышите поступь сальвадорских муравьев.

И экран погас.

Булдаков нервно перекрестился и сказал вслух:

— Надеюсь, что к тому времени я буду уже на пенсии. Разгрести уличные войны выше моих сил.

— Что думаете, капитан? — спросил Морозов.

— Думаю, что нужно отдать тело Ганадора, забыть об угрозах MS-13 и вернуться к расследованию, — Бестужев повернулся к Мезенцеву: — Доктор, я надеюсь, вы понимаете: все, что вы услышали здесь сегодня, является государственной тайной со всеми вытекающими последствиями в случае ее разглашения.

— Да-да-да, — подхватился переводчик и зашарил рукой под столом в поисках портфеля, — я все понял и уже уйду, чтобы не дай Господь, не услышать еще чего-нибудь лишнего.

Прижимая портфель к груди, он спиной двинулся к выходу. Уже в дверях, Мезенцев остановился. Прокашлявшись и потоптавшись, он сказал:

— Извините, что лезу не в свое дело, но есть одно наблюдение. Вы позволите?

— Давайте уж, но только по существу, — Булдакову не терпелось избавиться от переводчика.

— Наш сальвадорский визави сказал, что убиенный ни разу не проигрывал в своих смертельных играх. И ведь, странное дело, я еще с самого начала удивился, что его фамилия такая говорящая. А теперь вот все встало на свои места.

— И о чем говорит его фамилия?

— Ganador по-испански означает не что иное как “Победитель”. Вот ведь оказия какая. Был непобедимым, а приехал к нам в России и проиграл, — с этими словами Мезенцев напоследок стандартно лизнул взглядом Ингу и был таков.

— Тьфу, чертовщина какая, — сказал Булдаков и выругался.

Еще через пятнадцать минут отдел Q в полном составе сидел у себя в кабинете. Олег с Бестужевым продолжили обсуждение разговора с сальвадорцем, но Инга их прервала:

— Шеф, есть инфа от экспертов.

— Давай.

— Во-первых, нашли машину, но в ней оказались отпечатки только убитого. Также на заднем сидении обнаружено большое количество крови сальвадорца. Скорее всего, бедного Пабло привезли на место казни на его же собственной машине.

— А где нашли Range Rover?

— Недалеко от Золотых — на стоянке у Торговых рядов.

— То есть убийца уже после того, как совершил свои манипуляции с телом, сел обратно в тачку и отогнал ее на стоянку?

— Получается так.

— Но ведь у Торговых рядов, наверняка, куча камер. Надо срочно их просмотреть.

— Не выйдет. Аккурат между тремя и четырьмя часами ночи в городе было серьезное отключение электричества. Все потухло, камеры не работали.

— Но у них должны быть генераторы.

— Да, но их действие не распространялось на работу камер.

— Что ж, по крайней мере, мы до одного часа сузили время совершения преступления.

Бестужев задумался, нервно барабанил пальцами по столу. Олег зарылся в телефон. И снова молчание нарушила Инга:

— Шеф, еще новая информация. На этот раз по составу дерева, из которого был сделан крест. Здесь сказано, что анализ показал наличие трех видов древесины — кипариса, кедра и певги.

— Чего-чего? — не понял Олег.

— Певга, мой неграмотный друг, это разновидность сосны или ели, — объяснил Бестужев. — Инга, узнай, где из таких занимательных древесных симбиозов производят милые игрушки вроде крестов в человеческий рост.

— Айн момент, мой фюрер, — Инга повернулась к ноутбуку, ее пальцы забегали по клавиатуре с неуловимой скоростью.

Ждать пришлось недолго. Инга повернулась к мужчинам, ее глаза были широко раскрыты.

— Шеф, тут такое.

— Ну не томи уже.

— Вообще, такие, как ты сказал, игрушки не производят уже очень давно. В последний раз трехсоставной крест из кипариса, кедра и певги был замечен около двух тысяч лет назад. На горе Голгофа. Именно на таком кресте распяли Иисуса Христа.

— Да чтоб меня... — выдохнул Олег.

Бестужев тоже выглядел ошарашенным. Он почувствовал, что начинает сходить с ума. Внезапно он вскочил и схватил куртку:

— Все, ребята, хорош. Слишком много богословия и чертовщины в этом деле. Как будто кто-то специально нам подсовывает религиозный мотив преступления. Так, Инга, остаешься здесь за главного. Олег, погнали к Серафимычу. У человека, который копается в трупах, все приземленно и обыденно.

— Ох, сомнения меня терзают, — прошептал лейтенант, но вслух спорить с начальником не стал, а наоборот — побежал его догонять.

Глава 5. Второй доктор

Первое, что увидел Бестужев, выйдя из здания, была его бежевая “четверка”. Странно, ведь он помнил, что в последний раз видел ее вчера вечером припаркованной у подъезда. Неужели он позволил себе гонять пьяным ночью за рулем? Это было на него не похоже. Впрочем, то, что происходило в последние несколько дней было ни на что не похожим.

— Олег, ты не знаешь, когда я приехал сегодня на работу?

— Да нет. Когда я пришел, тачка уже стояла здесь. А ты сам не помнишь?

— В том-то и дело, что нет. Эх, нервы ни к черту! Ладно, потом у дежурного узнаю.

Они подошли к машине, Бестужев ее открыл ключом.

— Падай.

До вотчины доктора Стрельцова было недалеко — километра два-три, можно было бы и пешочком пройти, благо погода сегодня радовала. Но Бестужев не был уверен, что измученный алкоголем организм выдержит даже такой недлинный променад. Поэтому поехали на машине, и через пять минут уже парковались на Большой Нижегородской, совсем рядом со знаменитым Централом.

Здания, которые занимала судмедэкспертиза, в любой европейской стране уже лет двадцать назад были бы признаны аварийными. Но в нашей стране аварийными признают только жилые дома, да и то не всегда. А если здание административного назначения, то стоять ему веками — а там, глядишь, еще и историческую ценность оно приобретет.

Олег позвонил в звонок, щелкнул тумблер, и массивная железная дверь открылась на несколько сантиметров. Дальше — ручками. Сдвинуть с места этот массив металла — задача не для хилаков. Навалившись, Олег с ней справился, но поймал себя на мысли, что уже с самого входа настроение становится удручающим.

За дверью оперов ждал прохладный полумрак. Лампочки здесь висели высоко, и в целях экономии электричества были маломощными.

— Будто в пещеру вошли, — невольно приглушая голос пробурчал лейтенант.

— Ага, не хватает только кровавой надписи “Оставь надежду всяк сюда входящий”.

Привычной дорогой они дошли до зала, где Стрельцов разделял своих “клиентов”. Кафельный коричневый пол и стены; плитка, судя по состоянию, осталась в наследство еще с советских времен. А вот каталки и столы для вскрытия выглядят почти новыми. Молодец, Серафимыч, что ему потолки да стены, главное, чтоб инвентарь был на уровне.

Сам хозяин помещения, прислонившись к одной из каталок, на которой лежал очень пузатый мужик, с упоением курил. Судя по задымленному помещению, он выкурил с утра уже не одну сигарету.

— А я уж думал, вы не придете, — поприветствовал он коллег.

— Да задержало нас тут одно заокеанское чудовище, — ответил Бестужев.

— Дружбан нашего сальвадорского парня?

— Он самый. Выглядит еще страшнее Пабло. Кстати, что удалось выяснить?

— Узнаю нашего капитана. Время болтовни прошло, походу, еще вчера, значит будем работать.

Он подошел к столу, затушил в набитую пепельницу сигарету, надел очки и взял в руки распечатанную стопку бумаги.

— Итак, что нам поведал после смерти наш сальвадорский друг. Вскрытие черепной

коробки ничего интересного нам не дало. Черепушка и внутреннее содержимое заокеанских хомо сапиенс ничем не отличается от наших. Следов насилия также не обнаружено.

А вот когда я раскрыл грудину, то, если честно, немного обалдел. Причем я не сразу понял, в чем дело. С одной стороны, все внутренние органы на месте, более-менее в пригодном состоянии. Сломанных ребер тоже нет. Что же не так? И тут меня как громом ударило — в теле практически не осталось крови. А сердце... Сердце выглядит так, будто кто-то сжал его, как губку, в кулаке, выщедил до капли и бросил обратно.

— Как такое может быть? — спросил Олег.

— Да никак, — отвернулся Стрельцов. — Часа два я бился над решением этой задачи — и в итоге плюнул. Кровь просто ушла, как вода сквозь песок жарким полднем. Воспримем это как факт и двинемся дальше.

— Согласен, — кивнул Бестужев.

— Таким образом, причина смерти — чудовищная потеря крови. Причем кровь ушла через отверстия на ступнях и ладонях. Вы можете видеть, какие это ужасные раны. Стигматы пробивались небрежно, удары наносились с огромной силой — кости раздроблены, края раны рваные.

— Как можно позволить так издеваться над собственным телом? Даже если человек находится без сознания, от боли он должен очнуться.

— Согласен с вами. Бьюсь об заклад, что в этот момент наш сальвадорец находился в состоянии эйфории. Я отправил на экспертизу те капли крови, которые мне удалось соскоблить от внутренних органов. Думаю, в дело пошел какой-то сильный наркотик.

— Таким образом, попытаемся смоделировать картину той ночи, — зашагал по залу мертвецкой Бестужев. — Пабло Ганадор, сальвадорец по паспорту, неизвестным нам образом появляется в Москве. Где арендует дорогуший автомобиль, чтобы совершить увлекательную поездку в жемчужину Золотого кольца России — столичный Владимир. Прибыв в наш город, он знакомится со своим будущим убийцей. Назовем его Мистер X.

— Я думаю, что он познакомился с ним, или с ней, в одном из заведений, так как в желудке найдены остатки пищи, не успевшей как следует перевариться, — вставил Стрельцов.

— Возможно. Как раз за ужином Мистер X мог подсыпать в пищу наркотик. Затем они покинули заведение, и на машине Пабло куда-то отъехали, не думаю, что далеко от центра. Но главное, что там находились заранее подготовленные костыли и крест — копия того, на котором распяли Христа, — Стрельцов на этом моменте аж присвистнул. — По-видимому, к тому времени действие наркотика достигло апогея, и наш убийца с помощью трех железнодорожных костылей пригвоздил Пабло к кресту. А затем каким-то образом перенес тело к Золотым воротам и подвесил его прямо в арке.

— Твою ж мать, будто сценарий какого-то триллера сейчас читаешь, — покачал головой Олег.

— Вот именно. Ах да, я забыл. Между тем, как поработать молотом и поиграть в грузчика, он на некоторое время превратился в вампира и выкачал из бедного Пабло всю кровь. Так кто же ты есть, Мистер X? Или что же ты есть такое?

— Что ж так сложно-то?

— Вот и я думаю, что как-то все не по-людски получается. Все участники этой буффонады будто герои голливудского фильма с рейтингом R, где главное — побольше кровищи и абсурда. Ладно... — Бестужев снова повернулся к доктору, — Серафимыч, что

можешь сказать про татуировки нашего Пабло?

— Безусловно, прежде, чем вскрыть нашего парня, я скрупулезно отфиксировал все части его кожи, так что все татушки тщательно задокументированы, — Стрельцов положил бумаги на стол и взял в руки старенький потертый айпад. — Ну здесь много интересного. Я потом Инге сброшу все файлы, поизучаете.

Но что хочу отметить сразу. Очень много надписей на теле. Прежде всего, это Mara Salvatrucha или просто MS-13 на разный лад и шрифт. Есть надписи про верность идеалам банды, несколько женских имен: одно из них “Козетта” — ну разве это не мило? Тоже мне Жан Вальжан выискался.

А вот строчка практически из наших широт. “Прости меня мама за мою шальную жизнь”. Понятно, что на испанском. Но перевод звучит практически по-домашнему. Кстати, есть одно слово и на кириллице. Это, скорее, сербский, чем русский. Но смысл здесь тоже банальный — написано “Сальвадор”.

В основном, надписи все старые, кроме одной. Ее сделали буквально несколько дней назад. И это латынь. Словосочетание “Vocamus Те,”. Я не успел загуглить, что оно означает, так что займетесь этим сами. После второго слова стоит запятая, так что могу предположить, что татуировку до конца не набили. Ну а теперь уж и поздно...

Также на теле нашего Пабло очень много черепов. Один — на переносице, между глаз, много на руках и ногах. На спине вообще изображена целая куча черепов.

— Инга говорила, что черепа означают убитых жертв, — напомнил Олег.

— Ну тогда я не хочу знать, после какого геноцида можно набить себе такую кучу, — поежился Стрельцов, демонстрируя на планшете спину Ганадора. Он перелистнул фотографию. — Также много изображений, связанных с Сальвадором: флаги, гербы, строчки из гимна. Как бы то ни было, этот парень был настоящим патриотом своей страны. Просто он понимал этот патриотизм довольно своеобразно.

— Ну очень своеобразно, — саркастически добавил Бестужев.

— Если говорить о самых высокохудожественных тату, я бы выделил венец на голове, — Стрельцов показал фото выбритого черепа операм.

— Ну здесь все понятно, его фамилия означает “победитель”, а венец — соответствующая регалия.

— Может быть, — согласился доктор. — И вот еще на плече красивое тату лука со стрелами. Будто и не рисунок, а фотография какая-то, — коллеги с минуту полюбовались, действительно, мастерски выполненной татуировкой. — Ну а самое сладкое я оставил напоследок, — доктор занес палец над планшетом, выждал театральную паузу и медленно перелистнул экран. — В нижней части спины выбит прелюбопытнейший сюжетец. Какой-то мелкий бес в леопардовых трусах прибывает к кресту ангела. Житель рая, естественно, висит вверх ногами, и под ним огромная лужа крови. Ничего не напоминает?

— Вот как, — оба опера прильнули к экрану. — Получается наш сальвадорец предсказал свою собственную смерть.

— И не просто предсказал, а запечатлел ее для потомков. В деталях, — усмехнулся Бестужев. Он увеличил изображение: — Серафимыч, это же не новая татуировка?

— Точно нет. Она сделана много лет назад.

— Понятно, что ничего не понятно.

Бестужеву вдруг нестерпимо захотелось оказаться на улице, подставить лицо теплему солнечному свету и просто дышать свежим воздухом. Все, что произошло в его родном

городе за последние сутки, просто не должно было происходить. Ну никак. Бестужев крепко зажмурился, постоял так секунд пять и, наконец, взял себя в руки. Пора было здесь заканчивать.

— Серафимыч, что у тебя еще?

— Да по сути, я все сказал. В этой смерти много загадок, но самая главная — причина смерти. Как можно за короткое время выкачать из организма всю кровь? Да так, чтобы сосуды не разорвало в клочья. Я чувствую, если мы ответим на этот вопрос, сможем ответить и на остальные. Я продолжу проводить кое-какие эксперименты, может, и удастся понять.

— Эксперименты, Серафимыч, подождут. Тело Пабло Ганадора через несколько часов отправится в последний путь — на родину, где найдет упокоение.

— Да как же так? — всплеснул руками Стрельцов.

— Приказы высокого руководства обсуждению не подлежат, — устало сказал Бестужев.

— Это когда это ты так просто соглашался с Булдаковым? Или я?

— Это приказ не нашего полкана. Он пришел с московских высот.

— Ааа, ну тогда понятно.

— Так что у тебя не так много времени. Помозгуй, что еще можно сделать с трупом для пользы дела, и после этого примени все свое мастерство для придания Пабло более-менее нормального вида.

Стрельцов резко вытянулся в струнку и отдал Бестужеву честь. При этом второй рукой он накрыл голову планшетом:

— Слушаюсь, ваше капитанство!

Бестужев слишком устал, чтобы подыгрывать доктору. Он встал, махнул рукой Олегу и кинул на прощание:

— Не будем задерживать. Если что — звони.

Солнца на улице не было — его закрыли тяжелые тучи. Возможно, пойдет дождь, но может и пронести. Погода в последние годы во Владимире была капризной и непредсказуемой.

Время подкралось к обеду, и Олег предложил сходить в “Барин” — благо тут было недалеко. Это заведение не было в числе любимых у Бестужева, но свою твердую четверку заслужило уже давно. До “Барина” шли молча. Информация поступала слишком быстро, нужно было время, чтобы ее переварить и сделать правильные выводы.

Бестужев понимал, что неизвестных в этом уравнении имени Пабло Ганадора слишком много. А ресурсов слишком мало. Поэтому нужно сосредоточиться на распутывании первостепенных задач. Что волновало капитана больше всего? Перечислив в уме все вопросы, он решил, что расследование должно двигаться в двух направлениях. Во-первых, где встретились Пабло и Мистер Х? В каком заведении они ужинали? Парочка должна была привлечь внимание хотя бы бармена или официантов: все-таки Пабло — уникальный для нашего города персонаж. А если видели сальвадорца, могли запомнить и его собеседника.

Во-вторых, где было совершено само убийство? В этом месте Мистер Х схоронил крест, костыли и оружие, с помощью которого вбил их в тело Пабло. Там же должен находиться аппарат или приспособление или, черт возьми, вампир в клетке, который лишил муравья всей его крови. И это хранилище должно быть одновременно недалеко от Золотых ворот, но и скрыто от посторонних глаз. Это место нужно найти.

В свою очередь Олегу казалось, что силы отдела Q нужно сосредоточить на поиске свидетелей непосредственно действия внутри Золотых ворот. Ну не может такого быть, чтобы

никто ничего не видел. Может, стоит дать объявление по ТВ, назначить награду за информацию — в наш век бесплатно никто ничего не делает.

Занятый каждый своими мыслями, друзья подошли к “Барину”. На входе их встретила приятная хостес. На бэйджике значилось лаконичное “Ольга”.

— Добрый день. Вы к нам отметить или пообедать?

— Просто перекусить.

— Есть бизнес-ланчи, недорого. Есть блюда из меню.

— Давайте меню и столик возле окна.

Ольга проводила их до столика, подала меню:

— Я подойду, через несколько минут, вы пока определяйтесь.

Олег придиричиво несколько раз пробежал по меню.

— Не так чтоб уж очень... И я, пожалуй, буду говядину по-строгановски. Блюдо простое, испортить сложно.

Бестужев, прищурившись и легко улыбаясь, осадил лейтенанта:

— А я вот думаю, что тебе это блюдо не положено.

— Это еще почему? — искренне удивился Олег.

— Да потому, что рылом не вышел, — уже широко улыбаясь, сказал капитан.

— Саш, я, конечно, все понимаю, мы на взводе, но давай без оскорблений... — начал лейтенант.

— Да какие тут оскорбления? — Бестужев миролюбиво поднял руки вверх. — Да будет тебе известно, мой юный невежественный друг, что блюдо сие придумали при дворе графа Александра Строганова. Будучи неприлично богатым, он, как и другие олигархи своего времени, держал у себя в Одессе так называемый “открытый стол”. Суть этого нехитрого развлечения была в том, что на обед к графу мог придти, по сути, любой человек. Понятное дело, что желающих находилось достаточно. Тогда его повар Андре Дюмон и придумал подавать на сковородах обжаренную мелкими кусочками говядину. Позже в мясо стали добавлять различные соусы и овощи. Такая подача блюда была удобна тем, что мясо легко делилось на порции — и граф никого не оставлял обиженным.

— Это, безусловно, интересно, но причем здесь я?

— А при том, что сесть за стол к графу мог, как я сказал, любой человек. Но для этого необходимо было соблюсти лишь пару нехитрых условий. Во-первых, хорошо выглядеть, то есть надеть к обеду чистую одежду и не иметь косоного рыла. А во-вторых, быть человеком неглупым и быть готовым поддержать светскую беседу. И если со вторым условием ты, мой друг, еще худо-бедно бы справился, то с первым у тебя вышла бы явная промашка.

Олег посмотрел на свои потертые, в некоторых местах порванные джинсы, снизу перепачканные засохшей землей, и растерянно воззрился на шефа:

— Но как же быть?

— Придется тебе, Олежек, отказаться от графской еды и довольствоваться плебейской: гамбургерами и картошкой фри. А я, пожалуй, отведаю каприччо из лосося.

Олег переводил взгляд со своих джинсов на шефа, открывал и закрывал рот, но никак не мог выдать из себя и слова. Наконец, Бестужеву эта пантомима надоела, и он, смеясь, сказал:

— Да ладно тебе, Олежек, не переживай. Мы в конце концов не в 18 веке живем, так что расслабься. Ты все же не на халявный “открытый стол” к графу явился, а пришел в ресторацию тратить свои кровные. И здесь то, как ты выглядишь, дело десятое. Главное,

чтобы платежеспособным был. Так что бери свою говядину и не дуйся.

Олег подтвердил официанту заказ, но во время обеда не перемолвился с Бестужевым ни одним словом. И говядина, и лосось оказались сносными, поэтому душевное расположение духа вернулось к Олегу довольно быстро. Он даже не поспешил на чаевые для Ольги.

— Телефончик не попросишь? — с хитрецей прошептал напарнику Бестужев.

— Да какие уж тут телефоны, — сокрушенно вздохнул Олег, — давай сначала эту бодягу с убийством закончим, а там уже о девушках будем думать. Я так чувствую, скоро “на поспать” времени не будет, не то что на свидания.

— Ну что ж, твой боевой настрой мне очень нравится. Вперед, нас ждут великие дела!

К машине они вернулись тем же путем. Разговор снова не клеился. Дважды молчание прерывали звонки. Оба раза звонили Олегу. Оба раза он нажимал на прием, подносил трубку к уху и говорил:

— Слушаю.

Выслушав абонента на той стороне, он давал “отбой”.

— Почему ты всегда так отвечаешь? — спросил Бестужев.

— Как — так?

— Всегда одинаково. Короткое и сухое «слушаю». Ну я пойму, если на том конце провода полковник Булдаков или твоя теща... А если тебе звонит милая девушка из какого-то банка со спецпредложением? Или милое курносое создание из магазинчика суши, желающая подарить лишней сет твоих любимых роллов? Разве твое угрюмое «слушаю» не разрушит всю магию ответа?

— Во-первых, я не женат, поэтому тещи у меня нет. Во-вторых, в последний раз сладкоголосая нимфа, позвонившая мне из доставки пиццы, оказалась двухсоткилограммовым монстром, свидание с которым я сам — понимаешь, сам — добивался, около часа провисев на телефоне.

— Ииии? — протянул Бестужев, давясь смехом.

— А давай без “и”, - отмахнулся Олег. — Перефразируя один известный фильм “Все, что произошло летними вечерами в парке Пушкина, останется в парке Пушкина”.

— Да лааадно, — еще больше развеселился капитан. — Неужели ты с ней того?

В этот момент телефон Олега снова зазвонил. Засомневавшись на секунду, он поднес его к уху:

— Слушаю.

По мере услышанного лейтенант менялся в лице в сторону белизны. Наконец, он нажал отбой, повернулся к Бестужеву и неслушающим голосом произнес:

— Сань, звонил дежурный. У нас еще одно убийство. И похлеще вчерашнего...

Глава 6. Скали в шоке

Секунду Бестужев пребывал в некоей прострации. Он не понимал, что его поразило больше всего: новость об еще одном убийстве или о том, что оно похлеще предыдущего.

— Куда едем? — взял он себя в руки. — Подробности по пути.

Ехать было недалеко. Впрочем, Владимир — не Москва, здесь все было относительно не далеко. За пять минут опера добрались от площади Фрунзе до сквера Гоголя, напротив которого, на Княгининской улице, располагалась Никитская церковь — красивое здание с необычным бело-зеленым фасадом и большими окнами. Совсем не похожее на традиционные владими́ро-суздальские белокаменные шедевры. Но от этого церковь нисколько не проигрывала.

Вот только прямо перед входом в храм в землю верх ногами был врыт крест, к перекладинам которого был прибит человек. Территория была огорожена лентами, возле креста копошились полицейские, среди которых Бестужев узнал капитана Смирнова. Наспех припарковавшись, они с Олегом направились к нему.

— Вась, ну что тут у нас?

— Да почти все то же самое, что и вчера. С той лишь разницей, что убитый — не латинос, а вполне себе белый мужчина. Ну и есть свидетель, видевший убийцу.

— Да ладно, — Бестужев аж подскочил от нетерпения.

— Погоди радоваться. Свидетель — ночной сторож и несет всякую ахинею. По всей видимости, пребывает в состоянии шока.

— А что именно он говорит?

— Да пойдя сам послушай. Он на заднем дворе, с ним сейчас работают психологи. И отец Илья, настоятель храма, примчался, тоже успокаивает.

— Отец Илья? Вы знакомы?

— Да, он моих детей крестил, хороший мужик, пообщаешься — поймешь.

Бестужев отослал Олега разузнать, как там обстоят дела с крестом и трупом, а сам поспешил на задний двор. По опыту он знал: свидетельские показания лучше снимать как можно раньше, потом память притупит воспоминания, а отрицательные эмоции начнет блокировать сам организм. Это обязательно скажется на точности описываемых событий.

На лавочке, под раскидистой ивой, сидел сухонький человек. Плешивая голова и глубокие морщины на лице, вкупе с черной монашеской рясой, выдавали в нем глубокого старика. Рядом с ним сидел, по всей видимости, тот самый отец Илья. Чуть поодаль стояли две милые девушки-психологини. Бестужев сначала направился к ним.

— Как он? — капитан кивнул в сторону старика.

— Уже нормально, — ответила одна, откровенно разглядывая Бестужева. — Когда мы приехали, его всего трясло, он нес какую-то околесицу про бесов-убийц. Мы пытались его успокоить, но у нас мало что получалось, пока не приехал отец Илья. Кажется, знакомые лицо и голос сделали свое дело. Думаю, что сейчас с ним уже можно поговорить более продуктивно. Кстати, я Галя.

Весна в самом разгаре, подумал Бестужев, девчонки расцветают и хотят любви. Но ему было не до этого светлого чувства. Во-первых, второе убийство за два дня. А во-вторых, Лера, Лера, Лера...

— Красивое имя, — ответил он и отошел. Галя недовольно что-то сказала подруге, но

это его уже не интересовало.

Он подошел к лавочке.

— Капитан Бестужев, можно с вами поговорить?

— Да, капитан, присоединяйтесь, — отец Ильи, невысокий, тучный и бородатый мужчина, сделал приглашающий жест рукой. Настоящий поп из детских сказок Пушкина. Бестужев задержался взглядом на его лице: ничего необычного. Лет сорок, приличный живот, недешевый крест на цепи — вроде такой типаж должен вызывать негатив, но какой-то свет, исходящий изнутри, притягивал к этому человеку. — Садитесь с нами, можно прямо на землю, здесь земля намоленная.

Бестужев остался стоять.

— Ну как хотите, хоть в ногах и нет правды.

— А вы знаете, откуда пошло это выражение?

— Знаю, сын мой, знаю. В старые времена, когда и храма сего не было, бедных людей, чтобы взыскать с них долги и казенные недоимки, налоги по-нынешнему, ставили босиком в снег. Или били прутьями по пяткам и икрам. Таким образом от них добивались “правды”. Мол, на ногах она не раскроется. Только через мучения, через боль.

Бестужев удивился начитанности батюшки, но виду не подал.

— Ну так то ж годы темные, не как сейчас. Хотя и ныне зла в мире хватает. Вот Трофим еще войну Великую Отечественную помнит, до Польши дошел, пока осколком не ранило. А того ужаса, что сегодня ночью, узрел, говорит, и на войне не было.

— Что же вы видели, Трофим? — Бестужев все же сел на землю, чтобы не возвышаться над стариком.

Трофим снова задрожал, но, посмотрев в глаза отцу Илье, обрел покой и ответил капитану:

— Бес проклятый ночью приходил.

— А как он выглядел, бес этот?

— Как бес и выглядел: здоровый, весь в черном, силы немерянной?

— Как вы это поняли?

— Да я сидел в каморке своей, чай гонял. Бессонница к старости замучила — хорошо если часок-другой перед рассветом покемарю. А после полуночи обычно не сплю. Здесь, в храме, хорошо, покойно. Я иной раз книги читаю, сканворды страсть как полюбил отгадывать.

Трофим все больше успокаивался, его рассказ становился связным, и Бестужев незаметно включил на смартфоне диктофон.

— Я уже здесь шестой год дежурю, с тех пор как моя супружница, Татьяна Семеновна скончалась. Я тогда убивался очень, не знал, зачем дальше жить. Детей мы не нажили, хоть и жизнь долгую прожили. Но не оставил Господь, привел на порог храма, а тут отец Ильи меня приютил. О Боге рассказал, и я, атеист комсомольский, хоть на старости лет узнал истину, принял ее. И снова жизнь моя наполнилась смыслом.

Но я всегда знал, что раз на свете сила светлая существует, значит и зло недалеко бродит. И ночью оно ко мне заявилось. Я встал чайник перекипятить, а розетка аккурат под окном у меня. Вдруг гляжу: тормозит машина — красная такая, красивая.

— Номер не запомнили? — быстро спросил Бестужев.

— А чего его запоминать? Машина, вон, так и стоит перед церковью, — капитан вспомнил, что видел красный пикап, неаккуратно припаркованный перед храмом.

— Понял, дальше что было?

— Выходит из той машины бес. Берет из багажника крест здоровущий, а на том кресту человек висит. Тут у меня ноги задрожали, честно признаюсь. Бес схватил крест, словно грабли, на плечо закинул, по холмику взбежал, и — ей-богу, клянусь, — с размаху всадил его в землю. Верх ногами.

— Вот просто так взбежал с крестом и человеком на нем и с одного раза вкопал его в землю? — не поверил капитан.

— Вот вам крест, — Трофим трижды перекрестился.

— Ну а дальше что было?

— Потом это дьявольское отродье танец какой-то изобразило, трижды вокруг креста обежало и молитву сатанинскую какую-то выкрикивало.

— Слов не разобрали?

— Разобрал, да не понял. Не по-русски кричал бес-то. Дурной язык, грубый.

— Английский? Немецкий?

— Нет, я этого добра на войне наслушался, так что отличить смогу. Это, мне кажется, латынь была, фашисты любили на танках надписи краской писать на таком. Также подьявольски звучала.

— И что бес после своих танцев сделал?

— А это самое страшное. Хотел я его пугануть, дескать, ружье у меня есть, стрелять буду. Но язык мой присох к небу, смог лишь прохрипеть что-то неразумное. А бес будто бы и услышал. Повернулся ко мне и — не поверите — подмигнул. Тут меня силы-то и покинули. Потерял я сознание и провалялся на полу до рассвета. А утром очнулся, беса и след простыл. А крест на месте остался. Ну я сам выходить на улицу не рискнул, сначала полицию вызвал.

— Это вы правильно решили. Спасибо, что согласились поговорить, понимаю, что пережили. К вам еще художник подойдет, попробуете вместе нарисовать портрет убийцы. Можно с вами поговорить наедине? — переключился Бестужев на отца Илью.

— Конечно, — батюшка поднялся, погладил Трофима по голове. — Не бойся, сын мой, я скоро освобожусь, и мы пойдем с тобой помолимся.

Они отошли метров на пятнадцать.

— Скажите, как мне относиться к показаниям вашего сторожа? У него с головой все нормально?

— Настолько нормально, насколько может быть у восьмидесятилетнего человека, — ответил священник. — Понятно, что Трофим пребывает в глубоком шоке, так и я на его месте долго бы приходил в себя. Ну а в целом, его словам доверять можно. Он человек честный, старой закалки.

— Спасибо. Ну а сами что думаете по поводу убийства?

— Ну а что думаю? Зло большое пришло на нашу землю. Это ведь не первый распятый на кресте, так, капитан?

Бестужев мысленно выругался про себя: кто-то в конторе постоянно сливал информацию журналистам. Но вслух сказал:

— Да, это так. Но без подробностей.

— Я понимаю. Конечно, никакого беса тут не было. Но я верю Трофиму, что убийца был один. Если бы с ним приехал кто, наш сторож бы заметил это. Но какой человек в одиночку может совершить такое: сначала убить, прибить к кресту, а потом хладнокровно привезти тело в багажнике сюда... Уму непостижимо.

Неожиданно их беседу прервала громкая ругань. Ее автором был, конечно же, полковник Булдаков.

— Да что же это за напасти на мою голову? Да кого ж я так обидел? Кто мою карму проклял?

Бестужев наскоро поблагодарил отца Илью за беседу и поспешил успокаивать бурю. Полковник, увидев его, стал кричать еще громче.

— Ну скажи мне, Саша, что это за жесть такая. Тут Малдер вообще отдыхает. Тут, я бы сказал, сама Скалли просто в ах..., - он не догромыхал, так как краем глаза зацепил приближающихся журналистов. Когда воздуха в легких стало не хватать, он со свистом прошипел: — В шоке. Скалли просто в шоке.

Бестужев покачал головой, понимая, какой ценой Егорычу далась цивилизованная речь. В данный момент он сам готов был выматериться по полной. Журналисты были сейчас, конечно, ни к чему, но капитан понимал, что долго от них скрывать убийства не получится. Тем более из слов отца Ильи он понял, что город уже всюду судачит об этом деле.

Журналисты сумели пройти недалеко. Спасибо капитану Смирнову, вовремя оценившему угрозу, и выставившему небольшое оцепление. Они сумели сдержать наплыв акул пера. Но те так просто не сдались и теперь пытались докричаться до Булдакова.

— Товарищ полковник, “Зебра-ТВ”, нам нужен ваш комментарий, мы все равно не уйдем.

- “6 канал”, а правда, что это уже восьмое убийство?

— Газета “Томикс”, связываете ли вы эти убийства с новой властью, пришедшей не так давно в регион?

— Слушай, Егорыч, скажи ты им что-нибудь, а то они сами такого понапишут, разгребать замучаемся. Кстати, я смотрю, вы успели спрятать труп?

— Да, Стрельцов уже погрузил его в свой катафалк. Сказал, что тебя ждать не будет, дел много. Как будет информация, он тебя наберет. Ладно, ты давай уж, соберись, без запоев, надо это дело разгребать как-нибудь. А не то съедят нас с тобой, Саша, и не поморщатся. Пойду я, успокою этих стервятников.

Полковник начал спускаться, телевизионщики засуетились, выставляя камеры, газетчики приготовили диктофоны. Бестужев отметил, что Егорыч немного сдал за эти два дня, но чувствовал, что запас энергии у полковника еще имеется.

Бестужев решил вернуться к отцу Илье и старому сторожу, но обнаружил, что те уже ушли. Скорее всего, молиться. Прерывать это таинство капитан не решился. Он сел под иву и попытался сосредоточиться. Но получалось плохо. Если одно вчерашнее убийство походило на театр абсурда, то два — это уже сюрреализм какой-то.

— Нет, ребята, это не уже не лезет ни в какие ворота. Даже в Золотые.

— Зато спокойно укладывается в ворота Серебряные.

— Чего-чего? — от неожиданности Бестужев аж подпрыгнул. Повертев головой, он увидел у стен храма красивую женщину средних лет. Она стояла к нему в пол-оборота, положив правую руку на стену церкви. Казалось, она говорила не с Бестужевым, а с храмом. Но нет — повернулась, смело посмотрела капитану прямо в глаза. Высокая, темные волосы до плеч, правильное лицо, на котором выделялись большие карие глаза с длинными ресницами. Приличное весеннее пальто бежевого цвета, черные полусапожки.

— Я говорю, что ворота тут были раньше. Но не Золотые, а Серебряные, — улыбнулась женщина.

— Кто вы? И как сюда попали?

— Меня зовут Вера, я журналист. Обмануть ваших держиморд не составляет большого труда.

— И из какого вы издания?

— Ни из какого, я фрилансер. Собираю информацию, пишу, потом предлагаю сюжеты разным изданиям.

— И про это убийство тоже будете писать.

— Придется, — вздохнула она. — Хотя изначально я планировала большой материал про древние ворота нашего Владимира.

— Кажется, я не совсем понимаю...

— Не знаю, помогу ли вам, если скажу, что место убийства выбрано необычное. И этого убийства, и вчерашнего.

— Вы и о нем знаете?

— Знаю.

— Если не секрет, кто вам рассказал?

— Журналисты свои источники не разглашают. Но вернемся к моему исследованию. Я поясню, чтобы сразу понятно было. Во времена Андрея Боголюбского наш город опоясывался валом и имел семь входных ворот: Золотые, Медные, Оринины, Ивановские, Торговые, Волжские и Серебряные. Причем внешне Серебряные ворота, видимо, были похожи на Золотые.

— А почему видимо? — спросил Бестужев.

— Дело в том, что до наших дней дожили только Золотые ворота, — пояснила Вера, — да и те, скорее, белокаменные. Куда делось золотое покрытие ворот, до сих пор является исторической тайной. Похоже, кто-то очень хорошо умел заметать следы.

— Давайте вернемся в наше время и в наши Пенаты, — перебил журналистку Бестужев.

— Хорошо. На самом деле, точное расположение всех ворот, кроме Золотых, неизвестно. Все выводы сделаны на упоминаниях в летописях и раскопках. Но есть одна не очень популярная среди историков теория, что Андрей Боголюбский строил свои ворота в местах силы. И что во время его правления были построены лишь пять из семи ворот. И все вместе они образовывали довольно известную каббалистическую фигуру — пентаграмму. Купола, расположенные на верхушках ворот, соединялись друг с другом силовыми линиями, питали врата и усиливали оборонительную мощь города. Неудивительно, что Никитскую церковь построили именно на этом месте.

— И как так получилось?

— Истинная судьба ворот неизвестна. Понятно, что они были разрушены, но при каких обстоятельствах, история умалчивает. А вот что касается Никитской церкви... Она — довольно молодая, но при этом уникальная для владимирской архитектуры. Ведь церковь построена в стиле провинциального барокко, и на фоне тысячелетних белокаменных храмов выглядит зарвавшимся подростком, который вместо школьной формы вдруг решил натянуть джинсы. Внешне она больше напоминает светское здание, чем церковное, некую гимназию или библиотеку.

Храм построили в шестидесятые годы 18 века на деньги купца Семена Лазарева. Место было выбрано явно не случайно. До нее здесь была деревянная церковь, а еще раньше — Космо-Дамиановский монастырь. А Серебряные ворота стояли то ли рядом с ним, то ли вместо него.

— То есть здесь после ворот всегда строили церкви? — уточнил Бестужев.

— Да, это так. Столь мощное энергетическое место нельзя было оставлять на откуп светским властям. Хотя судьба конкретно этого места довольно печальна. В советские годы храм был закрыт для богослужений, и в его стенах разместилась научно-реставрационная мастерская. Лишь в 2015 году церковь вернули Владимирской епархии, и здесь вновь стали проходить службы.

Вера прижалась щекой к стене храма и закрыла глаза.

— Даже сейчас тонким душам можно почувствовать, как пульсируют силовые линии. За столетия они истончились, но все еще полны энергии.

— Тонким душам? — переспросил Бестужев.

— О, капитан, — улыбнулась Вера, — вам не знакомо это понятие. Что бы вам не говорили, но у каждого из нас есть душа. Есть души толстые, которым все равно, что произойдет с человеком. Весь жизненный процесс — под руководством мозга. Мозг выдает инструкции, которые нельзя изменять — в противном случае вся жизнь полетит в тартарары.

— О каких инструкциях вы говорите? — Бестужеву стало любопытно. Он поймал себя на мысли, что ему интересно общаться с этой странной журналисткой. На короткий миг он даже позабыл о расследовании.

— Инструкций очень много, они окружают нас повсюду. Есть общие: детский сад, школа, институт, работа, двое детей, машина, дача, квартира. Или вот такая: планомерный пятидневно-рабочий путь от специалиста до генерального директора. А можно — от рядового до генерала.

Есть частные инструкции, они имеются на все случаи жизни — из оперы “белое не носить, обтягивающее на надевать”. Любой знает, что не стоит приходить в оперу в шортах, а на рок-концерт — в смокинге. И таких сценариев миллионы. Есть инструкции совсем индивидуальные, которые закачивают в наш мозг родители, друзья, уставы предприятий.

— Все, о чем вы сказали, можно объединить такими понятиями как “порядок”, “карьера”, “цель в жизни”, “общество”, “обустроенность” и так далее. Разве это плохо?

— А разве я сказала, что это плохо, капитан?

Черт, ему показалось, или Вера только что стрельнула глазками? Тут же в груди заворочался клубок боли. У него было четкое имя — Лера. Так что нужно выбросить все мысли из головы: никакого флирта, Бестужев, ты в трауре.

— Нет, инструкции — это не плохо и не хорошо, это данность современной жизни. Сегодня большинство людей вынуждены жить, руководствуясь командами, которые им посылает их мозг. Сознание задвигает душу на вторые, а то и третьи роли. Именно поэтому мы стали менее чувствительными, менее эмоциональными. Мы практически перестали сопереживать друг другу. Даже смерть человека воспринимается как трагедия только близкими родственниками; окружающие просто не имеют времени скорбеть. Если остановишься в своем беге по жизни, то можешь уже не успеть.

— А раньше было не так?

— Да, раньше было по-другому. Прежде, чем совершить поступок, мы спрашивали свое сердце, свою душу.

— Ну это больше похоже на отвлеченные разговоры, которые ведутся на телевизионных шоу.

— Вот видите, ваш мозг не хочет меня услышать, это не по инструкции. Вам нужны аргументы, доказательства. Впрочем, они у меня есть. Стоит лишь на мгновение

остановиться, оглянуться вокруг себя, и вы все увидите и все поймете. Вот, например, еще тридцать-сорок лет назад дети, увидев дрожащего под дождем щенка или котенка, жалели его и приносили домой. А сейчас как? По городу бегают стаи бездомных озлобленных псин, и время от времени мы смотрим репортажи о том, что кого-то покусали. А куда же делись дети? Загородились инструкциями.

Или вот еще пример. Уже про взрослых. Еще каких-то сто лет назад каждый уважающий себя человек знал цветочный этикет. Потому что дарить цветы — это так важно, так ответственно. И к этому вопросу подходили основательно. Красные розы означали любовь, а желтые цветы — разлуку; белые бутоны дарили только юным прекрасным незамужним созданиям, ведь белый — символ нежности и чистоты; скромные фиалки означали трепетное признание в любви; и даже непопулярная нынче бегония скрывала в себе скрытое предостережение. А сейчас кто и кому дарит цветы? Букет, коробка конфет и бутылка шампанского — вот триумвират скоротечных отношений мужчины и женщины современного мегаполиса. Чувствуете разницу миров? Мы создали ее сами.

Бестужев молчал. Странно, но ему не хотелось перебивать Веру и что-либо ей доказывать. Наоборот — он желал просто стоять и слушать ее рассуждения о нынешнем и прошлых поколениях, соглашаться или спорить — но не вслух, а про себя. И просто смотреть на эту красивую женщину лет тридцати пяти — и никуда не торопиться. И чтобы солнце обязательно пробивалось сквозь ивовые ветви и пускало зайчиков по ее лицу. И чтобы эти блики заставляли бы ее так мило щуриться...

— Вы не согласны со мной? — Бестужев не сразу понял, что Вера спрашивает его, и наверное, уже не в первый раз и ждет ответа.

— Простите. Согласен, но не во всем, — капитан смутился, не зная, какой ответ будет правильным. Его спас зазвонивший телефон. — Извините, — он поднес трубку к уху.

— Сань, ты куда делся? — это был Олег.

— На заднем дворе.

— Иди сюда, есть кое-что любопытное.

Бестужев отключился.

— Меня зовет напарник, мне нужно идти. Может, мы продолжим нашу дискуссию позже, например, за ужином? — Бестужев не надеялся на удачу, но уйти просто так он бы не смог.

Вера пристально посмотрела на него, несколько секунд помолчала, а потом улыбнулась:

— Я подумаю.

— Эээ... может, оставите телефон?

— Вы знаете, капитан, по сведениям краеведов, до революции вот эту нашу Никитскую церковь было видно из любой точки города. Стоило лишь захотеть.

— Не совсем понимаю, к чему вы это?

— К тому, что если вы по-настоящему захотите со мной встретиться — вы найдете меня в любое время из любого места.

— Но...

— Эх, не хватает нашим мужчинам романтики все же, — засмеялась Вера. — Идите, я еще здесь побуду, закончите с напарником — возвращайтесь, подумаем всерьез над вашим предложением.

Бестужев чуть ли не бегом бросился к Олегу, тот стоял рядом со Смирновым и что-то показывал ему на смартфоне.

— Олег, — позвал капитан.

— Шеф. Как и в прошлый раз, никто и не скрывал личность нашей жертвы. И, как и в прошлый раз, все оказалось не так просто.

— Почему-то я не удивлен, — пробормотал Бестужев.

— Убитого зовут Луиджи Гуэрра, паспорт итальянский. Я скинул данные Инге, она пробила его. И знаешь, где обнаружился наш клиент?

— После Сальвадора боюсь даже представить.

— В базе Интерпола. Он уже много лет в международном розыске.

— Твою ж мать, — выругался Бестужев. — С каких это пор Владимир стал Меккой для международной преступности?

— Вот и я о том же. Ладно, пусть Инга собирает о нем информацию, через час собираемся в отделе.

Бестужев вернулся на задний двор, но Веры там не было. Вместо нее возле стены стоял молодой полицейский, видимо, из смирновских.

— Ты не видел здесь женщину, журналистку?

— Здесь? Никак нет, товарищ капитан. Откуда ей здесь взяться, весь периметр перекрыт, и мышь не проскочит.

— Ну вот она проскочила.

— Вряд ли, товарищ капитан. Кто-нибудь да увидел бы.

Бестужев понял, что спорить бесполезно. Что ж, на личную жизнь все равно времени нет — пора поближе познакомиться с товарищем Луиджи Гуэррой.

Глава 7. Ндрангета

Как сказал полковник Булдаков, Скалли сегодня реально пребывала в ах... то бишь в шоке. Ситуация явно выходила из-под контроля. Еще несколько раз скрупулезно изучив место преступления, Бестужев с Олегом вернулись в отдел. Инга их уже ждала. Судя по блестящим глазам, ей было что рассказать коллегам. Вот только капитан не был уверен, что готов это услышать.

Закипел предусмотрительно поставленный Ингой чайник. Что ж, кофе, наверное, сейчас — самый оптимальный выбор, пусть и простой растворимый “Нескафе”.

Через пять минут перед каждым сотрудником отдела Q стояла дымящаяся кружка. Все ритуалы были соблюдены, настало время попытаться хоть немного продвинуться в решении загадки двух убийств. У них было очень мало информации. Но было и чем поделиться друг с другом. Первое слово было за Ингой.

— Когда вы слышите словосочетание “итальянская мафия”, какие ассоциации приходят вам на ум? — спросила она

— Коза Ностра! — выпалил Олег. — Крестный отец, Аль Пачино, мафиозо.

— Коза Костра — это правильный ответ, но не полный, — улыбнулась Инга.

— Согласен с предыдущим оратором, — вкусно отхлебнул кофе Бестужев. — Про сицилийскую Коза Ностру снят самый лучший бандитский сериал всех времен — “Спрут” с комиссаром Каттани.

- “Спрут”? — удивился Олег. — Что-то не припомню такого. Может, ты с “Прослушкой” путаешь?

— Ничего я не путаю. Эх вы, молодежь, ничего в вас святого нет, — махнул рукой Бестужев. — И кто вас воспитывал?

— С Коза Настрой разобрались, — задушила дискуссию в зародыше Инга. — Что еще?

Олег молчал. Бестужев выждал мхатовскую паузу и сказал:

— Ну раз знания подрастающего поколения на этом закончились, скажу я. В Италии еще есть Каморра — менее раскрученная мафиозная структура, но не менее могущественная. Собственно, весь сапожок и поделен между этими кланами.

— Вы, как всегда, правы, шеф, — теперь уже Инга выдержала паузу. — Но не до конца,

— Олег не сдержался и прыснул. Бестужев удивленно посмотрел на помощницу.

— То есть?

— В Италии есть еще одна преступная организация. Намного менее раскрученная, но намного более могущественная. Я расскажу вам одну легенду. Жили-были три рыцаря: Оссо, Матроссо и Карканоссо. И была у них сестра, очень-преочень красивая. Но, как мы знаем из мировой мифологии, на женскую красоту всегда кто-то покушается. Вот и сестра наших братьев не избежала этой незавидной участи. Злые люди похитили ее и изнасиловали.

— Офигеть, легенда, — проворчал Олег.

— Братья решили отомстить за поруганную честь своей сестры и убили насильников, а также всех их родственников. Не пожалели даже детей. Братьев поймали и заточили в темницу. Они просидели в казематах двадцать девять лет, одиннадцать месяцев и двадцать девять дней. В заточении братья разработали кодекс омерты, который впоследствии лег в основу всех мафиозных законов.

— Да-да, я читал у Марио Пьюзо, — вновь встрял Олег. — Нельзя сотрудничать с

властями и полицией, за предательство — смерть, обидел члена клана — обидел всю мафию... Ну и все в таком духе.

— Правильно, — продолжила Инга. — Итак, наши братья с незапоминаемыми именами отсидели положенное и вышли на свободу. И вот уже там они основали три мафиозных клана. Оссо стал отцом Коза Ностры. Карканоссо родил Каморру. А вот старший и самый умный брат Мастрессо основал Ндрангету.

— Какое странное и неприятное слово, — сказал Бестужев. — Что оно означает?

— Достоверно не известно. Но есть мнение, что название Ндрангета происходит от древнегреческого слова, означающего “доблесть”. Доблесть, как вы понимаете, у них была своеобразная.

— С легендами разобрались, — сказал Бестужев. — А что у нас с фактами?

— А тут все не хуже, чем у сальвадорцев. Родиной Ндрангеты является один из регионов Италии — Калабрия. И тут мы получаем более приземленную версию, откуда произошло название мафиозного клана. Возможно, топоним Andragathia Regio тому виной, это название местности вблизи современной Калабрии.

Появилась банда еще в первой половине двадцатого века. И за это время выросла в одну из наиболее могущественных преступных организаций в мире. Некоторые исследовательско-экономические институты оценивают ежегодный доход Ндрангеты чуть ли не в пятьдесят миллиардов евро. И эти цифры, как мы понимаем, взяты лишь из тех сфер, где влияние итальянцев прослеживается довольно явно.

Принципиальным отличием мафиозо от сальвадорских муравьев является их деятельность. Банда занимается как легальным бизнесом, так и преступным. Например, Ндрангета уже давно стала крупнейшим импортером кокаина в Европу. И сегодня все другие наркодельцы Южной и Западной Европы вынуждены закупать наркотик у калабрийцев. Также итальянцы занимаются отмыванием денег — в Даркнете эту “прачечную” не рекомендует только ленивый. Не брезгает Ндрангета торговлей информацией, ядерным оружием, а иногда — и людьми.

При этом мафиози заняты в ресторанном бизнесе, строительстве, розничной торговле — они замечены во многих, вполне законных делах. Есть мнение, что Ндрангета — это уже не классическая преступная группировка, а, скорее, международная корпорация с сомнительной репутацией.

— Ага, и за главного у них гендиректор, а рэкетиров подбирает отдел кадров, — усмехнулся Олег.

— Ну в плане иерархии все, конечно же, довольно архаично, — продолжила Инга. — Подобно кликам в Сальвадоре, здесь минимальная единица банды — ндрина. Чаще всего это просто одна семья с многочисленными, как это принято, в Италии родственниками. Как и в Латинской Америке каждая ндрина контролирует отдельную территорию, например, район города. Во главе стоит капубастуни — своеобразный капитан. Любопытно, что эту роль может исполнять и женщина.

В свою очередь ндрины объединяются в локале, глава которого возглавляет обычно целый город. Также задача локале — следить за тем, чтобы члены разных ндрин не переубивали друг друга. Ведь фаиды — или по-другому клановые войны, бывало, выкашивали ряды Ндрангеты десятками.

Ну а выше локале стоит кримине — специальная комиссия, куда входят члены ндрангеты самых высших рангов — вангелиста и сантиста. Главарь кримине — квинтино —

избирается на определенный срок. Его решение — закон для всех членов Ндрангеты. А решения, как вы понимаете, бывают очень кровавые.

— Что-то я в конец запутался с этими кримине и локале, — сказал Олег.

— На самом деле нам глубоко вникать и не надо. Достаточно остановиться на одном звании — сантиста. В семидесятых годах прошлого века боссы Ндрангеты решили создать особую организацию внутри себя — La Santa. Эта элитная часть мафии состояла исключительно из сантиста “Святых” обычно всего лишь 33 человека, но именно они отвечают за налаживание связей и контактов с властью, полицией, другими мафиози внутри Италии и бандами по всему миру.

La Santa осень похожа на орден масонов. Сплошные тайны, секреты, мистические ритуалы. А самое главное — им приписывают участие практически во всех политических убийствах, сменах режимов, революциях и других милых мероприятиях, произошедших на нашем шарике за последние полвека. Это своего рода преступный спецназ.

— Кстати, я всегда подозревал о существовании подобной организации, — безапелляционно заявил Олег.

— Ага, а еще о мировом правительстве, золотом миллиарде и прочей чуши, — съязвил Бестужев. — Ах да, я забыл о грядущем Апокалипсисе. Он ведь каждый год по пять раз ожидается?

— Про конец света, а точнее, религию, я еще скажу, — невозмутимо продолжила Инга. — Учитывая влияние Ндрангеты, удивительно, как долго им удавалось оставаться в тени. Безусловно, в этом большая заслуга La Santa. Ведь члены Ндрангеты нашлись практически во всех ветвях итальянской власти. Даже федеральной. Ндрины, эти преступные атомы, расползлись по всему миру вместе с итальянскими эмигрантами. Их следы находили в Германии, Канаде и даже в Австралии.

А всерьез за эту группировку взялись лишь в 2007 году. Пятнадцатого августа в немецком Дуйсбурге возле итальянского ресторанчика нашли шесть мертвых тел. Все убитые были уроженцами Калабрии, каждому произведен контрольный выстрел в голову. Рядом с трупами найдена обожженная статуэтка святого — символ одной из ндрин. В процессе расследования полицейские узнали, что стали свидетелями фаиды, которая длилась уже много лет.

После этого пошли аресты, в последние десять лет состоялись очень громкие для Италии процессы. Расследования идут до сих пор. Многие видные члены банды объявлены в международный розыск. В том числе и главарь La Santa. Он скрывался почти семь лет, пока сегодня утром его не обнаружил древний старик с таким непопулярным нынче именем — Трофим.

— То есть ты хочешь сказать, что Луиджи Гуэрра — это лидер La Santa, спецназа европейской мафии? — чуть не выронил чашку из рук Бестужев.

— Вот именно, шеф. Весь Интерпол гонялся за ним, а наш убийца не просто нашел, но и сделал за полицаев всю грязную работу.

— Делааааа... — протянул Олег. — Шеф, я, наверное, не пойду с тобой на доклад к Булдакову, ну его на фиг.

— Да я, пожалуй, тоже пока не пойду. Пусть Смирнов пробьет Гуэрру по базе и вставит это в отчет. Нам и без инфаркта Егорыча есть чем заняться. Шутка ли: за сорок восемь часов во Владимире ликвидировали лидеров двух влиятельнейших преступных группировок мира. И больше между ними я не вижу ничего общего.

— Ну, вообще-то, общее есть, шеф, — встала Инга. — Я обещала рассказать об их отношении к религии. Дело в том, что, как и сальвадорских муравьев, членов Ндрангеты обвиняют в поклонении Сатане. Причем обвинения звучат вполне официально и из самых высокопоставленных уст.

— Это чьих же?

— Расскажу такой случай. В 2014 году Папа римский Франциск посетил с визитом юг Италии. Во время одного из своих многочисленных выступлений на проводимых мессах он назвал членов Ндрангеты “поклоняющимися дьяволу” и заявил, что все они будут отлучены от церкви. Я процитирую: “Те, кто в своей жизни следует по пути зла так, как это делают мафиози, не имеют ничего общего с Богом. Вся Ндрангета будет отлучена от Римской католической церкви”.

— Значит, сатанисты, — задумчиво промолвил Бестужев. — Тогда это объясняет выбранные для убийств места.

— Ну церковь, понятно, а с Золотыми воротами не все ясно, — ответил Олег.

— На самом деле, здесь общего намного больше, — и Бестужев рассказал о своей встрече с Верой и о том, что журналистка поведала о Серебряных воротах.

Рассказ произвел должное впечатление на коллег. Повисла тишина, каждый размышлял над услышанным. Прервал тишину стук в дверь. Это оказался лейтенант Голдов из команды Смирнова. Он рассказал, что составить качественный портрет убийцы со слов сторожа Трофима не получилось.

— Полноценного фоторобота у нас нет, — развел руками Голдов. — Черные ботинки, черные джинсы или брюки, черная кожаная куртка. На голове — черная бейсболка с эмблемой футбольного “Спартака”. Сторож опознал ее, так как сам болеет за красно-белых. Лица разглядеть не удалось. Все-таки ночь, фонари светят не на храм, а на дорогу. Плюс широкий козырек от бейсболки давал дополнительную тень.

— Да, не густо, — протянул Бестужев.

— И еще одно. Мы пробили машину, на которой приехал убийца. Красная Toyota Hillux взята на прокат в Москве. Вполне официально по паспорту, на имя Луиджи Гуэрры. Но, как и в случае с Ганадором, никаких следов прибытия в Москву не обнаружено. Нет отметок ни в аэропортах, ни на вокзалах, ни в портах.

— Чертовщина какая-то, — в сердцах сказал Бестужев.

— На всякий случай пробили не только Москву. Но везде по нулям.

— Да что б тебя: на самолете не прилетал, а тачку в аэропорту зарентил.

Голдов пожал плечами и вышел.

В следующие несколько часов коллеги продолжали изучать улики с места преступления, Инга откопала еще несколько интересных фактов о Ндрангете. Становилось ясно, что сверхвлияние этих мафиозо в современной Италии, да и по всей Европе отрицать нельзя.

Ближе к вечеру решили позвонить в морг Стрельцову. Несмотря на то, что рабочий день уже завершился, доктор был на месте. Сальвадорца он к отправке подготовил, к итальянцу только приступил, поэтому результатами был готов поделиться позже. Но интуиция патологоанатома подсказывала ему, что найдет он все то же самое, что и у Пабло Ганадора — смерть в результате полной потери крови через стигматы.

— Что ж за мания такая — резать иностранцев в нашем тихом провинциальном городе, — посетовал Стрельцов. — Так мы лишимся всех туристов.

— Думаю, что сейчас это не самая главная из наших бед, Серафимыч. Но я обещаю тебе, что не лишимся, да и нашего губителя обязательно найдем, — заверил его Бестужев и отключился.

Капитан почувствовал, что очень устал. Последние дни, да и ночи, по всей видимости, давались ему непросто. Он предложил завершить этот тяжелый день в ирландском баре “Клевер”, куда они иногда заходили целым отделом. Инга идею не поддержала, сославшись на то, что она обещала провести этот вечер со своей любимой. У Олега поначалу тоже были сомнения:

— Сань, может, тебе не стоит бухать? Ты же и так не можешь остановиться.

— Ну я же под твоим присмотром, — улыбнулся Бестужев. — Как увидишь, что пора заканчивать, называй кодовое слово — и все, домой.

— Какое слово?

— Предлагаю кодовым словом, а точнее, фразой, установить “По полтишку на посошок”.

Друзья-коллеги рассмеялись. Это хорошо, что они еще могут радоваться таким простым шуткам, подумал Бестужев, а то еще пара-тройка таких трупов, и улыбаться можно разучиться.

Машину капитан бросил у РОВД — таких фокусов, как покатушки прошлой ночью, не должно повториться. На автобусе тоже решили не ехать. Майская погода благоволила к пешим прогулкам — благо, до бара было не так далеко.

Народу в небольшом, но уютном заведении было много — пришлось втиснуться в самый дальний уголок. На дворе был вторник, но чувствовалось неизбежное приближение лета, и вечер каждого пригожего дня стал напоминал вечер пятницы.

Усевшись на стулья, коллеги взяли в руки меню.

— По пиву? — спросил Олег.

— По светлому фирменному, само собой.

— А, может, сразу по Косматому вдарим?

— Давай.

Олег подошел к стойке:

— Два светлых пива и четыре по пятьдесят Jameson Caskmates. Ну и бутылочку колы.

— Колу с Jameson’ом мешать? Моветон, — привычно проворчал бородачи бармен.

Впрочем, он говорил так каждый раз, когда друзья заказывали виски-колу. — Лучше возьми к нему в пару темного пива.

— Слушай, ты, наверняка, тысячу раз прав с точки зрения искусства правильного питания виски. Но что делать, если мы уже лет десять не меняем два правила.

— Каких?

— Jameson’у не изменять. Это раз. Пропорцию смешивания с колой доверять только Бестужеву, — Олег кивнул в сторону капитана. — Это два.

— И как, работает?

— А то. Не просто работает, но и не перестает радовать. Меняются сорта Jameson’а, кола теряет сахар или приобретает вишневый вкус — но главное остается неизменным: продукт Джона Джемесона и кока-кола, — с этими словами Олег аккуратно подхватил четыре фигурных стакана с золотой жидкостью внутри, отнес их и вернулся за пивом: — Кстати, я еще забыл про лед. Без него тоже нельзя.

— Иди уж, я вам принесу, — улыбнулся бармен.

— Ну тогда уж и гренки за тобой.

Олег вернулся к капитану. Они отсалютовали друг другу пивными бокалами, чокнулись и сделали по жирному глотку.

— Хорошо, — вытер “усы” Бестужев. — Давай подытожим то, что мы имеем.

— Согласен, шеф. — Оба понимали, как важно раскладывать “по полочкам” поступающую информацию. Если так не делать, то можно либо запутаться в ней, либо упустить что-то важное.

— Итак, несколько дней назад криминальный авторитет из Сальвадора Пабло Ганадор по своему собственному паспорту прибывает в Москву. Как, на чем — непонятно. Возможно, нелегально. Он при деньгах, потому что берет в прокат белоснежный Range Rover. На нем он прибывает во Владимир. Здесь он встречается с неким человеком.

— Можно предположить, что этот человек и был целью поездки Ганадора в наш город, — вставил Олег.

— Принимается, — Бестужев покончил с пивом и взял в руки виски. — Скорее всего, встреча проходит не так, как предполагал сальвадорец. Возможно, происходит ссора. В результате, визави нашего туриста становится его убийцей. Метод убийства, прямо скажем, выбран не самый ординарный. Бедного Пабло приколачивают к кресту. При этом за короткий срок через раны на руках и ногах выливается вся кровь, будто бы ее чем-то выкачали.

— И этот момент, шеф, вообще никак не укладывается в голове. Инга тебе не сказала, но она промониторила самые невероятные теории на сей счет, но даже вампиры из легенд на это не способны.

— Вот это и напрягает. Ладно, идем дальше. Крест с прибитым на нем Пабло убийца привозит на его же машине к Золотым воротам и подвешивает вниз головой через арочную перемычку.

— Жесть. Даже сейчас слушать жутко, — Олег отхлебнул виски.

— Нашему Мистеру X так не кажется. Потому что на следующий день он совершил еще одно убийство. Но давай по порядку. Также недавно, таким же непонятным образом в Москве объявляется лидер европейского преступного спецназа синьор Луиджи Гуэрра. Арендует тачку и едет — куда?

— Во Владимир.

— Правильно, твоя оценка “пять”. А во Владимире его уже ждут. Все тот же Мистер X. Как и в случае с Ганадором, встреча заканчивается для итальянца плачевно — распятием на кресте, только на этот раз крест не подвешивается, а втыкается в землю. Именно втыкается, с размаху, если верить показаниям сторожа Трофима. Причем я думаю, что Мистер X с удовольствием бы подвесил свою жертву, но, к сожалению, Серебряные ворота не дожили до наших дней.

— Шеф, оба убийства явно совершены одним и тем же человеком. Я бы даже сказал, одним и тем же сверхчеловеком.

— Лучше молчи. И сходи возьми еще виски.

Олег ушел, но почти тотчас вернулся.

— Шеф, пойдём со мной. Кажется, наши молитвы были услышаны.

Олег подвел его к барной стойке. Там их уже ждал бородатый бармен.

— Я подошел заказать виски, — объяснил Олег, — и у меня зазвонил телефон, понимаешь?

— Пока нет.

— Тут такое дело, — смутился лейтенант. — Наш Пабло — он же того... приметный очень. Я таких даже в кино не видел. Ну я и поставил его фотку на звонок от Королева.

— Кого?

— Да ты его не знаешь, но, поверь мне, редкостная скотина. Вот и сейчас позвонил и напомнил, что я ему денег должен. А то я без него не знаю.

— Все это, Олег, безумно интересно, но я бы с большей пользой потратил бы это время, потягивая виски.

— Да нет, шеф, ты не понял. Пока телефон звонил, наш бармен увидел фотку Ганадора. И после разговора отметил, что тоже в шоке от этого татуированного парня.

Бестужев резко повернулся к бармену:

— Так ты его видел раньше?

— Ну да. Он позавчера вечером здесь ужинал. Я вам скажу, таких типажей еще поискать надо.

— Погоди, — перебил его Бестужев. — Он был здесь один?

— Нет, почему один? Вдвоем они ужинали.

— С кем? — Бестужев в нетерпении аж перегнулся через барную стойку.

— Ну так с парнем в бейсболке “Спартака”.

Бестужев ошарашенно посмотрел на Олега. Тот развел руками:

— Шеф, я хоть и не Скалли, но тоже реально в аху... то есть, ну это... в шоке.

Глава 8. Уроки латыни

Наутро Бестужев проснулся в собственной постели и был откровенно рад уже одному этому факту. Дополнительным бонусом шли отсутствие головной боли (пейте правильный вискарь!) и полные, без пробелов, воспоминания о вчерашнем вечере.

Разговор с бородатым барменом был похож на американские горки. От полной, перехватывающей дух, эйфории до апатии на ровном участке трассы. К сожалению, ничего толкового бармен сообщить не смог. Да — был здесь сальвадорец. Да — пил виски, ел колбаски с каким-то челом. Чел был весь в черном — и ботинки, и штаны, и куртка. Даже бейсболка черная. Единственным пятном — красно-белый ромб “Спартак”. В общем, тусклый и незапоминающийся субъект. Другое дело — его татуированный визави. Про Пабло Бестужев выслушал, скорее, из вежливости, так как никакой новой информации бармен не сказал.

С камерами опять вышла беда. Именно в этот день их должны были заменить на более новые, но вышла заминка. А старые камеры уже демонтировали и увезли.

Как-то уж очень удачно все складывается для нашего Мистера Х, думал Бестужев по дороге на работу. Никто его описать не может, камеры не вовремя выходят из строя или подлежат замене. Машину искать не надо, всегда можно воспользоваться тачкой жертвы. Что же это? Сверхудачная импровизация или тщательно подготовленные и осуществленные убийства? Ответа пока что нет.

Можно предположить, что смерти обоим желали довольно многие люди на этой планете. И “заказать” их вполне могли. Но убивать конкретно во Владимире, да так, чтобы жертва сама пришла к убийце. Да еще и таким извращенным способом. Слишком много вопросов, и ни одного ответа.

Как убийца выкачал кровь? Где он это сделал? Где он взял кресты для своих убийств, ведь такой сложный состав дерева должен стоить целую кучу денег. И даже, если деньги в избытке, далеко не каждая фабрика сможет изготовить такие изделия. Оперативники Смирнова бьются над этой проблемой, но пока тщетно. Нигде никаких следов.

В РОВД Бестужева окликнул дежурный:

— Сань, тебя Булдаков ищет.

— Настроение у начальства?

— Рвет и мечет.

— Понятно, — смысла идти в отдел не было. Нужно подниматься к полковнику.

По пути он встретил Смирнова. За ночь никаких новых фактов обнаружено не было. Ни и новых трупов не обнаружено. И на том спасибо.

Получать “нагоняй” от Булдакова капитану было не впервой. Но, войдя в кабинет, ему стало неудобно. Полковник бесформенной массой развалился в кресле, галстук грустно висел на спинке одного из стульев, рубашка расстегнута сразу на две пуговицы — образ совсем не по уставу. В руке Булдаков крутил бокал с виски. Судя по ополовиненной бутылке и красному лицу, виски был выпит не вчера. Может, от него тоже жена ушла, мелькнула мысль у Бестужева. Но нет, дело, конечно же, в другом.

— Ну что — явился? Вот скажи мне, Бестужев, ты вчера обделался мне сообщить о личности нашего итальянца? — сузив глазки прошипел Булдаков. — Действительно, зачем ставить полковника в известность? Пусть он лучше все узнает от генерала Морозова. А

заодно просветится на предмет новых матерных слов. Это ведь так поучительно — узнать, как и сколько раз ишаки с шакалами могут иметь меня и моих родственников. Как ты считаешь?

— Егорыч, послушай...

— ЕГОРЫЧ? — взревел начальник РОВД. — КАКОЙ Я НАХРЕН ТЕБЕ ЕГОРЫЧ! ДЛЯ ТЕБЯ ВСЕГДА БЫЛ И БУДУ ПОЛКОВНИКОМ БУЛДАКОВЫМ! ДА Я ТЕБЯ...

Дальше Бестужев уже не слушал. Он понимал, что бурю надо просто переждать. Спорить и возражать бесполезно. По опыту капитан знал, что больше чем на десять минут Булдакова не хватит. И действительно, прошло минут семь-восемь, и словарный запас полковника начал иссякать, потом утих напор, цвет лица стал приобретать более здоровый оттенок.

— Полковник Булдаков, — усмехаясь, начал Бестужев, — разрешить доложить.

— Все, отставить субординацию, отпустило уже, — проворчал шеф. — Садись давай, — он указал на стул. — Докладывать тебе нечего, всю оперативную информацию я уже и без тебя знаю. Ты со мной своими мыслям и идеями поделись. А то черт знает что происходит в нашем городе. Дичь какая-то, блин. Сезон охоты на бандитов всех мастей открыт. И все это безобразия, главное, происходит в моем районе. Ну как так-то?

Бестужев честно поделился ходом своих мыслей. И задал полковнику те же самые вопросы, что задавал и себе по дороге в РОВД. Как и ожидалось, ответов на них у Булдакова не было.

— И что делать дальше? — почти жалобно спросил Булдаков.

— Копать, Егорыч, копать не жалея сил.

— Ну ты, главное, себе могилу не выкопай, — проворчал шеф. — Ладно, иди работай. И сразу же докладывай обо всем, что там у тебя происходит. Не хочу новости от генерала получать.

Бестужев спустился к себе в кабинет. Перед самой дверью завибрировал телефон. Капитан посмотрел на экран и встал как вкопанный. Это была смс от Леры. Черт, а ведь за работой он о ней почти совсем не вспоминал. А пришло сообщение — и спрятанная где-то глубоко внутри ноющая боль заскребла с новой силой. Бестужев открыл сообщение: “Привет. Надеюсь, у тебя все хорошо, а то несколько раз не могла до тебя дозвониться. Надеюсь, замки еще не сменил? Я забегу сегодня домой, забыла кое-какие вещички. Чмоки”. И в конце — глупый смайлик.

“Забегу домой” — а ведь она до сих пор воспринимает их квартиру как собственный дом. Почему-то от этого “домой” было особенно больно. Бестужев раз за разом перечитывал смску. Надо что-то ответить. Пальцы сами набрали “Прости меня за все и возвращайся”. Капитан быстро стер текст. “Конечно, заходи и помни, что здесь тебе всегда рады” — тоже в корзину. В итоге Лере полетел третий вариант: лаконичное “ОК”. На большее он пока был не способен...

В кабинете Олег с Ингой громко спорили. Увидев шефа, оба бросились к нему и, перебивая друг друга, пытались до него докричаться. Бестужев приказал себе забыть о Лере и попытался успокоить подчиненных.

— Что за шум, а драки нет? — перекрикивая спорщиков, он развел их по обе стороны от себя. Развести получилось, утихомирить нет. Пришлось рявкнуть: — МОЛЧАТЬ!!!

Это действие возымело.

— Инга, давай ты. Четко и по существу: что тут происходит?

— Шеф, мы обсуждали ваш вчерашний визит в БАР, — она сделала ударение на последнем слове, метнула взгляд на Олега и быстро продолжила, — и в процессе разговора мы заспорили о разнице между баром и пабом. Сей низкоинтеллектуальный лейтенант считает, что это одно и то же, я же утверждаю, что разница имеется, и разница существенная. Мы ждем вашего вердикта.

— Лучше бы делом занялись, — проворчал Бестужев. — Ладно, чтобы поставить все точки над “i”, скажу, что права Инга. Подробности нужны?

— А как же, — не унимался Олег. — Прошу предоставить соответствующие аргументы.

— Хорошо. Для понимания: буквально слово “бар” означает некую длиннющую плоскую поверхность, которая отделяет самого бармена от многочисленных посетителей. То есть этот прилавок служит своеобразным БАРьером. Первые бары появились в кафешках за океаном. Ну а потом так стали называть не только длинную стойку, но и все заведение.

— Кафешки? — удивилась Инга.

— Ну это я утрирую, конечно. Барные стойки появились еще на Диком Западе довольно давно. Ну вы же все видели в вестернах салуны, где бармены разливали виски и ловкими движениями заставляли стопки скользить по длинному прилавку.

— А потом приходил злой парень, перехватывал виски, выпивал, и все заканчивалось дуэлью на револьверах.

— Ну как-то так. Кстати, впоследствии появилось еще одно понятие “задний бар” — это полка позади бармена, уставленная бутылками с алкоголем и бокалами. Это обязательные декорации уже гангстерских американских фильмов.

Ну а в свое время на Британских островах появились так называемые “пабы”. Это сокращенное название от словосочетания “public house”. Причем это не тот публичный дом, о котором вы подумали. Самый близкий перевод “публичный ресторан”. Это место, где можно было не только выпить, но и закусить. При этом внутри паба вполне мог быть и бар, то есть барная стойка или полка с бутылками.

— Запутался, — честно признался Олег.

— Раз не разобрался, не стоит выносить свои знания на всеобщее обозрение. Ведь вполне возможно, владельцы того или иного заведения могут обидеться на то, что ты называешь их место пабом, несмотря на то, что это бар, и наоборот.

— Шеф, — через паузу спросила Инга. — Так вы вчера ходили в бар или в паб?

— А вы, на основании вышесказанного, сами определить не можете?

— Могу, это был паб, — выпалил Олег. — Он же ирландский, соответственно, из Великобритании. Значит паб.

— Ну уж нет, — завизжала Инга, — там есть барная стойка, там продают любой алкоголь. Значит это бар.

Бестужев закатил глаза. Из этого безумного круговорота его вытащил телефонный звонок. Это был Стрельцов. Пора было возвращаться к делу.

— Серафимыч, приветствую. Что там у тебя?

— Саша, я готов пообщаться по поводу нашего итальянского синьора. Уделишь мне минут пятнадцать своего драгоценного времени? — и, не дожидаясь ответа, доктор начал доклад. — Смотри...

Бестужев посмотрел в сторону спорящих Олега с Ингой и, вставая, прервал Стрельцова:

— Не надо по телефону, через полчаса буду у тебя.

В “пещере” Стрельцова со вчерашнего дня ничего не изменилось. Вот только вместо

сальвадорского муравья на металлическом столе лежал итальянец Луиджи Гуэрра. Скальп был снят, грудина раскрыта, внутренние органы, взвешенные, лежали в сторонке — все, как по учебнику.

— Ну что скажешь, Серафимыч?

— Скажу, что моя интуиция меня в очередной раз не подвела, — удовлетворенно сообщил доктор. — Причина смерти синьора Гуэрры аналогична предыдущему инциденту. Иными словами, оба пациента скончались от потери крови. Как и в предыдущем случае нашего итальянца прибили к кресту, а потом выкачали кровь. К месту установления креста наш пациент прибыл уже мертвым.

— Что скажешь о теле?

— Скажу, что, в отличие от ведущего спортивный образ жизни сальвадорца, синьор Гуэрра любил брать от жизни если не все, то многое. Внутренние органы показывают, что спиртным побаловаться он был не дурак, регулярно курил, правда, не дешевый табак. Хотя в целом состояние органов соответствует реальному возрасту синьора Гуэрры — конец шестого десятка. Могу добавить, что он регулярно ходил на массаж, любил всевозможные косметические процедуры. В общем, ухоженный такой синьор, на себе не экономил.

— Что еще?

— Да в целом, ничем не примечательный товарищ. Если не принимать в расчет, от чего он умер, я бы и внимания на него не обратил. Милый такой старичок. Даже не верится, что мировые революции и убийства политиков — дела его рук.

— А ты откуда об этом знаешь? — удивился Бестужев. — Это же закрытая информация.

— Эх, ты, Саша, сколько лет работаем вместе, а ты так до сих пор и не понял — под моим ножом все тайны раскрываются.

— Ох, витиевато баешь, Серафимыч. Кто же тебе информацию сливает? Надо бы разобраться.

— Ты, Саша, не бузи, я тебе еще не все рассказал, — поспешил свернуть со скользкой темы Стрельцов. — Как и у предыдущей жертвы, на теле синьора Гуэрры имеется ряд татуировочек. В целом ничего серьезного, в основном, популярные среди итальянцев голые тети, клинки-пистолеты. Но на два момента тебе явно стоит обратить внимание.

Бестужев подошел ближе.

— Смотри: на плече изображен меч. Ничего не напоминает?

Тату меча было идеальным: от гарды до самого острия. Татуировка была длинной — изображение шло от плеча до самой кисти.

— Это такой же шедевр, как и лук со стрелами у Ганадора, — сказал Бестужев.

— Вот-вот. Я бы даже рискнул предположить, что их набивал один мастер.

— Серафимыч, даже если это совпадение, то это очень странное совпадение. Моя жизненная практика советует держаться подальше от таких.

— Это, Саша, еще не самое странное, что ты сегодня от меня услышишь. Смотри-ка сюда, — Стрельцов поднял ногу трупа вверх. По внутренней стороне бедра вилась готическая надпись “advocatus Te,”. — Тату, как у Ганадора, совсем свежее. Обрати внимание, что надпись начинается с маленькой буквы, будто бы продолжает предложение. А после нее, также как у сальвадорца, стоит запятая, а не точка.

— Значит, у наших жертв общего несколько больше, чем мы думали, — сказал Бестужев.

Возражений у Стрельцова не нашлось.

— Надписи сделаны в разных стилях, но очень похожи друг на друга. “Vocamus Те,” — у Ганадора, “advocamus Те,” — у Гуэрры.

— Так-так, а это уже по-настоящему интересно. Может, это подпись нашего убийцы? — предположил Бестужев.

— Все может быть, — усмехнулся Стрельцов. — Я так и вижу заголовки газет: “Убийца-татуировщик”. Или так: “Убийца оставил подпись на теле своей жертвы чернилами”.

— Серафимыч, заканчивай, я тебя прошу. Давай лучше, наконец, переведем, что написано.

Он открыл интернет на телефоне и загрузил онлайн-переводчик. Но латинского языка в предложенных для перевода не оказалось.

— Вбей просто в Яндекс, — посоветовал доктор. — Причем обе фразы сразу.

Бестужев так и сделал. Немного задумавшись, страница загрузилась. Перевод звучал несколько зловеще: “Взываем к Тебе, призываем Тебя,”.

— Бесовщина какая-то, — почему-то перешел на шепот Стрельцов.

Вот теперь и у Бестужева не нашлось, что ответить.

— Вот что меня, Саша, тревожит, — все так же тихо продолжил доктор. — После обеих фраз стоят запятые, а значит...

— А значит предложение не закончено, и нам стоит ждать новых трупов, — резюмировал Бестужев.

— Очень бы я хотел ошибаться, но моя интуиция... ты же знаешь, — развел руками Стрельцов. Он вытащил из кармана халата сигареты и закурил.

— И сколько фраз в этом предложении может быть? — в упор спросил доктора Бестужев.

— А это, Саша, не моя работа. Но если это какая-то известная фраза, я бы на твоём месте озадачил бы Ингу, у нее наверняка есть знакомые среди этих безбожников.

— С чего бы это? — искренне удивился капитан.

— Ну смотри. Инга — представитель сексуальных меньшинств, так?

— Так.

— А сатанисты — кто?

— Кто?

— Представители религиозных меньшинств. А как известно, меньшинства часто кучкуются вместе, — Стрельцов назидательно поднял палец вверх.

— Да что ж вы все сегодня сговорились что ли? — взорвался Бестужев. — Мало вам проблем, еще и меня довести хотите до белого каления.

— Ну знаешь, Саша, — рассердился доктор, — я ж помочь пытаюсь. Вечно вам не угодишь.

— Занимайся лучше своими трупами, Серафимыч, а построение умозаключений оставь оперативникам, — капитан отдал честь Стрельцову и вышел на улицу.

Как бы то ни было, доктор был прав в одном — Ингу стоит подключить к поиску полной фразы и пониманию, что она может означать. Он послал фото татуировок помощнице по вайберу. Не успел он убрать телефон в карман, как раздался звонок. Номер был неизвестный.

— Бестужев на проводе.

— Какая у вас, оказывается благородная фамилия, капитан. Как продвигается

расследование?

Бестужев не хотел себе признаваться, но он обрадовался, услышав этот голос.

— Вера? Как вы узнали мой телефон?

— О, если гора не идет к Магомету, то... я сама пришла к вам. Или, если быть точной, пока собираюсь придти. Один известный портал заказал мне материал про это расследование. И я бы хотела воспользоваться нашим мимолетным знакомством, чтобы попытаться выведать у вас подробности. Желательно эксклюзивные, — Вера откровенно кокетничала с капитаном. Что ж, он был готов принять участие в этой игре.

— Вы же знаете, что любая информация является служебной тайной, поэтому я не могу ее разглашать.

— Ни при каких условиях? — удивление Инги было столь наигранным, что Бестужев невольно улыбнулся.

— Ну вы же знаете, какая слава идет о российских полицейских. К сожалению, зарплаты маленькие, а люди мы, не лишены любви к роскоши и порокам...

— Вы хотите, чтобы я дала вам взятку?

— Ну что вы, Вера, ни в коем случае. Как вам вообще такое могло в голову придти? Я хочу от вас кое-что другое.

— О Боже, как вы подумали, я женщина хоть и одинокая, но разборчивая, — Бестужеву показалось, что Вера еле сдерживается, чтобы не захохотать.

— Вера, ход ваших мыслей определенно интересен, но я хотел предложить вам отужинать сегодня со мною. Другими словами, я приглашаю вас сегодня в ресторан “Блэквуд” на Большой Нижегородской. Часиков, скажем, в восемь вечера. К семи могу за вами подъехать.

— Не стоит так утруждать себя, я женщина современная, в каретах и ландо не нуждаюсь. Доберусь сама.

— Тогда до вечера.

— До вечера.

Бестужев дал отбой. Неожиданно для себя он обнаружил, что сердце сильно колотится. Что с ним? Его так сильно взволновала женщина, с которой он знаком менее часа? Разве такое может быть? Он что — влюбился, черт возьми? Но Лера ушла от него совсем недавно... Лера... Мысли о ней вернули Бестужева в норму.

Он позвонил в “Блэквуд” и забронировал столик на двоих. Затем сел в машину и поехал в отдел. Все оставшееся до вечера время они обсуждали детали дела. Инга пока не продвинулась в поисках фразы сатанистов. Не то, чтобы она ничего не нашла, наоборот — вариантов было слишком много. Но она “сконнектилась с челом из подземного нета”, тот водил знакомство с членами вашингтонского “Общества Асмодеуса”, может, что и выяснит.

Олег также тщетно просматривал все имеющиеся в распоряжении записи с уличных камер наблюдения. И белый Range Rover, и красная Toyota мелькали, но разглядеть водителя не представлялось возможным.

Везде оперативники упирались в тупик. Но опускать руки было не в привычках отдела Q. Расследование только набирало свои обороты.

К вечеру мысли о деле сами собой отошли на второй план. Бестужева ждал ужин с Верой.

Глава 9. Вера о вере

Плюс маленьких и относительно небольших городков заключается в том, что не надо никуда спешить, не надо бояться, что опоздаешь на важную встречу или свидание. Владимир легко можно пересечь из одного конца в другой за полчаса на автомобиле. Максимум минут за сорок пять, если попал в час пик.

Поэтому Бестужев даже с учетом прогулочного шага подошел к ресторану на пятнадцать минут раньше назначенного срока. Впрочем, опаздывать — прерогатива слабого пола. И своим правом Вера воспользовалась сполна. Бестужев уже подумывал перезвонить ей, может быть, она решила отказаться от ужина. Но нет, в половине девятого журналистка вошла в двери “Блэквуда”, и Бестужев онемел от восхищения — Вера была сногшибательна.

Плотно облегающее черное платье до колен и красные туфли на шпильке средней длины подчеркивали ее стройные ноги и элегантную фигуру. Еще с первой встречи Бестужев понял, что Вере точно больше тридцати, но выглядела она на зависть многим двадцатилетним. Волосы были уложены в замысловатую, но идущую Вере прическу, минимум макияжа на лице. Выделялись лишь ярко-красные губы, прекрасно гармонирующие с туфлями.

Сам Бестужев на свидания не ходил уже много лет, поэтому ему даже в голову не пришло заехать домой — надеть свежую рубашку. Он критически осмотрел свой облик в зеркале и скривился: джинсы, рубашка и кроссовки явно диссонировали с образом Веры. Но что-то менять было уже поздно. Ладно, подумал он, возьмем обаянием.

Капитан поднялся навстречу:

— Вера, добрый вечер. Вам нужно быть осторожной — своей красотой вы можете ослепить всех присутствующих здесь мужчин. И наше свидание превратится в еще одно расследование.

Вера подошла к Бестужеву так близко, как этого позволяли приличия.

— Капитан, — резко сказала она. — Давайте мы сразу кое-что разъясним друг для друга. Во-первых, мне уже почти сорок лет, и все эти словесные прелюдии мне давным-давно не интересны. Во-вторых, будем называть друг друга на “ты”. Все же мы видимся уже во второй раз, и для двадцать первого бескультурного века все этикетки соблюли. И в-третьих, принимая во внимание твою великолепную дворянскую фамилию, я буду звать тебя преимущественно “Бестужевым”. Если тебя что-то во всем этом не устраивает, я могу тотчас же развернуться и перенести процесс поглощения ужина в свою семиметровую кухню.

Бестужев открыл рот, попытался сначала возразить, потом как-то искрометно согласиться, но выдал из себя лишь:

— Да без проблем, я привык, меня все так называют.

Положение спас подошедший официант, который сопровождал пару за из столик. Он раздал им по меню и оставил, дав время на выбор блюд. Бестужев любил ходить по заведениям, но эти походы чаще носили характер дружественной пьянки — не важно было это с Лерой, или с Олегом, или компанией одноклассников, время от времени заезжавших в гости. Но чтобы вот так — один на один с дамой, которую он откровенно начинал побаиваться... Ох, давно это было. Но Бестужев — не Кутузов — и отступить был не намерен.

Он решительно взял в руки меню решив, что самый проверенный путь — начать с

напитков. Свидание это или не свидание, а выпить бутылочку испанского красного вина еще никогда погоды не портило.

— Вера, какое вино вы предпочитаете?

— Смотри, что мы будем есть: мясо или рыбу, тяжелые салатики или легкие брускетки? — улыбнулась она. — Впрочем, Бестужев, не напрягайся, сегодня у меня другое настроение. Все же мы находимся в английском ресторане, так что вдарим по пиву. Тем более, что здесь его наливают в непривычных для нас объемах — английских пинтах.

— А это сколько?

— 568 миллилитров.

— Интересно, как здесь отмеряют именно это количество, — улыбнулся Бестужев.

— Ну вот, ты уже улыбаешься. Значит мы движемся в верном направлении.

Решено было остановиться на светлом эле. К нему заказали легкие рыбные и мясные закуски. На горячее Бестужев взял “горский шашлык”, а Вера — “рождественскую индейку”.

— Ну что ж, с прелюдиями совсем покончено, время делиться секретами, — сказала она, сделав внушительный плоток эля. Кружка в ее руках, хоть и фирменная, совсем не вязалась с образом вечерней дамы, но, кажется, Веру это совсем не заботило. Бестужев чувствовал, что она была каким-то особенным существом, живущим своей, непохожей ни на одну другую, жизнью. Рядом с ней капитану было одновременно интересно и страшно: Вера была загадкой, которую хотелось разгадать, но при этом имела все признаки женщины-вамп, от которых чаще всего в жизни возникали одни неприятности.

Он видел ее всего лишь второй раз в жизни, но чувствовал, что может доверять ей. В принципе, в людях Бестужев разбирался неплохо, и своему чутью доверять привык. Именно поэтому, еще по пути в ресторан, он решил поделиться с ней деталями расследования. Упуская жуткие подробности, он рассказал о Ндрангете и MS-13, статусах Пабло Ганадора и Луиджи Гуэрры в этих группировках, разговорах со страшным Санчесом и бородатым барменом.

— Какая странная фамилия у Луиджи, — удивилась Вера. — Неудивительно, что ее обладатель разрушал города и страны.

— А что в ней странного?

— А ты не понял? Видимо, знатоки итальянского языка в нашей полиции отсутствуют.

— Вера, не тяни.

— Guerra по-итальянски означает “война”.

— Странно. У первой жертвы фамилия тоже была говорящая. Означала “победитель”...

— Это может быть некоей связью между жертвами?

— Может. У меня такое чувство, что этих связей, ниточек мы нащупали уже достаточно, но ни за одну потянуть не смогли.

Закончил Бестужев свой рассказ татуировками, найденными на теле жертв. Подчеркнул фразы *Взываем к Тебе* и *призываем Тебя*.

— Складывается впечатление, что это одна незаконченная фраза и что на следующей жертве — или жертвах — мы найдем продолжение.

— То есть ты думаешь, что речь идет о каком-то сатанинском обряде? — задумчиво спросила Вера. — По сути мы имеем все признаки: человеческие жертвоприношения, места силы, ритуальные татуировки. Думаешь, кто-то хочет вызвать дьявола или беса в наш мир?

— Вера, не говори об этом так серьезно. Дьяволы и бесы существуют только в воспаленном мозгу нашего Мистера Х. Это мы пока что его так за глаза называем в

отделе, — ответил Бестужев на немой вопрос. — Наш убийца — определенно, извращенец. Может быть возомнил себя новым Мессией или Пророком, а, может быть, слугой Сатаны. Да что угодно может быть. Ему ж в голову не залезешь.

— Ну по крайней мере это объясняет, почему площадкой для своих убийств выбрана именно Россия и конкретно Владимир.

— Если говорить конкретнее?

— Потому что Россия сегодня — одна из самых верующих стран в мире.

— Да перестань, сейчас по всему миру наблюдается упадок религий — и христианской в первую очередь, — высказался Бестужев.

— По всему миру, возможно, так и есть, — парировала Вера, — но не в России. Оглянись вокруг: храмы растут быстрее, чем новостройки, РПЦ ежемесячно “отжимает” древние памятники архитектуры, олигархи всех мастей, как в средние века, исправно платят “десятину”. Только теперь это называется пожертвованием. Так что у нас наоборот — этакий религиозный бум.

Ну а что касается Владимира, то здесь тоже все очевидно. Древняя намоленная земля, концентрация храмов на квадратный метр зашкаливает. Плюс, как я тебе уже рассказывала, древняя магическая пентаграмма, построенная Андреем Боголюбским. Да это идеальный город для разгула сатанистов.

Бестужев ошарашенно смотрел на нее. Если верить Вере, им тут еще повезло, что кто-нибудь раньше не развязал религиозную войну. Нет, так просто сдаваться он был не готов.

— Послушай, как ты сегодня метко заметила, мы живем в двадцать первом веке. Бездушном, аморальном, беспринципном. То есть отсутствуют все догмы, на которых строится религия. Атеизм — и тот уже не в чести. Люди просто не думают о Боге и Сатане. Они думают о ценах на бензин, как оградить детей от наркотиков, мечтают об отдыхе на море и смерти своего соседа снизу. Мы обсуждаем что угодно, но только не религию. О ней мы вспоминаем в минуты беды и тут же забываем, когда беда обходит дом стороной. Жизнь среднестатистического владимирца, к сожалению, на самом деле состоит между пивом и водкой. Ты ведь знаешь эту теорию?

— Нет, расскажи, — Вера была по-настоящему заинтригована.

— Все люди делятся на несколько категорий. Есть те, кому достаточно выпить пива, и на большее они не претендуют. Есть те, кто после пива возьмет водочки. Но если вовремя не остановится, то обязательно упадет. А есть те, кто наоборот, выпитую водочку шлифует пивком, а после куражатся по жизни. Биографию современных господ, у которых, по их мнению, жизнь удалась, очень легко описать: начинали путь с легкого светлого пива и заканчивают путь легким светлым пивом, но уже после литра абсента.

— А как насчет тех, кто вообще не пьет?

— Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет, как говорили в моем детстве. В моей теории эти “странненькие” вообще в жизни не участвуют. Так, влачат жалкое существование. У них отсутствует выбор. Или право выбора.

— И вот здесь, Бестужев, я с тобой не согласна. Вот я — однозначно “странненькая”. Только я, скорее, не трезвенница, а наоборот — запойная пьяница. Я хлещу одновременно и пиво, и водку, и абсент, и останавливаться не собираюсь, что бы эти метафоры в твоей теории не олицетворяли. И у меня безграничный выбор. Во всем. Вот, например, именно мне решать сегодня, с кем провести эту ночь. И, как бы ты сильно не хотел меня, без моего согласия ничего не будет, — она хищно улыбнулась.

— Ты врешь, — просто сказал Бестужев. — Это не может быть правдой хотя бы потому, что я тебе доверяю.

— Поясни.

— Ты понимаешь, в силу своей генетической русской философии я не доверяю двум типам людей. И, заметь, таких, как я, очень много.

— И кому же?

— Я не верю мужчинам, которые совсем не пьют. А также женщинам, которые не хотят секса.

— То есть по версии Бестужева, все мужики должны быть алкашами, а женщины — шлюхами?

— Из твоих уст это звучит как-то некрасиво, — скривился капитан. — Но суть ты уловила правильно.

— Суть, Бестужев, как известно, в подъезде. А если вернуться к сути нашего с тобой спора — ты не прав.

Эта странная верина манера общения несколько не раздражала капитана. Наоборот — ему нравились эти словесные качели. Только что она высоким слогом рассуждала о роли религии в современном обществе, а спустя мгновение — переходила на панибратский сленг, больше присущий давним корешам.

— Это почему же? — продолжил он их словесную баталию.

— Потому что каждый человек, неважно какого он гендера, всегда имеет право выбора: пить или не пить, и что пить. С кем спать. Или не спать. Сколько раз и в какой позе. Пойми, Бестужев, возможность выбора — это и есть вложенная в нас частица Бога, которая и делает нас людьми. Эта простая истина, которую многие, и ты в том числе, не готовы или не хотят принять. Пойми: ты можешь не уважать или даже презирать чей-то выбор. Но ты не имеешь права отказывать в нем другому человеку.

— Неправда, имею. Если человек выбирает убийства, грабежи, насилие, то я, как мент, сделаю все возможное, чтобы его поймать и наказать. Читай: лишить его выбора.

— Наказать — да. Твоя миссия — спроецировать людские законы на выбор того или иного человека. И если параметры не сошлись, ты выступаешь в роли судьи для данного индивида. Но даже в этом случае, Бестужев, ты уже не сможешь отказать человеку в его выборе — он его уже сделал. А дальше — важен лишь его диалог с Богом: упавшая душа может вознестись через покаяние или упасть еще ниже, в объятия падших ангелов. И это — самый главный выбор в жизни любого человека. И какое бы страшное наказание ты не придумал за его земные прегрешения, оно ни коим образом не повлияет на его главный выбор.

Но ты прав в одном, я солгала. Про секс с тобой. Если ты ничего не испортишь в ближайшие час-два, я с удовольствием предамся с тобой разврату.

Вера замолчала, глядя Бестужеву прямо в глаза. В этот момент он готов был взять ее прямо здесь, на столе. Сгрести на пол кружки, тарелки, скатерть, сорвать с нее это черное платье и любить ее со всей страстью, на которую я был способен.

Она увидела блеск в его глазах и все поняла.

— Наверное, на сегодня хватит сальвадорских татуировок и итальянских войн. Предлагаю попросить счет и поехать к тебе.

Дальше все было как во сне. В каком-то нереальном сладком сне. Были оплата по счету и чаевые официанту, первые жаркие поцелуи в такси и раздевание в лифте. Пока пальцы

одной руки Бестужева на ощупь открывали входную дверь, пальцы другой боролись с застёжкой бюстгальтера.

От одежды они избавились еще до того, как добрались до кровати. Первый акт был бурным, местами жестоким. Они кусались и царапались, словно животные, доказывающие друг другу главенство в этом прайде. Но боли они не замечали, только наслаждение и страсть, сжигающие их общим огнем.

Немного отдышавшись, любовники перебрались на кровать и продолжили обмениваться жаром своих тел. И только к середине ночи, раскрасневшиеся, мокрые, они обессилено лежали и рассматривали потолок, где луна с помощью занавесок нарисовала причудливый узор. Вера водила пальцем по волосатой груди Бестужева и, кажется, что-то напевала. Он не вслушивался, сейчас он просто жил. Так хорошо ему не было давно.

Вера повернулась на бок и, зарываясь, спрятала лицо в его шею. Черт! Ему показалось, или она действительно замурлыкала?

— Что ты делаешь?

— Прячусь в этом счастье. Мне очень хорошо, прямо сейчас — до дрожи хорошо. И я просто хочу побыть в этом моменте.

Так и уснули.

Наутро Бестужеву было стыдно. За себя. И перед собой. Ему казалось, что этой ночью он предал Леру. Но спроси его сейчас, повторил бы он эту ночь снова, он, не задумываясь ответил бы — “да”, тысячу раз “да”.

Эти сомнения не давали сосредоточиться, а нужно было идти искать убийц. Как и в случае со своей бывшей (вот он и привык к этому слову), капитан решил спрятаться от всех проблем на работе.

Веру он решил не будить — оставил на прикроватной тумбочке записку: “Спасибо за ночь. Все, что отыщется в холодильнике, принадлежит тебе. Уходя, просто захлопни дверь. Но можешь и не уходить”. Последнее предложение он дописал после некоторых сомнений.

На работу он пришел в невероятно приподнятом настроении. Проницательная Инга сразу расколола своего шефа:

— Да у кого-то ночью был секс!

— Саня, ты помирился с Лерой? — это уже Олег из своего угла.

— Так, личная жизнь вашего начальника является исключительно личной жизнью вашего начальника. Поэтому отставить досужие домыслы и вернуться к работе. Что у нас нового?

С новым было напряженно. Инга по-прежнему ждала информации от своего виртуального сатаниста, а Олег изучал информацию, полученную после исследования двух участвующих в деле машин. К сожалению, обе взяты в аренду, соответственно, имели до сотни разных отпечатков пальцев и следов ДНК. Найти в этой куче те самые, нужные, было не легче, чем отыскать иголку в стоге сена. Но Олег не терял оптимизма.

На столе Бестужева зазвонил внутренний телефон.

— Булдаков, — определил он издали, подошел, снял трубку: — Слушаю, Егорыч, а я только хотел...

— Капитан Бестужев, — не своим, каким-то каменным голосом ответил Булдаков. — Прошу прибыть ко мне в кабинет. Немедленно.

— Слушаюсь, товарищ полковник!

То, что Булдаков перешел на официальный тон, было плохим признаком. Скорее всего,

в кабинете, помимо полковника, был кто-то еще. Причем тот, при ком нельзя говорить прямо. Неужели генерал Морозов из Москвы примчался? Или кто-то из власти в гости нагрязнул? Ох, не вовремя вы все. Сейчас начнут проверками мучить, когда уж тут расследованием заниматься.

Эти невеселые мысли Бестужев прогнал прочь, как только взялся за ручку двери. Выдохнув, он постучался, дождался положенного “Входите” и переступил порог.

— Капитан Бестужев по вашему приказанию прибыл, — и вытянулся во фрунт, как еще в армии учили. Краем глаза он обнаружил развалившегося в кресле пухленького человека в штатском. Он был одет в модный светлый костюм, на шее был повязан франтоватый леопардовый шарф.

— Ну хватит, коллеги, ну что вы в самом деле, — голос гостя показался Бестужеву неприятным: высоковатый для мужчины с каким-то легким неугадываемым акцентом. — О подвигах господина Бестужева известно далеко за пределами вашего города, и мы в Москве тщательно следим за карьерами таких самородков от сыска. Да и вам лишний раз, Владимир Егорович, спасибо сказать не зазорно. Это же вы открыли миру талант Бестужева. И ведь не загубили, не зарыли.

Капитан судорожно перебирал в уме варианты, кем мог быть этот незванный гость из Москвы? Начальство, ФСБ, Следственный комитет, администрация президента... Правильным мог быть любой ответ.

— Вижу-вижу, что пытаетесь применить свои способности на моей скромной персоне, — гость выскочил из кресла и резво подошел к Бестужеву. Он был на две головы ниже капитана, поэтому смотрел на него снизу вверх. — Я облегчу вам вашу работу. Надеюсь, что в будущем вы сумеете отплатить мне той же монетой, — гость хихикнул, а затем продолжил: — Меня зовут Лозелло Парисович Хачериди. Да-да, мои родители не любили обычных имен, поэтому мне от них досталось... Я представляю Федеральную службу безопасности.

Ага, подумал Бестужев, все-таки ФСБ. Что ж, не ты первый к нам заявляешься жизни портить, не ты последний. Поглядим, кто кого.

— Секретный отдел Федеральной службы безопасности, — поправился Хачериди. — Поэтому, сами понимаете, не могу раскрывать ни должности, ни звания. Но уверяю вас, милый мой Бестужев, полковник Булдаков получил указания о полном содействии моей скромной персоне от своего самого высокого начальства.

Бестужев посмотрел на полковника — тот грустно кивнул.

— Я думаю, вы догадываетесь, зачем меня прислали к вам? Правильно, чтобы помочь в расследовании. Поверьте, у меня огромный опыт в таких запутанных делах. Так что предлагаю времени не терять. Поступим так: вы сейчас вернетесь к своим товарищам и подготовите для меня доклад по обоим убийствам. И постарайтесь не упустить ни единой мелочи. Идет?

А то у меня есть выбор, подумал Бестужев. Но вслух сказал:

— Так точно, товарищ в секретном звании из секретного отдела Федеральной службы безопасности. Хачериди.

— БЕСТУЖЕВ! — вскинулся Булдаков.

— Ничего-ничего, — примиряюще вскинул руки Хачериди. — Коллеги, никаких ссор. Наоборот — мне очень увлекательно наблюдать знаменитый в определенный кругах отдел Q, так сказать, в действии. А юмор? А что юмор — он нам обязательно еще понадобится. Вы

свободны, капитан. Я буду у вас через час.

Бестужев вышел из кабинета. Настроение было паршивым. Но думать об этом было некогда — нужно подготовить своих бойцов к встрече с этой говорящей акулой.

По вибрации и характерному писку в кармане Бестужев понял, что пришла смс-ка. Она оказалась от Веры. Лаконично, но тепло: *“Спасибо за такую ночь. Думаю, мы еще пересечемся”*.

Бестужев закрыл глаза, он до сих пор ощущал на своем теле ее запах.

Телефон пискнул еще раз. Пришло новое сообщение. Бестужев посмотрел на экран: на этот раз это была Лера. *“У тебя что — была женщина? Да ты охренел?! Шучу, я за тебя рада. Думала, за тобой присматривать с месяц-другой придется, чтобы ты глупостей не наделал. А оказалось, что все ОК. Так что, Бестужев, окончательное чао. У каждого своя жизнь!”*

Глава 10. Хачериди

Рост метр шестьдесят пять, неприятная проплешина на голове, явный избыток веса — как такие люди достигают карьерных высот, Бестужев не понимал. Но то, что секретный агент (как его быстро окрестили в отделе Q) стоял на одной из вершин житейской пирамиды, было очевидным фактом. Об этом говорил хотя бы костюм, в котором Хачериди пришел на совещание. Нет-нет, это была уже не та светлая двойка, которую Бестужев видел с утра. За последний час агент ФСБ успел облачиться в голубую рубашку с золотыми запонками, синие брюки с подтяжками и синие же туфли. Из кармана рубашки щегольски выглядывал кончик леопардового носового платка.

Впрочем, Бестужев этот час тоже использовал с умом. Он четко проинструктировал коллег, как вести себя с агентом, свалившимся к ним, как снег на голову. Лишнего не болтать, а лучше вообще рот не раскрывать, если не попросят — все общение с Хачериди начальник отдела берет на себя. Вновь выявленные факты сначала доводятся до Бестужева, а уже он потом решает, говорить о них фсбэшнику или нет. Ну и все в таком духе. Они не в первый раз сталкивались с подобными субъектами из Москвы и прочих столиц, поэтому определенные неофициальные протоколы поведения были выработаны давно. Поэтому, когда Хачериди перешагнул порог кабинета (ровно через час после разговора с Бестужевым), Инга с Олегом даже не повернулись в его сторону. Словно первоклассники, они сидели за своими компьютерами и делали вид, что кроме работы их на этом свете не интересует вообще ничего.

Хачериди посмотрел на этот театр, неопределенно хмыкнул и начал прямо с порога.

— Итак, позвольте представиться, господа, — он посмотрел в сторону Инги и добавил: — и дама! Меня зовут Лозелло Парисович Хачериди. Если судить по моему имени, то я грек. Действительно, мой отец из греческих моряков, он пробороздил Черное море вдоль и поперек. Но внешне я не похож на чистокровного жителя этой южной страны. Дело в том, что моя мать русская — Софья Николаевна Куриленко. Когда мне было пять лет, отца арестовали за контрабанду. Мама решила развестись и увезла меня сначала в Крым, а потом к родителям, в Москву. Отца я больше никогда не видел и даже не слышал о нем. Поэтому я, наверное, больше русский, чем грек. Тем более, что прикипел к средней полосе России всей душой. И свой жизненный путь связал с защитой интересов моей второй Родины.

Впрочем, если смотреть по бабушкиным линиям, в моей крови есть примеси цыганской и еврейской национальностей. Так что среди друзей (а мы с вами обязательно должны стать друзьями) я люблю величать себя скромным званием “человек мира”.

С первых слов Бестужев понял, что речь эту Хачериди произносит уже далеко не в первый раз, она была хорошо отрепетирована и, наверняка, производила соответствующий эффект на слушателей. Но в этот раз грек не на тех попал. Впрочем, он и сам это быстро понял, когда пауза после его спича несколько затянулась, а Инга, громко лопнув пузырь от жвачки, повернулась обратно к монитору.

— Что ж, — немного обидевшись, продолжил грек, — мне осталось к своей биографии добавить немного. В данный момент я служу в Федеральной службе безопасности в довольно высоком звании. До конца операции буду ее возглавлять и являться вашим непосредственным начальником. Но это, я думаю, капитан уже до всех донес.

Бестужев кивнул.

— Теперь я умолкаю, устраиваюсь на вашем удобном диванчике, — он действительно плюхнулся на диван, — и готов внимательно выслушать каждого из вас. Что сделано, что делается прямо сейчас и какие шаги отдел собирается предпринять в будущем, чтобы раскрыть наконец эти страшные убийства.

Первым, как и полагается, слово взял Бестужев. Он четко, оперируя лишь фактами, рассказал о событиях последних дней. Капитан детально описал места преступлений, результаты работы доктора Стрельцова, свидетельские показания и так далее. И только о Вере он не упомянул ни разу. Во-первых, он не хотел объясняться, по каким причинам он рассказал гражданскому лицу секретную информацию. А во-вторых, он просто не хотел говорить об этой прекрасной женщине с этим недогреком.

Хачериди ничего не сказал и просто повернулся к Инге. Она рассказала, что в данный момент анализирует данные, поступающие из Интерпола и от сальвадорских коллег. Необходимо обязательно обнаружить, что же связывает Пабло Ганадора и Луиджи Гуэрра. Правда, пора порадовать высокое начальство ей нечем. Общим на данный момент является лишь род занятий обеих жертв.

Грек все это время откровенно пялился на ингину грудь. И Бестужев мог поклясться, что дважды видел, как Хачериди плотоядно облизнулся. Правда, как только хакерша завершила свой рассказ, он тут же потерял к ней интерес и повернулся к Олегу. Тот, в свою очередь, поведал, что безуспешно воюет с записями с камер наблюдения, анализирует отчеты экспертов с мест преступлений, но кардинально нового к вышесказанному пока добавить не готов.

Резюмируя доклад отдела, слово снова взял Бестужев:

— Таким образом, основная версия, которую мы рассматриваем на данный момент — убийства на религиозной почве. Скорее всего, это дело рук сатанистов. А вот откуда они у нас тут взялись, нам и предстоит выяснить.

Хачериди задумался, пожевал губами, а потом резко вскочил:

— Иными словами, у нас практически ничего нет. И пару дней вы потратили впустую. Впрочем, кое-кто неплохо проводит время, посещая недешевые рестораны, — грек метнул взгляд в сторону Бестужева, и тот невольно покраснел. — Значится так. Олег, бросай камеры, с этой простой задачей справятся и лоботрясы-оперативники, коих тут полздания. А ты же берешь другой отряд и снова обходите окружающие места преступлений улицы и снимаете показания. И чтобы ни одна живая душа не осталась без внимания. Кто-нибудь что-нибудь да заметил обязательно, просто его об этом не спросили.

Инга, теперь ты. Я попрошу тебя, милочка, перестать бесцельно бить по клавишам клавиатуры, мне кажется, им уже больно. Давай-ка активизируй свои настоящие способности (да-да, я все про тебя знаю), взломай базу данных Интерпола и сальвадорской полиции. И вытащи оттуда ту информацию о наших жертвах, с которой по какой-то причине с нами забыли поделиться наши иностранные коллеги. Но только все делаем деликатно, не оставляя следов. А то мы до сих пор еще вмешательство в выборы США не разгребем. Говорил я, нужно не скупиться и нанимать более дорогих хакеров.

— Но я хакер не такого уровня, — попыталась сопротивляться Инга, но грек пресек ее возражения.

— Если сама не сможешь, то привлекай своих друзей, которые смогут, — Хачериди был безапелляционен.

Что касается Бестужева, то секретный агент пожелал все время держать его поблизости

и использовать как связующую нить между всеми звеньями расследования. Быть мальчиком на побегушках капитану, естественно, не нравилось, но в этом случае он мог оградить от излишнего внимания грека своих коллег. Что уже было благо.

И работа полетела. В течение трех следующих дней все спали мало, а трудились много. К слову, Хачериди получил неограниченную власть над владимирскими полицейскими. Практически весь личный состав он привлек к расследованию этого дела. Булдакову пришлось снимать людей с других дел, зато Олег получил солидное кадровое подкрепление.

С самого утра они обходили магазины и жилые дома, в основном, частные, которые раскинулись вокруг Золотых ворот и Никитской церкви. Вопросы, вопросы и еще раз вопросы... Не видели или не слышали чего-нибудь необычного? Например, человека с татуировками по всему лицу или криков о помощи? Или просто криков? Возможно, на нерусском языке. А машину вот такую белую или вот такую красную не видели? Жаль, ну что ж, мы пойдем дальше. Спасибо, что уделили нам время.

Инга добралась до досье обеих жертв. По сальвадорцу ничего нового не обнаружилось, наоборот, оказалось, что его коллега Санчес был с ними предельно откровенен. А вот по Луиджи Гуэрре имелись кое-какие детали. Так, например, имелась запись разговора одного из сотрудников Интерпола с безмянным осведомителем из близкого окружения La Santa. Он сообщал, что в последний месяц Луиджи был сам не свой. Стал ходить в церковь чуть ли не каждый день, проводил там очень много времени. Раньше за мафиозо этого не водилось. Конечно, он посещал храм по воскресеньям с семьей, а раз в месяц принимал причастие, ну ведь так вся Италия жила. А тут — зачастил, беседы с преподобным Франко вел часами.

К сожалению, к отцу Франко Пьемоджи, служившему интересам Ндрангеты, подобраться пока что не удалось, поэтому содержания бесед оставались тайной. Но тот же осведомитель как-то стал невольным свидетелем любопытного инцидента. Синьор Гуэрра с супругой выходили из церкви. Глава La Santa был очень возбужден, он что-то горячо высказывал жене. Вскоре из храма выбежал отец Франко и громко, на всю улицу, прокричал им вслед: “Луиджи, запомни, дьявол существует только в твоей голове. Не позволяй галлюцинациям управлять тобой”. Синьор Гуэрра ничего не ответил, сел в машину и уехал.

Вспоминая разговор с Санчесом, Бестужев обратил внимание грека на это совпадение. Получалось, что обе жертвы незадолго до смерти “видели” дьявола и, по всей видимости, сходили от этого с ума. Что это было? Случайность, совпадение? Или чей-то злой умысел? Может быть, на бандитах испытывали какой-то новый галлюциноген, а после просто замели следы в далекой и дикой России? Что-то уж слишком сложно получалось. Хачериди на это заметил следующее:

— Капитан, мне кажется, или вы сознательно все факты притягиваете к своей “сатанинской” теории? Вы ведь большой профессионал и вот так просто готовы отвергнуть версию о банальном маньяке? Пусть чрезвычайно хитром, сказочно сильным, но все же маньяке, коих в мировой истории было и будет, к сожалению, множество.

— Нет, Лозелло Парисович, — Бестужев быстро выучил имя-отчество грека и проблем не испытывал. Олегу с Ингой было тяжелее. — Я не отмечаю никаких версий. Но самая реалистичная из них на данный момент — это религиозное убийство.

— Бестужев, татуировки, сатанисты, кресты — все это чушь собачья. У нас по городу бегает маньяк, который выскивает иностранных туристов и прибывает их к деревянным распоркам. Вот как это выглядит на трезвую голову.

— Хорошо, я уже не спрашиваю — как, но зачем Мистер X выкачивает из жертв кровь?

Этот поступок явно носит ритуальный характер.

— А ты не думал, капитан, что этим он сознательно пускает нас по ложному следу? Дескать, ищите секту сатанистов, которых, по нашим данным во Владимире и не было никогда. И вот “ищут пожарные, ищет милиция” “парня какого-то лет двадцати”. А парень в это время спокойно бродит в поисках новой жертвы, на досуге выстругивая новый крестик.

Такие разговоры возникали постоянно. Споры позволяли разрядиться, но никакой практической ценности не несли.

За три дня все вымотались, а Олег вообще еле держался на ногах. И только грек излучал неисчерпаемый энтузиазм. Казалось, Хачериди одновременно был в нескольких местах. Только что он заглядывал Инге через плечо, пытаясь разобраться в хитросплетениях компьютерного кода, как тут же его видели выходящим из кабинета Булдакова. Еще через пять минут он спорил с Бестужевым, но, не закончив последней фразы, принимал звонок от группы, ответственной по камерам.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Все это время не сильно занятый Бестужев много думал о Вере. Они пару раз созванивались, болтали ни о чем. Вера казалась несколько рассеянной. На вопрос капитана, не заболела ли она, журналистка сказала, что полностью поглощена написанием новой статьи. Каждый разговор неизменно заканчивался вопросом Бестужева:

— Мы ведь еще увидимся?

— Обязательно, нам просто нужно для этого созреть, — отвечала Вера и отключалась.

Бестужев разрывался между желанием увидеться с Верой и служебным долгом вести расследование. Долг пока что побеждал. Но чем больше их гонял Хачериди, тем больше ему хотелось все бросить и сбежать к Вере хотя бы на одну ночь.

Все перевернул звонок от Олега. Задышающимся голосом он сообщил, что нашел свидетелей, хорошо разглядевших убийцу. Но они наотрез отказываются общаться с ним, а требуют самого главного.

— Ладно, — устало сказал Бестужев. — Будет им главный. Вечером доложишь о ситуации секретному агенту.

По вечерам Хачериди собирал итоговую летучку. Когда очередь дошла до Олега, он доложил о своей находке:

— Мы планомерно шли по Княгининской улице, опрашивая как жителей, так и работников магазинчиков, на ней расположенных. Так мы дошли до пересечения с улицей Ильича. Во дворе дома шесть “а” мы увидели на лавочке интересную парочку. Пока ребята ходили по квартирам, я поговорил с ними. Оказалось, что они любят гулять по Владимиру. В последние дни они изучали окрестности улицы Княгининской и сквера Гоголя. В том числе и по ночам. Гуляли они и в ночь второго убийства. Красный пикап, пронесшийся на большой скорости, чуть не сбил их. Они решили догнать машину и высказать свое “фи” негодяю за рулем.

— Высказать свое “фи”? — удивился Бестужев.

— Ох, шеф, именно так они и сказали.

— Все это очень интересно, лейтенант Веретенников, — перебил его Хачериди. — Но почему эта сладкая парочка не сидит сейчас перед нами и не отвечает на наши вопросы?

— Я уже говорил капитану, что со мной они дальше общаться отказались. Им очень хотелось увидеть человека, ведущего расследование, все-таки об убийствах уже весь город гудит. Ну я и пригласил их завтра для беседы, обещали придти в десять, — устало доложил

Олег. — Только они того... странные немного.

— То есть, — не понял Бестужев.

— Они называют себя этими... как их... — Олег достал из заднего кармана джинсов бумажку и прочитал по слогам: — Называют себя би-ней-дже-ра-ми.

Хачериди откровенно заржал:

— Да ладно, во Владимире и такие имеются? А ваш город нравится мне все больше и больше. Ладно, я вижу, что все устали, поэтому объявляю глобальный перекур. Всем отдыхать до завтра, с утра приходим без опозданий. Вопросы есть?

— Есть, — как в школе вытянул руку Олег.

— Слушаю.

— А кто такие бинейджеры?

— Тааак, за современными тенденциями следим мало, я погляжу. Ну что поделаешь — провинция... Инга, я попрошу тебя сделать к утренней летучке сжатую, но исчерпывающую информацию о бинейджерах. Как ты умеешь. А мы все с удовольствием послушаем. А кто-то и просветится. Всем спать!

Хачериди первым показал пример и покинул кабинет. Бестужев хотел было обсудить с коллегами, откуда грек так много знает о способностях Инги, но, глянув на усталые лица, решил отложить беседу до утра.

Выйдя на улицу и глотнув свежего воздуха, Бестужев хотел было позвонить Вере и даже вынул из кармана телефон. Но потом передумал. Напряжение последних дней слишком вымотало его. Организму нужен отдых. Перед домом он зашел в “Красное и белое” и взял пол-литровую бутылку коньяка. Дома выпил пару рюмок, закусил лимоном и пошел спать. Мозг больше не хотел думать ни об убийствах, ни о татуировках, ни о злобных греках.

А Хачериди в этот самый момент устало вошел в свой номер парк-отеля “Вознесенская слобода”. Не снимая обуви, подошел к бару, вынул бутылку виски и налил сразу полстакана. Залпом выпил, налил еще. Со стаканом в руке подошел к кровати, открыл лежащую на полу спортивную сумку, вытащил спутниковый телефон.

Грек сел на кровать и снова залпом выпил виски. Эти три дня дались ему не просто. Бестужев сотоварищи, словно энергетические вампиры, высасывали его энергию. Но такую роскошь как отдых он позволить себе не мог, ведь шеф требует результата. Вот закончим дело, тогда можно будет расслабиться. А пока “покой нам только снится”. Поэтому и дальше придется играть роль неутомимого терминатора.

Впрочем, пока все идет по разработанному плану. И все ключевые фигуры ведут себя так, как они с шефом и рассчитывали. Немного напрягает какая-то женщина, которая появилась рядом с Бестужевым, но до нее пока что никак не дойдут руки. Но ничего — придет и ее время.

Хачериди по опыту знал, что женщины только мешают. Им так шикарно удалась операция по ликвидации Леры из жизни капитана, удалось даже обойтись без несчастных случаев. Но наш любвеобильный мент, по всей видимости, не может долго без женской ласки. Ладно, сначала попытаемся убрать эту фигуру с доски своими силами. И шефу докладывать пока ничего не будем — незачем отвлекать по пустякам.

Грек посмотрел на часы. Пора. Он включил телефон и набрал длинный номер. Гудки пошли не сразу и продолжались довольно долго. Хачериди уже хотел было отключиться, как на том конце ответили:

— Я слушаю тебя, мой верный оруженосец.

— Докладываю, мессир, операция проходит точно по намеченному плану, без отставаний и опережений графика.

— Как наш субъект?

— Немного поубивался после ухода жены, но сейчас взял себя в руки и принялся за работу.

— Глубоко копает?

— Лучше, чем любой другой российский полицей, но не достаточно для того, чтобы реально приблизиться к отгадке. Ну а если и делает шаги в нужном направлении, я аккуратно возвращаю его на нужный нам путь.

— Я рад это слышать, мой верный оруженосец. Что у нас дальше по плану?

— Скоро, мессир, совсем скоро мы добавим работы нашему субъекту. Жертва номер три уже ищет, где забронировать машину, чтобы приехать в древний град.

— Ну что ж, хорошо. Следующий сеанс связи — после того, как закончите с третьим.

— Слушаюсь, мессир, — грек отключил связь. Все шло очень хорошо. Не сглазить бы, подумал он и трижды сплюнул через левое плечо.

Глава 11. Бинейджеры

Полноценно выспаться не удалось. Бестужев понял это в тот же миг, когда разлепил глаза под рокот будильника. Заставив замолчать советский артефакт, он с трудом сел на кровати. Время восемь. Хочешь — не хочешь, а нужно идти, Хачериди шкуру сдерет, если опоздаешь.

Завтраком Бестужев тоже пожертвовал, отдав это время благословенному душу. Стоя под бьющими струями воды, попеременно меняя градус, капитан испытывал настоящее блаженство. Более-менее приведя себя в порядок, Бестужев быстро оделся, на ходу схватил пакет с мусором. С удивлением обнаружил там пустую бутылку из-под коньяка. Странно, он же вчера только пригубил... Опять провалы в памяти? Впрочем, времени на рассуждения уже не оставалось.

Через пятнадцать минут, прыгая через две ступеньки, он поднимался в отдел. Все уже были на месте. Инга и Олег, судя по лицам, тоже выспались не ахти. Зато грек сиял свежесбрившими лоснящимися щеками, ароматным парфюмом и новым костюмом в коричневую клеточку. Бестужев сначала не поверил, увидев в петлице свежий бутон розы. Вот это фронт! На руках красовались большие часы с леопардовым ремешком. Как будто на ток-шоу о моде собрался, ей-богу.

Хачериди развел руки, как будто хотел обнять Бестужева:

— Капитан, только вас дождаемся. Сегодня была замечательная ночь, вы не видели метеоритный дождь? В этих широтах его можно увидеть не часто. А нынче же — на небе ни облачка, и звезды падают, падают, падают... — Хачериди натурально пустился в пляс, оперативники оторопело наблюдали за ним. Накружившись, Хачериди, как ни в чем не бывало, продолжил: — Верю, что сегодня будет не менее замечательный день. И начнем мы его с удовлетворения любопытства нашего невежественного коллеги Олега. Сейчас, мой юный друг, Инга расскажет тебе о последних веяниях и чудачествах нашего грешного мира. Как говорится, каждый сходит с ума по-своему.

— Развитие современного мира моды привело к тому, что возраст перестал иметь значение, — захватила всеобщее внимание Инга. — Во главу угла поставлена свобода самовыражения. Главное — выделиться из толпы, а каким образом это будет сделано, не важно. Гардеробы тинейджеров и дам бальзаковского возраста перемешались, а, точнее — слились в едином подростковом объятии. Седина и дряблая попа больше не являются причиной носить строгие цвета и костюмы. Наоборот — в ход идут ярко-красные худи и кислотные кеды. Долой чулки или колготки, даешь стройные ножки и мини-юбку! Ведь тебе всего лишь шестьдесят, а значит жизнь только начинается!

Для взрослых дядь и тетя, напяливших на себя подростковую одежду, даже придумали свое определение — бинейджер. Оно происходит от совмещения двух английских определений: *best ager* и *teenager*. И ведь стоило только дать кораблю имя, как понеслось. Сегодня быть бинейджером просто модно, не быть — преступно.

Самой известной представительницей нового направления является известная журналистка журнала *Vogue* Анна Делло Руссо, — Инга показала фотографии яркой высокой девушки. — Как вы думаете, сколько ей лет?

— Я бы дал тридцатник, — сказал Олег.

— Ну не больше, — кивнул Бестужев.

— А я знаю правильный ответ и поэтому воздержусь, — захихикал Хачериди.

— Тогда объявляю правильный ответ. В этом году ей исполняется 57 лет, — победоносно заявила Инга.

— Да лааааадно, — не поверил Олег.

— Вот так. Ее визитная карточка — мини-юбки ярких принтов. Вряд ли именно с нее началось стирание гардеробных границ между бабушками и внучками, но она явно стала первым знаменем бинейджеров. И сегодня таких, как она Анна Делло Руссо, миллионы.

Бадди Винкл, самая известная в мире бабушка-блогер. 90-летняя старушка с удовольствием позирует в образе чирлидерши, чемпионки студенческих игр по плаванию или японской школьницы. Среднестатистическому владимирцу она покажется сумасшедшей, но для многих она икона стиля. Как и, например, Мадонна, в свои шестьдесят не желающая расставаться с образом роковой, но наивной девицы.

Самый богатый бинейджер — мама миллиардера Илона Маска. 70-летняя Мэй Маск пошла еще дальше, она стала лицом косметического бренда CoverGirl. Но, справедливости ради, семь десятков мадам Маск не даст никто.

— Ох уж мне эти капиталисты, — проворчал Олег.

— Ты зря так. Среди наших селебрити тоже хватает бинейджеров, пусть и не таких явных. Например, Яна Рудковская уже давно вышла из студенческого возраста, но до сих пор предпочитает носить мини-юбки. Аллу Вербер или Филиппа Киркорова тоже частенько можно встретить в балахоне и кедах. Так что они среди нас... — зловеще закончила Инга.

— Да ну нах... Противно все это как-то, — сказал Олег.

— Это говорит всего лишь об отсутствии у тебя толерантности и понимания развития мира, — снова взяли инициативу в свои руки Хачериди. — Надо признать, что границы между полами, модой, возрастом, культурными ценностями стираются с каждым годом все больше и больше. Женщины в борьбе за равноправие забыли остановиться и сегодня все чаще напоминают мужчин. Мужчины, потеряв чувство полового превосходства, впадают в детство. Ну а дети больше не хотят быть космонавтами и героями, намного прикольнее стать вампиром или трансформером.

— Сегодня в мире есть люди третьего пола и люди без пола, — подхватила Инга. — Количество различных меньшинств в отдельных странах превышает число политических партий. При этом теперь им мало просто быть, им хочется стать полноправными членами общества и влиять на происходящие в нем процессы.

— И далеко за примерами ходить не надо, — снова хихикнул Хачериди. — Наша Инга сама является образцом такого индивида, ведь так?

— Ведь так, — гордо вскинув подбородок, заметила она.

В этот момент в кабинет просунулась голова дежурного:

— Народ, там к вам пришла пара. Забавная такая, — голова заржала. — Приглашать?

— А вот и наши бинейджеры, — в предвкушении вскочил грек. — Я надеюсь, у каждого из вас хватит ума и терпения вести себя политкорректно.

Проще сказать, чем сделать. Даже у секретного агента отвалилась челюсть, когда эти товарищи зашли в кабинет. В коридоре, за их спинами, собрался, по-видимому, весь личный состав РОВД, многие пытались сделать селфи на фоне бинейджеров.

Девушка (женщина, леди, бабушка... черт, как же ее правильно называть?) была одета в ярко-голубые кеды, рваные джинсы и синее худи, стилизованное под экран "Своей игры": невидимый игрок выбрал тему "ДАМ ЗА 200". Дополнял образ яркий макияж, большк

свойственный подросткам в пубертатном периоде, и дерзкие три косички фиолетового цвета.

— Меня зовут Нина Прокофьевна, — представилась она всем сразу. У нее был голос умудренной годами женщины и никак не вязался с представленным образом.

Ее спутник был ей под стать. Сбитые адидасовские кроссовки из девяностых, узкие джинсы, не доходящие до щиколоток, и черная потрепанная футболка с альбомом “Арии” “Ночь короче дня”. В левом ухе три сережки, в правом — одна. Но взгляд был цепкий и умный. Четко определив в Хачериди главного, он подошел и протянул ему руку:

— Покрышкин. Яков Покрышкин, адвокат из Москвы, — во второй руке появилась визитка.

— Мы оба из Москвы, — добавила Нина Прокофьевна. — Но очень любим посещать древние Владимир и Суздаль. Тихо тут у вас, хорошо. Было тихо, по крайней мере, до недавнего времени. Пока этот окаянный человека на крест не засунул и в землю не воткнул.

— Вы это видели? — подобрался Бестужев.

— Обижаете, молодой человек, — повернулся к нему Покрышкин. — Я адвокат, причем не из дешевых. Поэтому привык взвешивать каждое слово — свое и ниночкино. Поэтому, если она говорит, что видели, значит видели. Хотя близко, сами понимаете, подойти не решились.

— Так, — засуетился Хачериди, прогнав Олега и Бестужева с дивана. — Присаживайтесь и рассказывайте все по порядку.

Гости уселись, переглянулись и Нина Прокофьевна сказала:

— Яков, давай ты. Ты привык перед публикой выступать, а я, в случае чего, тебя поправлю.

— Спасибо, Ниночка, за доверие, — он нежно взял ее руку в свои и не отпускал до самого конца своего повествования. — Мы приехали во Владимир на неделю. Май — это прекрасное время для вашего города. Субботники уже вычистили улицы, деревья покрылись зеленью настоящего ярко-зеленого цвета, а солнышко заставило даже самых заядлых мерзляков сбросить зимнюю одежду, словно старую кожу. Дни очень длинные, и приятно гулять до самого темна. А потом, поужинав в одном из уютных ресторанчиков, просто ходить по улицам в ночи, сидеть на лавочках во дворах, слушать друг друга или гудящие ульи домов.

Этот кусочек старого Владимира в районе улиц Ильича и Казарменной мы заметили еще в прошлом году. Но тогда все подходы были перерыты — видимо, меняли какие-то трубы. Как водится, работы затянулись на все лето, и нам не удалось изучить эту область поближе. А в этом году, как говорится, сам Бог велел.

Мы прекрасно отужинали в ресторане “Панорама”, познакомились там с одной очаровательной парой. Кстати, они нам рассказали, что ресторан хотят снести, дескать, кто-то с кем-то не поделился, и обиженная сторона включила административный ресурс. Вам, господа полицейские, будет очень стыдно, если вы не встанете на защиту этого очаровательного заведения. Там открываются такие сумасшедшие виды на пойму Клязьмы.

— А какие очаровательные там подают тигровые креветки. На углях и с соусом тар-тар, — закатила глаза Нина Прокофьевна.

— Да-да, дорогая, да и стейки тоже очень хороши. Но мы отвлеклись от темы. После ужина мы сходили на смотровую площадку, традиционно пофантазировали, что означают фигурки и символы на стенах Дмитриевского собора — эта игра никогда не утомляет,

попробуйте обязательно. Ну а когда стемнело окончательно, мы отправились покорять интересующий нас район. Мы пришли в полный восторг, обнаружив “на заднем дворе” улицы Ильича целый комплекс из церквей и монастырей. Конечно, на территорию нас не пустили, но даже сама прогулка рядом с древними стенами доставляет большое удовольствие.

Когда мы устали, время перевалило за полночь. Прежде чем идти в гостиницу, мы решили передохнуть в одном из двориков. Окно на третьем этаже было открыто, и, вы не поверите, там играл настоящий граммофон. Пластинка с Марком Бернесом начиналась и заканчивалась несколько раз. Мне казалось, что “Любимый город” звучит как-то по-особенному, как будто я слышу эту песню впервые. Ах, господа...

— А что же наш убийца? — аккуратно приземлил адвоката Бестужев.

— Да-да, когда даже Бернес отправился спать, мы решили, что на сегодня хватит. Я тогда посмотрел на часы: было начало третьего. Мы вышли на Княгининскую. Город спал. Как вдруг тишину разрезал рев машины. Красный пикап вырулил с главной улицы — кажется, она у вас названа в честь первого космонавта Юрия Гагарина — и пронесся так близко от нас, что задел зеркалом Нину. От неожиданности она упала и больно ударилась локтем.

Конечно, я такого фортеля не ожидал. Ну я еще пойму в Москве, она, как известно, never sleeps. Но в древнем и спокойном Владимире. И такая меня обида взяла. За город, за его жителей. А потом — злость. Что вот приезжают такие гастролеры и нарушают провинциальный покой. Еще, наверняка, ведь и пьяный.

Первым делом, я, конечно, помог подняться Нине. Но и она, я видел это, была безмерно возмущена. Я, конечно, не дуэлянт, куда уж мне, но просто так стоять и смотреть, как обижают мою женщину, я тоже не буду. Тем более, что я уже подумывал над тем, чтобы подать на нашего обидчика в суд.

В общем, мы вместе с Ниной последовали за этим негодяем. Я не верил, что можем его догнать, как вдруг услышал впереди визг тормозов. Метрах в двухстах пикап дернулся и затих, фары тоже погасли. Мы поняли, что машина остановилась возле Никитской церкви, накануне мы заходили пообщаться с отцом Ильей. Мы давно дружим.

А еще луна зашла, так что мы смогли незаметно подкрасться поближе. Еще загодя я увидел, как человек в черной одежде покинул место водителя и с усилием вынул из открытого багажника что-то массивное. Подойдя ближе, я увидел, что это крест. Настоящий, огромный, выше человеческого роста. Но самое главное, на кресте висел человек. Я не понял, был ли он без сознания или мертвым.

Честно говоря, мне стало очень жутко. Я в Бога не верю уже давно, но тут рука сама потянулась крестное знамение совершить. Но сдержался. В общем, этот злодей взвалил крест себе на плечо, словно лопату нес, и вскарабкался на пригорок. И прямо перед храмом с размаху воткнул крест в землю. Я еще не сразу понял, что не так в этой и без того дикой картине. А потом Нина меня в бок толкнула: смотри, крест верх ногами воткнут.

Жуть, конечно. А потом убийца начал какой-то странный танец с завываниями и притоптываниями. И вот тут, я вам скажу, господа полицейские, пробрало по-настоящему. Понял я, что не в то время и не в том месте мы с Ниной оказались. Беда, бежать надо. А тут еще луна на мгновение выглянула, и ирод этот прямо внутрь меня заглянул, клянусь.

— Ну ведь и вы его разглядели, так? — подался вперед Хачериди.

— Разглядел во всех подробностях.

— Надо художника вызвать, чтобы сразу зарисовал, — вскинулся Олег.

— Не надо художника, — словно извиняясь, сказал Покрышкин. — Тут такое дело. Я уже говорил, что он весь в черном был. Только на бейсболке какая-то эмблема красная была. А вот лица не было.

— То есть? — не понял Бестужев.

— Я имел в виду, что человеческого лица не было. Вместо лица был череп. Голый череп. А в глазницах тьма плескается. Ну вот тут нервы и сдали. Как мы добежали до Золотых ворот, и не скажу. А там такси взяли — и в гостиницу.

— А почему в полицию не позвонили?

— Да я двух слов от страха связать не мог. Да и что я им сказал бы? У вас возле Никитской церкви орудует сама Смерть? И что бы мне ответил дежурный в три часа ночи?

Хачериди хмыкнул.

— Так что вот наша история, — закончил адвокат.

— Да, господа, страху я тогда натерпелась, жуть, — поддержала мужа Нина Прокофьевна. — Мы после сутки не выходили из номера. А потом — ничего, отпустило. При свете дня даже решили снова придти к церкви. А там — и на нашу лавочку зашли посидеть, где Бернеса слушали. Собственно, там нас и нашел ваш коллега.

Бестужеву не хотелось отпускать единственных свидетелей, которые видели убийцу в лицо. Но было ясно, что их показаниям доверять нельзя, у страха, как известно, глаза велики. Да и чем-то нравились ему эти бинейджеры.

Если закрыть глаза и только слушать, как они общались между собой, с полицейскими, можно получить несравнимое эстетическое удовольствие. Создавалось полное ощущение, что сейчас не двадцать первый век, а конец девятнадцатого. Ты зашел на чай к милой семейной паре — востребованному присяжному поверенному и его супруге. Но стоило открыть глаза, и мозг начинал входить в диссонанс со слухом.

— Извините меня, пожалуйста, — не выдержал капитан. — Я бы хотел задать вам один вопрос, личный. Все же объясните мне. Ваша манера общения, род ваших занятий несколько контрастирует с вашим образом. Вы ведь нормальные люди, зачем же вы так одеваетесь?

— Я согласна с вами, молодой человек. Мы абсолютно нормальные и адекватные люди. Я бы даже сказала, адекватнее многих будем. А что касается одежды... Дорогой мой, убейте в себе ретрограда в зародыше.

— То есть дело всего лишь в моде? — почти разочаровался Бестужев.

— Не только. Вы понимаете, однажды я проснулась и поняла, что проиграла извечную женскую войну за молодость. Я посмотрела в зеркало и увидела уставшую, потрепанную сорокалетнюю женщину, уже дважды побывавшую замужем. И главное — я почувствовала себя совсем неинтересной женщиной, ну если вы меня понимаете.

Из всех кивнула только Инга.

— Детей я не нажила ни в одном из браков. Да и сами замужества как будто в кино были. Первого мужа, Сенечку, я встретила еще в институте. “Какой страненький! Вау” — подумала я. А через пять лет развелась. С той же формулировкой. Второй мой муж, Анхель, был красавцем-испанцем, актером, гастролировавшим по всему миру. Год у нас было все хорошо, а потом я узнала, что у него еще три семьи на трех разных континентах. Многоженство я не осуждаю, но в него не верю. Любить по-настоящему прямо сейчас можно лишь одного человека. И постоянно стоять в очереди за своим месяцем счастья я не захотела.

Поэтому в сорок лет я решила кардинально изменить свою жизнь. Сначала смена работы и путешествия, потом йога и рисование, пилотирование самолетов и изучение языков — пять лет я подарила самой себе. Постепенно моя душа пришла в гармонию, а за ней — и тело. Ну кто бы дал этой стройной блондинке сорок пять лет? Ну а если я ощущаю себя молодо, почему я одеваться должна как старуха? В конце концов, мы не в Союзе живем, сегодня магазины завалены отличной одеждой для любого тела и настроения. Но, молодой человек, я прекрасно знаю, сколько мне лет и что может, а что не может мой организм.

— То есть вы только внешне подростки? — уточнила Инга.

— Вот давайте про возраст не будем, милочка, дамам не принято задавать такие вопросы. Сколько мне на самом деле лет, я оставлю при себе. Все же мы банальные бинейджеры, а не отсталые кидалты.

— Кто кого кинул? — не понял Олег.

— Никто ни кого никуда не бросал, молодой человек. Понятие “кидалты” произошло от двух английских слов “kid” и “adult”. Ребенок и взрослый. Кидалты — это люди, как и мы, в возрасте, но взрослеть они отказываются в принципе. Причем сознательно, головой. Они живут незамысловатой жизнью, не интересуются политикой и биржевыми сводками, ведут себя, словно дети, одеваются, как подростки. Утром — мультики, днем — игровая приставка или футбол, вечером — попкорн и тусы с друзьями. “Семья”, “детишки”, “ответственность” — эти понятия для них, как красная тряпка для быка.

— Есть у меня один такой знакомый, — наморщил лоб Олег. — Дитя дитем, честное слово. Вон оно как — кидалт, значит.

— Именно так. А мы — всего лишь хорошо выглядящие, заботящиеся о своем теле и своем образе пенсионеры. Да, годков много, но, поверьте, в сорок лет я выглядела намного менее привлекательно. Хотя, признаюсь, поначалу мне было не очень уютно выходить на пляж в ярко-розовом бикини, когда вокруг меня все в закрытых черных или серых необъятного размера купальниках. Но потом я встретила Якова, у которого были те же самые проблемы. Мы преодолели их вместе, и мы счастливы. Чего и вам желаем. За сим, господа, вынуждены откланяться, через полчаса в парке Липки начинается свободный сеанс йоги — не хотелось бы опаздывать.

Яков Покрышкин был лаконичнее. Он кивнул каждому из оперативников, потом прижал руку к сердцу и просто сказал:

— Ну, давайте, до свидания! Если что — звоните, моя визитка у вас есть.

После того, как двери за бинейджерами закрылись, никто еще долго не мог вымолвить ни слова. Наконец Олег выдавил:

— Ну и что, в целом, это было такое?

— А черт его знает, — ухмыльнулся Хачериди.

— Пути Господни неисповедимы, — пожал плечами Бестужев.

В дверь снова просунулась голова дежурного. На этот раз он был явно встревожен. Когда он начал говорить, вся честная компания тут же забыла о бинейджерах. Обнаружили новый труп. Почерк тот же.

— И кто на этот раз? Литовец? Монгол? Или пигмей из Африки? — съязвил Хачериди.

— На этот раз жертва — наш соотечественник, — не смутился дежурный. — И чтобы его опознать, даже паспорт не понадобился. Это Иван Голодный.

— Что? Тот самый? Из телевизора?

— Именно. Известный как человек с небинарным гендером.

— Кто-кто? — ошарашенно спросил Олег

— Гермафродит, если говорить на твоём языке, — пояснил Бестужев.

— А чего ж так прямо и не сказать?

— А это, Олежек, неполиткорректно, — усмехнулся капитан, — и не толерантно. Прав товарищ Хачериди: не хватает тебе этого качества.

Глава 12. Третья жертва

Все эти “бинейджеры”, “кидалты” и “небинарные гендеры”, конечно же, были понятиями уже другого поколения. Бестужев старался быть в курсе новых веяний. Он честно интересовался новыми айфонами, научился кататься на роликах и даже пару раз слушал рэпера Face. Но все же капитан отдавал себе отчет, что начинает естественно устаревать.

Впрочем, он находился еще в том возрасте, когда об этом самом возрасте переживать рано. Например, он еще был очень легок на подъем. И после доклада дежурного о новом трупе первым сорвался с места, опередив и Олега с Ингой, и даже вездесущего Хачериди. В коридоре грек вспомнил, кто здесь начальник и отправил Ингу обратно собирать данные по Ивану Голодному, Олега — найти кого-нибудь из друзей или коллег, связаться с ними и сообщить о случившемся. На место преступления с собой он взял одного Бестужева.

Капитан прожил во Владимире всю свою жизнь, да и по долгу службы обязан был знать географию города, но даже он смешался, когда Хачериди спросил его, куда им ехать. По словам дежурного, труп был обнаружен на пересечении трех улиц — Осьмова, Ивановской-Подгорной и Ильинской-Покатой. О том, что такая точка есть на карте древнего города, Бестужев узнал только сейчас.

Но в век высоких технологий это, конечно, проблемой не стало. Оказалось, что улица Осьмова проходит от гостиницы “Владимир” вниз, мимо “Эльдорадо”, бывшей шашлычной “Ван”, вплоть до спуска на Лыбедскую магистраль. Собственно, сам спуск, в который она переходит, и есть улица Ивановская-Подгорная, а вправо от этого мини-перекрестка отходит улица Ильинская-Покатая. Бестужев тысячу раз проезжал мимо, но никогда не задумывался над названиями древних улиц.

На месте их встречал капитан Смирнов. Он сам приехал за пятнадцать минут до коллег, но первый беглый взгляд позволил составить картину — за убийством стоит наш вездесущий Мистер Х. Дорогу от дома номер двенадцать по улице Осьмова отделяли тротуар и три высокие раскидистые сосны. Вот между двумя этим деревьями и расположился вбитый в землю перевернутый крест. На нем вниз головой висел обескровленный Иван Голодный, кумир неоперенных активистов, герой многочисленных ток-шоу и автор кучи экзальтирующих и, на взгляд Бестужева, бессмысленных акций. А теперь, похоже, Иван являлся еще и частью какой-то бандитской группировки, если следовать логике Мистера Х.

Пока вокруг трупа хлопотали эксперты, пытаясь найти хоть какие-нибудь улики, способные помочь распутать это дело, Бестужеву пришла в голову еще одна мысль. Он отошел в сторону, чтобы его никто не смог услышать и набрал Веру.

— Привет, — раздалось в трубке. — Ты все-таки не можешь без меня?

— Не могу, — не стал спорить капитан. — И очень хотел бы тебя увидеть. Но звоню не по этому поводу.

— Ну вот, — Бестужев как наяву увидел, как Вера картинно надула губки.

— Послушай, ты же много знаешь по истории Владимира. Ну там... Андрей Боголюбский... Золотые ворота... все эти дела.

— А к чему ты это спрашиваешь? — напряглась Вера. — И что именно тебя интересует?

Бестужев подумал, что раз она знает подробности первых двух убийств, скрывать информацию об еще одном, смысла не имеет.

— Вера, Мистер Х нанес еще один удар. И я бы хотел спросить тебя по поводу места.

Оно очень странное. Я пойму: Золотые ворота или Никитская церковь. Но здесь... здесь ничего нет. И это странно...

— Бестужев, здесь — это где?

Капитан указал место.

— Ну что ж, теперь мы можем поставить точку в давних исторических спорах о том, где стояли древние Медные ворота, — ответила Вера. Раньше улица Осьмова называлась Ивановским спуском. И, по одной из версий, в конце него располагались Медные ворота, выходящие на дорогу на Суздаль. А еще одна древняя теория гласит, что на этом месте располагалось крупнейшее капище древнеславянского Дажьбога. Так что это — место силы, раз. И одна из вершин пентаграммы Боголюбского, два. Выбор явно не случаен.

— Вера, спасибо. Я правильно понимаю, что наш убийца исторически очень грамотно подкован?

— Если честно, совсем не обязательно. Всю эту информацию сегодня не сложно найти в интернете или в библиотеках. Да, на изучение вопроса понадобится определенное время, но не так много, как кажется.

— Я понял, — тут Бестужев замялся. — Так мы сегодня встретимся?

— Уговорил, — Вера точно улыбнулась в этот момент. — Давай так договоримся: перезвони, как освободишься. Мне понадобится полчаса на сборы, и я буду у тебя.

Бестужев вернулся на место.

— Ты где был? — подозрительно спросил Хачериди.

— Проверял кое-какие мысли, — ответил капитан.

— И как — успешно?

— Более чем.

— Не изволишь поделиться?

— Чуть позже, — ушел от ответа Бестужев и направился к месту преступления. Эксперты все еще копошились вокруг под бдительным взором Смирнова.

— Саш, — спросил один капитан другого. — Это когда-нибудь закончится?

— Пока не уверен, Вась. Конечно, хотелось бы поймать этого урода как можно раньше. Давай лучше по делу. Как думаешь, крест такого же редкого состава, как и два предыдущих?

— На глаз могу дать девяносто процентов, что — да. Окончательное резюме за экспертами.

— Ну и причина смерти тоже, думаю, такая же.

— Об этом нам поведаст наш гуру Стрельцов, — Смирнов махнул рукой в сторону подъезжавшей машины скорой помощи. Однако первым к доктору подскочил Хачериди.

— Так это вы знаменитый доктор Серафим Серафимович Стрельцов? Что это у вас имя-отчество такое библейское? — снизу вверх спросил он. Патологоанатом смерил его насмешливым взглядом и ответил в лучших еврейских традициях:

— А вы, я так понимаю, тот самый возмутитель спокойствия Лозелло Парисович Хачериди? Вы бы на свое имя-отчество посмотрели, — и Стрельцов проследовал к труп. Крест уже вынули из земли, освободили руки и ноги.

Озадаченный Хачериди сначала постоял на месте, а потом бросился догонять доктора. Тот бегло осмотрел раны Ивана и дал команду грузить труп в машину.

— Что скажешь, Серафимыч? — спросил Бестужев.

— Да тут и без вскрытия понятно. Все, как по нотам: прибил к кресту, выкачал кровь, привез сюда. Машину уже нашли?

— Черт, машина, — подхватился Смирнов. — Наверняка, где-то здесь стоит. — Он отдал команду искать припаркованную машину, возможно, с московскими номерами.

Таковая нашлась на стоянке у бывшего “Вана”. Черный шестисотый “Мерседес” с московскими номерами. Двери были открыты, под педалями валялись ключи. Группа экспертов плавно переместилась от места преступления к машине.

— Ставлю сто баксов, что тачку наш Ваня взял в прокат, — высказал предположение Хачериди.

— Пожалуй, пари не поддержу, — ответил Бестужев. — Скорее всего, так и было. Пошлю Олегу номера, пусть выяснит.

Сзади пробибикала скорая. Коллеги чуть не подпрыгнули от неожиданности. На пассажирском сиденьи курил и улыбался Стрельцов. Приоткрыв окошко, он сказал:

— Ну я, в общем, поехал. А то дел много. Как произведу вскрытие, сообщу.

— Нет уж, — взвился Хачериди. Серафимыч явно ему не понравился. От слова “совсем”. — Все свои дела, доктор, вы отложите в сторону и немедленно займетесь вскрытием нашего Ивана. После обеда мы с капитаном вас навестим. Надеюсь, результаты уже будут известны.

— Как пожелаете, — ухмыльнулся Стрельцов и выкинул сигаретный бычок, лишь чудом не задев ботинок грека. — Поехали.

— Какой хам! — возмутился Хачериди, взглядом провожая скорую. Бестужев отвернулся, чтобы грек не увидел его улыбку.

Полицейские провозились на месте еще около двух часов, но ничего принципиального нового узнать не удалось. Отзвонился Олег: машину пробили, она, действительно, оказалась арендная. Прокатчик сообщил, что Иван Голодный часто брал машины, иногда вместе с водителем. В общем, настоящий vip-клиент. В этот раз, правда, он показался чересчур возбужденным, каким-то невнимательным. Машину взял в аренду на шесть дней, а денег дал чуть ли не за две недели. Сдачи не взял — быстро схватил ключи и укатил.

Дальше коллеги обсуждали полученную информацию уже в отделе. Сначала про Ивана Голодного рассказала Инга.

— Иван — типичный тридцатилетний миллениал из богатой семьи. Как и другие представители Поколения Y, он вырос самовлюбленным мальчиком, на “ты” разговаривающим с любым гаджетом, но и испытывающим колоссальные проблемы с “живым” общением. Вдобавок еще с раннего детства у него были проблемы с самоопределением в жизни. И если терзающий душу выбор, кем стать — пожарным или модельером, еще можно понять, то сложно представить, как долгое определение собственного пола разрывало мозг его родителям. Впрочем, длилось это недолго. Аккурат на восемнадцатый день своего рождения Иван близких родственников и лишился. Причем всех и сразу. На праздник, который проходил в загородном доме, ворвались конкуренты отца по бизнесу и расстреляли всю честную компанию. Сам именинник спасся случайно: отошел отлить в кусты и там пересидел.

Таким образом Иван стал очень богатым наследником, но психика бедного паренька всех этих пертурбаций не выдержала. Плюс возраст такой, сами понимаете. Он попал под влияние группы радикальных активистов, известных своими агрессивными акциями в храмах, музеях и прочих библиотеках.

Жизнь проходила в таком напряжении, что однажды Ваня попал в психушку, где пролежал где-то с полгода. Выйдя на свободу, первым делом он сделал ряд операций по

изменению пола. Точнее сказать, по добавлению пола. Он стал и женщиной, и мужчиной одновременно. Таким образом он завершил свой внутренний поиск и самоидентификацию.

А вот участвовать в акциях он не бросил. Только теперь он организовал собственную группировку “Голодающие Поволжья”. Иван сменил фамилию и официально стал Голодным. Акции он проводил довольно однотипные — объявлял голодовки. А вот внимание к ним он привлекал совсем не тривиальное. То устроит фестиваль с голыми артистами, то проведет трансляцию циркового представления, в конце которого умерщвляли тигра. А чего стоит акт совокупления с участием тысячи человек?

— А за что хоть боролся наш Ваня? — спросил Бестужев.

— А вот здесь все банально: жизнь китов, права сексуальных меньшинств, озоновый слой и повышение пенсий. На самом деле Ивану не важен был повод, главное — само действие. Его голодовки длились по две недели, участников потом находили очень изможденными.

Собственно, Голодный очень быстро стал популярным в нашей стране. Судите сами: его интервью во “вДуде” за неделю набрало семнадцать с половиной миллионов просмотров. Это ведь мегапоказатель для нашей страны.

Олег был известным противником блогеров, поэтому не преминул вставить:

Кто ходит в гости по Дудям,

Тот поступает мудро.

Оно, конечно же, к деньгам,

Хотя смотреть и мутно.

— Что за детский сад? — наморщила носик Инга. — Ты что-то имеешь против Юры Дудя? Он же такой милашка.

— Разве тебе могут нравиться мужчины? — удивился Олег.

— А почему нет? Для нас, правильных девочек, мужики — самые лучшие друзья. Уж поверь моему опыту. Кроме того, если бы Юра был другого пола, я бы его обязательно отшлепала.

— Опа-чки, — оживился лейтенант. — А вот с этого момента поподробнее. Приоткрой завесу тайной жизни сексуальных меньшинств.

— Отставить неуставные беседы, — прервал спорящих Хачериди. — Инга, ты сейчас рассказал информацию, которую, по большому счету, можно почерпнуть из Википедии. Что удалось накопать по-настоящему?

— Да почти ничего. Иван, действительно, жил своим акциями, голодовками. Его любили приглашать на различные ток-шоу, потому что он вел себя там крайне неадекватно — собственно, так, как хотели продюсеры. Однажды на одном из прямых эфиров он разделся донага и продемонстрировал наличие мужских и женских органов. Говорят, некоторых зрителей увозили с передачи на скорой.

Из-за такого поведения знакомых у Ивана было много, а вот друзей не было вообще. Жил один, в пентхаусе на сороковом этаже в Новой Москве. Дома оргий или пьянок не устраивал. Но часто не бывал дома по несколько недель.

— Это все? — пристально глядя на Ингу, спросил Хачериди.

— Ну есть еще один факт. Он официально не подтвержден, но мне о нем рассказал заслуживающий доверия человек. Есть информация, что Иван Голодный возглавлял российское отделение ордена “Зеленый дракон”, одной из старейших в мире сатанинских организаций.

— Снова сатанисты, — проворчал Бестужев. А Хачериди присвистнул:

— Прямо-таки “Зеленый дракон”? — скептически спросил грек. — Тот самый мифический орден, членами которого, якобы, были Григорий Распутин, Генрих Гиммлер, Петр Бадмаев и даже императрица Александра Федоровна, супруга Николая II? Чушь, не верю. Даже если сей орден и имел какое-то могущество в начале и даже в середине прошлого века, то сегодня о его деятельности неизвестно ничего.

— Потому и неизвестно, — возразила Инга. — После Второй мировой войны орден пребывал в упадке, но возродился на Тибете в семидесятых годах. Аккуратно и поступательно он снова начал свое шествие по миру, и вот, в наше время, нашел приют и в Москве. Пока что здесь немного последователей “Зеленого дракона”, но они есть, и до сегодняшнего дня их возглавлял Иван Голодный.

— Это дело положительно начинает меня утомлять, — пожаловался грек. — Ладно, копайте еще. Всем разрешаю сделать получасовой перерыв на обед, — он посмотрел на часы, — на поздний обед. А потом, капитан, мы с тобой прокатимся к этому неучтивому доктору.

Обед затянулся больше чем на тридцать минут, но буквально через час они все же входили в царство доктора Стрельцова. Сегодня было особенно накурено, это говорило о том, что Серафимыч работает больше обычного.

Он сидел, склонившись к самому столу. Со стороны даже могло показаться, что он спит. Но нет — он внимательно рассматривал изображение на планшете. Вошедших он не замечал.

Бестужев кашлянул — Стрельцов вздрогнул.

— Господа, мы были правы, — сказал он, вставая.

— В чем именно, доктор с библейским именем, — съязвил Хачериди.

— В наших догадках. Это все они, — голос Стрельцова вздрогнул.

— Серафимыч, успокойся, — усадил доктора обратно на стул Бестужев. — Давай спокойно, по делу. В общем, как обычно. Что удалось выяснить по трупам?

— Да все, как у предыдущих двух. Смерть от потери крови — ее в организме почти не осталось. Сухое тело Голодного превратилось практически в мумию.

— Сухое тело? — не понял капитан.

— Регулярная аскеза сделала из нашего активиста практически йога. Худой — кожа да кости. Внутренние органы скукожены из-за недоедания. Но общее состояние организма я бы оценил на пять с плюсом. Если бы не фатальная встреча с Мистером X, дожил бы наш Ваня лет до ста минимум.

— Вот даже как, — удивился грек.

— Да. Это поразительно, но чем больше он над собой издевался, тем выносливее становилось его тело.

— Ладно, здоров как бык. Что там с нашими традиционными татуировками?

— А вот здесь самое интересное. На теле Голодного нет ни одной татуировки. Вообще. В этом плане он как младенец. Но есть два изъяна на коже.

— Изъяна?

— Да, я назвал их так. Первый, поглядите, на левом плече, видите? — все трое склонились над телом.

— Что это такое? Ожог? — разглядывая изувеченную кожу, спросил Бестужев.

— Это клеймо, Саша. Как в средние века. Судя по расположению и чистоте, сделали его

примерно год назад и, скорее всего, с согласия самого Голодного.

— Что оно означает?

— Вот над этим я и ломал голову, когда вы пришли. И сдается мне, что это весы.

— В смысле? Какие весы?

— А те весы, с которыми часто изображают богиню Фемиду. Две чаши, балансирующая перекладина. Всмотритесь. Я сделал фото, чтобы можно было увеличить изображение.

Бестужев и Хачериди склонились над планшетом, внимательно разглядывая клеймо.

— Пожалуй, ты прав, доктор, — вынес вердикт грек. — Это, действительно, вес правосудия. Но ты говорил, что нашел два изъяна.

— Вторая находка — это на сладкое. Капитан, наше предложение, начавшееся на теле сальвадорца Ганадора, продолжившееся на спине итальянца Гуэрра закончилось на бедре Ивана Голодного.

— Ты же говорил, что нет никаких татуировок...

— А их и нет. Надпись вырезана чем-то острым, я бы предположил — ножом, прямо на теле.

— Не томи, Серафимыч.

— Там написано “veni et vince”. А после — три тройки восклицательных знаков. Вот прямо так.

— Знакомые слова, — нахмурился Бестужев. — Что-то такое напоминает. Что-то из Юлия Цезаря. Так, нужно перевести.

— Уже! — победоносно вскрикнул доктор. — Напомню: полностью фраза звучит так: “Vocamus Te, advocamus Te, veni et vince!!!!!!!!!!” Это переводится как “Взываем к Тебе, призываем Тебя, приди и победи!!!!!!!!!!” Я не понимаю, зачем так много восклицательных знаков, но...

— Это обозначение, применяемое в средневековье на письме. Так сказать, инструкция для говорящих. В данном случае означает, что фразу необходимо произнести трижды, — медленно произнес Хачериди.

— Я же говорил, — затряс кулаком Стрельцов. — Это заклинание или молитва темная. Мы были правы: убийства — дело рук вероотступников.

— Итак, — Бестужев посмотрел на грека. — У вас еще остаются сомнения, что наш мотив — убийства на религиозной почве?

— Остаются, — Бестужеву показалось или грек, действительно, был не так уверен, как раньше. — Но я согласен, капитан, эту версию нужно тщательно проработать.

Когда они вышли на улицу, спускался теплый майский вечер. Зазвонил телефон. Это была Инга.

— Шеф, у меня есть кое-что срочное. В одной из социальных сетей Даркнета у Голодного был аккаунт. Я смогла взломать его. Скидываю вам его последнюю запись, сделанную два дня назад.

Она отключилась, а через секунду пришел скриншот с ее компьютера. Бестужев открыл фотографию и прочитал вслух:

“Я закончил все свои дела, как и просил демон. В тот миг, когда улетучились последние сомнения, когда я уверовал по-настоящему, я понял, что с самого начала был рожден для этого великого события. Подумать только, я стану Третьим. Разве мог я когда-либо мечтать о большем? Да и есть ли на свете большая честь, большая слава? Впрочем, есть. Это Четвертый. Но он — Избранный, стоящий лишь на одну ступень ниже Самого.

Страшно ли мне? Честно, я не знаю. Мне кажется, что я всю свою нелепую и жалкую жизнь шел, чтобы положить голову на алтарь Славы Его. Но с другой стороны, разве можно не бояться, идя на встречу со Смертью? Демон сказал, что все будет хорошо. Более того, пройдет не так много времени, и я возрожусь, и я стану одним из новых апостолов.

Я не верил демону, но он показал мне толику Самого, частицу силы его, и я уверовал.

Смерть, я иду к тебе сам. Добровольно. Я стану Третьим!”

Бестужев устало посмотрел на Хачериди. Тот не отвел взгляда:

— Повторяю, капитан: эту версию надо очень тщательно проработать. На сегодня все отбой. До гостиницы я доберусь сам.

Дойдя до машины, Бестужев позвонил Вере. Через час, позабыв обо всем на свете, они утонули в любви.

Глава 13. Лекция от Инги

Если бы кто-то сказал Бестужеву, о чем он узнает в этот день, он бы, откровенно говоря, предпочел бы вообще не просыпаться. Конечно, он и раньше подозревал, что в мире сетей 5G и презервативов со вкусом цитруса осталось мало места для настоящей, истинной веры. Современные люди в лучшем случае предпочитают быть атеистами, в худшем — пускаются во все тяжкие в своих попытках попать основы религий.

Всевозможные культы, секты, фонды, тайно-явные ордена и так далее, и тому подобное. За океаном это даже переросло в некую новую американскую мечту. Если тебя почему-то не заметили в Голливуде или на Бродвее — не беда, регистрируй Церковь святого носка, а, может, платка или соплей Господних. И вот уже на этой площадке ты можешь показать своей пастве все, на что способен. Ты можешь петь, кричать, играть на любом инструменте, говорить все, что в голову взбредет — лишь бы пиплу нравилось. Ну и приятным бонусом — пожертвования от прихожан. А их размер, как и в Голливуде, зависит исключительно от размера твоего таланта.

Конечно, в мире еще сильны мировые религии: они богаты, в отдельных странах — могущественны. Но в общем мировом сознании они давно уже обросли стереотипами. Мусульманин? Значит с гранатой за пазухой. Христианин? Маньяк и растлитель малолетних. Буддист? Черт знает кто, но точно “не наш человек”. И так можно пройтись катком по каждому направлению.

За последние две тысячи лет все мировые религии прошли путь от рождения через всеобъемлющее могущество к полному упадку. Все — кроме одной. Бестужев даже и представить себе не мог, что “сатанизм” и его ответвления проникли в современное общество глубже, чем преступники — в политику.

Инга, которая, наконец-то получила данные от своих глубоко законспирированных в Сети друзей, не спала всю ночь, готовя отчет. Вчера, после того, как была обнаружена третья часть надписи на телах жертв, Бестужев дал ей четкое указание: бросить все и сосредоточить свои силы на версии убийства на религиозной почве. Или правильнее будет сказать “на антирелигиозной почве”.

Молодая хакерша, как всегда, блестяще справилась с поставленным заданием. Но полученные результаты ошарашили и ее саму. Когда весь отдел плюс Хачериди собрался в кабинете, она с первых же слов завладела всеобщим вниманием.

— Господа, а вы не замечали, что в каждой религии есть свой “плохой парень”? Арабский Шайтан, шумерский Адрамелех, польский Нида, персидский Дэв, египетский Сет майянский Апух, маздакийский Ахриман, канаанский Баальберит, индейский Койот, румынский Дракула, японский О-Яма, сирийский Бехерит или китайский Тянь-Мо. Этот список бесконечен. Причем мужской пол необязателен: финикийская Астарта, греческая Геката, вавилонская Иштар или индийская Кали оставили не менее яркий след в мировых религиях.

Но самым известным “плохим парнем” является, конечно же, христианский Сатана. Он — герой книг, фильмов, сериалов и комиксов. Его именем называются музыкальные группы и театральные труппы. И ведь самих имен-то сколько. В одной только Библии упоминается до пятнадцати имен князя Тьмы.

Огромное количество последователей, открытые и закрытые секты, разбросанные по

всему миру — сегодня, без преувеличения можно сказать, что сатанизм является самой развивающейся религией на Земле. И не удивительно, что мировыми центрами являются передовые страны планеты — Великобритания и США.

По оценкам разных исследователей, сегодня в Соединенных Штатах Америки более пяти миллионов человек в той или иной степени увлечены культом рогатого дьявола. В одном из журналистских расследований сказано, что еще около десяти миллионов американцев хотя бы раз в жизни принимали участие в темных ритуалах, черных мессах, мистических церемониях и безумных оргиях, на которых помимо безудержного блуда часто практикуются такие безумства как распитие человеческой или животной крови, умерщвления животных и даже церемониальные самоубийства.

Количество дьявольских культов и сатанинских сект в США может посоперничать с числом христианских организаций: каждый уважающий себя крупный город имеет или свою собственную секту или региональное отделение. “Тысяча первая церковь Трапезонда” в Сан-Франциско, “Церковь последнего суда” в Лос-Анджелесе, “Общество Асмодеуса” в Вашингтоне, нью-йоркские “Золотой рассвет” и “Международная Ассоциация ведьм и колдовства”. И это только самые известные организации. Сюда же, впрочем, можно смело добавить и “Новый Реформированный Ортодоксальный Орден Золотой Зари” и, например популярные сегодня различные группы культа вуду. Нельзя не упомянуть и секту палладинов, вроде поклоняющихся древнегреческой Афине Палладе, но, на самом деле, являющихся сборищем маньяков-сатанистов. Существуют такие же культы злых древних богинь Исида и Кали.

А что там на землях через Атлантику? Как я уже говорила, Туманный Альбион также является одним из мировых центров сатанизма. Причем в Англии клубы и кружки дьяволопоклонников приглашают записываться на шабашы вполне открыто — через объявления в газетах и на популярных интернет-ресурсах. Будущим участникам черной мессы обещают показать (а часто — и попробовать) обнаженных женщин на дьявольском алтаре, вокруг которого горят семь высоких зеленых свечей. Маски и балахоны не обязательны, но приветствуются.

Мой источник ходил на один такой показ. Помещения сатанинских культов или “пещеры”, как они их сами называют, больше похожи на декорации к популярной франшизе “Омен”: перевернутые кресты с распятым Христом, обязательное чучело козла с гиперболизированными рогами, игрушки из секс-шопа для садо-мазо игр. Ну заканчиваются такие мессы, сами понимаете, чем...

Впрочем, далеко не все секты так театральны. Например, манчестерская “Церковь сатаны” или уэльское отделение “Ордена Девяти Ангелов” давно находятся под присмотром правоохранительных органов.

И дальше — можно идти в любом направлении по земному шару. Например, в Болгарии сатанисты активно действуют в Пловдиве, Монтане, Враце и Кюстендиле. Там организованы движения «Черное солнце» и «Друзья сатаны». Их члены устраивают ночные поклонения, танцуют голыми на кладбищах и оскверняют могилы. Одежды и татуировки пещрят перевернутыми крестами и популярными тремя шестерками, обозначающими, в соответствии с канонами кабалистики, “число зверя”.

В Австрии, по сведениям полиции, насчитывается до полутора тысяч активных сатанистов. И если в провинциях их не так много, то в столице известно около двадцать ресторанов, где культисты собираются и проводят закрытые вечеринки. К сожалению, часто

они заканчиваются ритуальными самоубийствами. Есть и более законспирированные сектанты. В 1997 году в Инсбруке полиция в подземных галереях старого бомбоубежища нашла целый “сатанинский собор” — нишу с сотнями могильных свечей, трупами животных, осколками церковных витражных окон и свежие следы от костров. Такие “соборы” время от времени всплывают по всей Европе.

В Германии почти официально действуют “Церковь сатаны” и “Общество Асмодеуса”. По оценкам журналистов, более двадцати тысяч жителей являются последователями различных сатанинских сект.

По данным спецслужб Израиля, в этой стране насчитывается уже более трех десятков сатанинских сект. Примерно раз в неделю адепты дьявола устраивают ночные оргии в заброшенных домах, на пустырях или на христианских кладбищах. Естественно, что в обязательном порядке присутствуют наркотики, групповой секс и жертвы животных. Это дико слышать, но имеются факты, когда сатанисты убивали собственных родителей и крали младенцев для проведения черных месс. Иногда женщины специально беременели, чтобы выносить ребенка и впоследствии отдать его на растерзание своим жрецам.

В ноябре 1998 года тогдашний министр внутренних дел Испании Хайме Майор Ореха сообщил, что в Испании от ста до ста пятидесяти тысяч испанцев являются членами двухсот религиозных сект сатанистского толка, и приближающийся конец тысячелетия может привести к массовым самоубийствам среди них. На доклад не обратили внимание, а зря. На Испанию пришлось самая массовая волна суицидов на изломе миллениума.

В департаментах Колумбии действуют более двухсот сект и вооруженных группировок, которые объявляют себя оппозиционерами официального католицизма. Наибольшее число сатанистов, конечно же, находится в столице — в Боготе. Здесь существуют более пятидесяти сект, объединяющих около двух тысяч адептов.

В ЮАР в сентябре 1994 года местный эксперт по сатанизму (такое подразделение есть в тамошней полиции) полковник Кобус Йонкер публично рассказал о результатах одного расследования в провинции Оранжевое Свободное государство. Действующая там секта сатанистов зарабатывала на жизнь, изготавливая свечи для черных месс из натурального человеческого жира. Где брали сырье, даже думать не хочется.

В Японии “вожди” сатанинских ячеек учат юных сектантов убивать родителей, юноши по приказу “дьявола” обязаны убивать своих любовниц.

— Инга, дорогуша, — прервал хакершу Хачериди, — жути ты нагнала такой, что вот Олег, по-моему, хочет немедленно выйти подышать свежим воздухом. Но все, что ты нам тут рассказала, при ближайшем рассмотрении представляет собой сводку по больнице. Ведь такой же доклад можно сделать и, например, по сайентологии. А что — секты открыты по всему миру, и Том Круз — пророк их. Есть ли у тебя конкретика, может быть, громкие уголовные дела по сатанистам?

— Хотите конкретики, — усмехнулась Инга. — Она есть у меня. Но, заметьте, не я это предложила. Пробежимся по континентам. Начнем, как водится, со старушки Европы.

Бельгия, 1996 год. В полицейское отделение города Льежа родители привели девочку тринадцати лет — Моник Берда, которая рассказала, что убежала от людоедов. Свои дикие сборища они устраивали в лесах Брабанта, недалеко от голландской границы. Девочка даже смогла показать место, где происходили мессы. Вот отрывок из протокола следствия: “Два месяца назад девочку прямо на улице затащили в машину и увезли. Ночь она провела в темном сыром подвале, а утром пришли люди в масках и капюшонах. Моник привязали к

столу, и все присутствующие по очереди изнасиловали ее. Вытекающую из девочки кровь один из участников ритуала собрал в чашу, а другие несколько минут спустя слили в ту же емкость свою семенную жидкость. Полученной смесью они мазали себе лицо. После этого они помолились сатане и прямо над телом Моник перерезали горло новорожденному младенцу, потом разорвали его на части и съели в сыром виде. К своей трапезе они заставили присоединиться и Моник, называя обряд «истинным причастием». Девочку рвало. Тогда сатанисты подвесили ее за волосы, а босые ноги стали жечь факелом. Моник потеряла сознание. Больше они ее в тот день не трогали, но ритуал повторялся ежедневно”.

— Твою ж мать, — не выдержал Олег. — Это реальная история? Ты уверена?

— Более чем. На закате тысячелетия в Польше двое молодых людей стали жертвами ритуального убийства. Их полуобугленные тела с многочисленными колотыми и резаными ранами были найдены в лесном массиве недалеко от города Руда-Шленска. Любопытен вывод, который сделала полиция. Следователи считали, что жертвы добровольно участвовали в подготовке «черной мессы», не зная об уготованной для них их же коллегами трагической участи. Об этом жестоком убийстве стало известно лишь потому, что еще одна жертва обряда выжила, ее доставили в больницу.

В Греции трое осужденных не так давно признались, что возглавляли сатанинскую секту из двадцати человек. Они в течение трех лет в пригородах Афин совершали жертвоприношения, для которых использовали как животных, так и людей.

Спустимся в Африку. Здесь сатанизмом не просто увлекаются, а гордятся своим членством. Например, в Замбии стало известно, что серия ритуальных убийств в Ливингстоне, на юге страны, вызвавшая летом и осенью 1995 года серьезные волнения в этом известном туристическом городе, была делом рук сатанистов. Согласно сатанинскому календарю, в конце октября наступает период жертвоприношений, в том числе человеческих. Именно в это время в Ливингстоне были совершены похищения и убийства не менее шести детей. Полиции стало известно, что в секте состоят люди, «занимающие видные места в местной социальной иерархии».

Примерно в это же время в Египте были арестованы более восьмидесяти членов молодежной сатанинской секты “Служители шайтана”. Большинство задержанных — студенты в возрасте от семнадцати до двадцати восьми лет. Все они принадлежат к элите египетского общества: дети известных деятелей искусства, журналистики, двух послов, чиновников, бизнесменов, профессоров университетов и даже принца из страны Персидского залива. Всем им вменялось в вину “издевательство над боговдохновенными религиями, употребление наркотиков, сексуальные оргии, разорение могил и глумление над трупами”.

В Либерии в свое время за участие в ритуальном убийстве был осужден министр внутренних дел: жертве отсекли голову и вырвали сердце. В Конго судили шесть человек по обвинению в колдовстве: в результате проведенных ритуалов было убито и съедено тридцать три человека.

Переплывем океан. В Венесуэле полиция освободила из рабства сатанистов два десятка детей. Как и в других сектах, их использовали для оргий и различных “черных” обрядов. Любопытно, что сигнал подали соседи, которым мешал шум по ночам от проводившихся шабашей. Неудивительно, ведь секс, наркотики и алкоголь были обязательными атрибутами на этих вечеринках.

А вот пример из благополучной Канады. Вся страна встала на уши после убийства 25-

летним сатанистом Брэнтфордом своей малолетней сестры. Он перерезал ей горло. Брэнтфорд заявил, что ему было приказано убить сестру до Хэллоуина. В этом случае князь Тьмы подарит ему новую форму жизни и наделит неограниченной властью.

В кабинете повисла тишина. Наконец смущенный Хачериди спросил у Инги:

— У тебя все?

— Почти, — ответила та. — Напоследок я хотела бы остановиться на двух случаях, наглядно показывающих весь размах сатанизма в современном мире. Для этого вернемся в Европу.

Каждый год во Франции пропадает около двадцати тысяч человек. Большинство из них — дети, в основном, из неблагополучных семей. Конечно, полиция и волонтеры их повсюду разыскивают, родители надеются на чудо. И иногда, по прошествии нескольких месяцев, а то и лет, дети отыскиваются. Но родители с ужасом замечают перемены, произошедшие с ними. На вопросы они не отвечают, ни на что не реагируют, замыкаются в себе. По ночам их мучают кошмары: они вскакивают с кровати, их глаза полны страха и ужаса. Все эти дети — выжившие жертвы сатанинских сект.

Одной из таких является педофилическая организация “Криптен”. В ней практикуется специальный ритуал, проводимый в период полнолуния. Верховный жрец в присутствии всех членов секты на особом алтаре насилует юношу и в момент оргазма пронзает ему ножом сердце. Под молитвы и песнопения адепты смешивают кровь со спермой жреца и выпивают. Пронзенное сердце аккуратно вынимают тем же ножом и делят между участниками черной мессы. Обескровленное тело сжигают на ритуальном костре. И все это происходит в наше время посреди просвещенной Европы.

В конце девяностых жуткие убийства произошли в окрестностях итальянского Турина. Полиция нашла обнаженное тело молодой девушки без головы. Голову обнаружили в дупле дерева, под которым лежал труп. Оба глаза были выколоты, а в волосах выстрижен крест. Нижняя часть ствола дерева была обуглена: у подножия раскладывали огромный костер. Все обстоятельства позволяли заключить, что в ее смерти — уже шестой подобной в том году — виновата одна из многочисленных сатанинских сект.

В Турине их, действительно, очень много. Невиданная распространенность сатанизма в этом древнем городе объясняется просто: Турин — признанная оккультная столица мира. Кроме того, здесь пересекаются треугольник белой магии, вершинами которого считаются Прага, Лион и Турин, с треугольником черной магии с вершинами в Лондоне, Сан-Франциско и опять же Турине. И это общая черта с нашим Владимиром и его пентаграммой из различных древних ворот.

Правда, в Турине магических мест больше. Например, принято считать, что под брусчаткой площади Статутто скрыт вход в ад, до сегодняшнего дня используемый Дьяволом и его сорока пятью тысячами демонов, когда они покидают преисподнюю.

— Может быть, во Владимире тоже скрыт какой-нибудь вход? — предположил Олег. — Небольшой. Калиточка, так сказать. И через него в наш мир проник какой-то злой демон и пошел убивать направо и налево, а?

— Не говори ерунды, лейтенант, — потер переносицу Хачериди. — Какие ворота, какие демоны, какие секты? Вы сами-то себя слышите? Двадцать первый век на дворе... Все, о чем сейчас нам рассказала Инга, — результат слабостей человеческого мозга. Люди не успевают за темпами развития обществ, наций, государств. Их сознания ищут более легкие пути жизни. Поэтому они легко прислоняются к таким вот сектам. А хитрые руководители,

словно кукловоды, используют эти заблудшие души в своих целях.

— Ну значит мы можем предположить, что имеем дело с таким вот большим уродом, который использует теории сатанизма для собственной самореализации, — предположил Бестужев.

— Может, у него и такие мотивы, — согласился Хачериди. — Но он, прежде всего, человек, наделенный плотью и кровью. А значит, мы можем его поймать, арестовать или, на крайний случай, уничтожить. Это всем понятно?

— Понятно, — буркнул Олег за весь отдел.

— Нужно только учитывать, что наш душевнобольной убийца наделен чудовищной силой и острым умом. Ведь он сумел выманить из своих убежищ матерых преступников, а после — играючи с ними расправился.

— Принимая во внимание эти факторы, я и говорю, что, возможно, подчеркиваю — возможно, нам придется на месте уничтожить данного индивида. Хотя признаю, что он, однозначно, заинтересовал бы научный отдел нашей Службы. Ладно, копаем дальше. Я — к вашему полковнику, у нас сегодня несколько совещаний на повестке. А вы, мои дорогие, не расслабляйтесь. Копаем, копаем дальше.

С этими словами он подхватился и выпорхнул из кабинета.

— Какой же скользкий типчик, — скривился Олег.

— Зато, в отличие от некоторых, знает толк в одежде и парфюме, — ядовито улыбнулась Инга и отвернулась к монитору.

На столе Бестужева зазвонил телефон.

— Отдел Q, кто спрашивает? — спросил начальник.

— Товарищ капитан, это дежурный, Голдов. Тут такое дело: мы взяли в центре мужика одного — ходил и проповедовал о скором конце света. Ну знаете, как в американских фильмах. Только там нищebroды или бомжи с рупором ходят. А здесь — приличный такой господин в дорогом костюме. Ходил возле Золотых ворот и нес всякую пургу. Мы послали наряд и привезли его сюда.

— Вы молодцы. Но от меня чего ждете — похвалы?

— Да нет, товарищ капитан. Оказалось, что мужик сей — иностранец, таджик или узбек, я не понял. Да не простой — представитель концерна “Mazda”, ну знаете, машины делают, слоган у них еще такой смешной был “Зум-зум”?

— Знаю-знаю, лейтенант. Но по-прежнему не понимаю, я тут при чем?

— Да мужик этот вполне нормальным и адекватным оказался. Говорит, что действиями своими хотел привлечь наше внимание, чтобы мы привели его к тому, кто расследованием руководит. Дескать, есть ему, что сказать.

— Ну так поставь в известность Хачериди. Он у нас тут главный.

— Да я хотел. Но он у полковника. Они заперлись и попросили, чтобы их не беспокоили.

— Ладно, я понял. Где сейчас этот ваш таджик?

— Так рядом стоит, вас ждет.

— Скажи: через пять минут спущусь.

Бестужев положил трубку, взял телефон и куртку:

— Отлучусь, но, думаю, что ненадолго.

— Шеф, знаешь, что меня беспокоит? — Олег остановил капитана уже в дверях.

— Поделись с коллективом.

— Если все же допустить, что Инга права, и у Турина и Владимира общего больше, чем мы думаем, то к этим древним воротам и местам силы нужно присмотреться повнимательнее.

— Что конкретно ты хочешь найти?

— Ну смотри. Пентаграмма — фигура с пятью вершинами. Каждая вершина опиралась на одни из древних ворот, так?

— Так.

— Трупы наших жертв мы находили на тех местах, где раньше стояли ворота. Теперь соединяем эти факты воедино, что получаем?

— Что?

— То, что вершин — пять, ворот — пять, а убийств — три. Пока что...

— То есть ты хочешь сказать, что... — пораженно воскликнул Бестужев. Бог ты мой, как такая простая мысль не приходила ему в голову раньше.

— Что нам стоит ожидать еще как минимум два трупа, — закончил за шефа Олег.

Глава 14. О левых и правых боках

Спустившись вниз, Бестужев никаких таджиков или узбеков не обнаружил. Голдов, со смущенным видом, сказал, что за иностранным гостем заехал адвокат и уговорил того покинуть гостеприимное здание РОВД. Напоследок интурист просил передать, что в течение нескольких ближайших часов будет ждать Бестужева в промзоне — в кафе “Старый Баку”. Чтобы персонал провел капитана к таджику, нужно будет спросить господина Джавадова.

— Ох, лейтенант, расширяй кругозор, — вздохнул Бестужев.

— Не понял, — обиделся Голдов.

— Тебе же сказали: Баку, Джавадов, а ты заладил — таджик, узбек.

— А что не так?

— Наш иностранный друг — азербайджанец, вот что не так.

— А какая разница? — искренне удивился Голдов. — Как ты гастарбайтера не назови, он от этого русским не станет.

— Любопытная логика, — усмехнулся Бестужев. — Ладно, я поехал. Если кто будет спрашивать, ты не знаешь, где я. Вернусь через пару часов.

— Лады, — ответил Голдов.

Капитан вышел на улицу. Можно было бы взять дежурный “уазик”, но Бестужев не хотел, чтобы кто-то знал, куда он направляется. Постоянный надсмотр Хачериди реально напрягал. Хотелось немного свободы. Личный транспорт тоже отменялся, там установлено оборудование, по которому можно будет отследить его маршрут. Поэтому Бестужев решил прогуляться до улицы Гагарина, где можно сесть на автобус или на троллейбус, идущие прямо до Электrozаводской улицы, где спряталось от чужих глаз довольно приятное кафе “Старый Баку”.

Бестужев бывал здесь несколько раз: пьянствовал на чьем-то дне рождения, пару раз просто обедал. Ему здесь было уютно. Нехамящий персонал и вкусная еда создавали гостеприимную атмосферу кафе с восточным акцентом.

За столиками в главном зале никого не было, и Бестужев направился напрямик к барной стойке. Там, в окружении бокалов стоял молодой азербайджанец. Придирчиво разглядывая результат чистки посуды, он не сразу заметил капитана. А когда заметил, сказал:

— Пообедать или пива попить?

— Все зависит не от меня, — ответил Бестужев.

— Кого-то ищите?

— Да, господина Джавадова.

— Секундочку обождите, — бармен исчез в двери с левой стороны от бара, но через минуту вернулся. — Пойдемте со мной, вас ожидают.

Бестужева провели через тусклое помещение в небольшую залу, стены которого покрывали красивые ковры. Посредине стоял стол и два стула. Один из них занимал высокий мужчина в дорогом костюме, сшитом явно на заказ. Из рукавов пиджака выглядывали рукава белоснежной рубашки с золотыми запонками. На правой руке обнаружили дорогие часы. Модно подстрижен, гладко выбрит, дорого благоухает — клиент был явно непростой, определил для себя капитан. Но за годы службы он сталкивался и не с такими товарищами.

Хозяин встал, широко раскрыл руки, словно приветствуя старого товарища:

— Капитан Бестужев, если не ошибаюсь? — он чисто говорил по-русски, небольшой акцент еле угадывался. — Я рад, что вы смогли придти до того, как подали обед. Мухамад, теперь готовьте на двоих — у нас гости, — бармен кивнул. — Как вы относитесь к баранине? — Этот вопрос адресовался уже Бестужеву.

— Крайне положительно.

— Тогда две порции, Мухамад. И не будем расстраивать гостя, возьми мясо с левого бочка, — бармен еще раз кивнул и ушел.

Джавадов жестом пригласил капитана занять пустующий стул. Тот принял приглашение и, не удержавшись, спросил:

— А какая разница, с какого бока брать мясо?

— Сразу видно жителя средних широт, — улыбнулся Джавадов. — Спросите любого пастуха на Кавказе, и он вам расскажет, что большую часть своей жизни барашек лежит на правом боку — и мясо получается более жестким. Но мяса нам придется немного подождать, а пока что давайте выпьем чаю, — за его стулом обнаружился небольшой столик, на котором дымился медный чайник, рядом стояли армуды. Хозяин взял две из них и перенес на общий стол. — На Востоке беседа двух уважаемых мужчин не может обходиться без чая, ведь этот напиток — символ гостеприимства и уважения к гостям.

Бестужеву нравился этот господин. Но не в его привычках было полностью доверять людям, с которыми только что познакомился. Вера не в счет! Поэтому капитан предпочел занять выжидающую позицию. В конце концов, это его пригласили на разговор, а не наоборот. Тем временем Джавадов продолжал ухаживать за гостем.

— Мы, азербайджанцы, любим черный крупнолистовой чай. Поверьте, это настоящий чай. Сахар?

— Предпочитаю пить чай несладким.

— Как это странно. У нас, на востоке, сладостям придают особое значение. От нашей пахлавы сходят с ума не только маленькие дети, но и их вполне себе взрослые родители. Кстати, вы знаете, почему мы отдаем предпочтение именно кусковому сахару?

— Наверное, очередная восточная традиция? — предположил Бестужев.

— Не совсем так, хотя восточный оттенок эта легенда, безусловно, имеет. Если в европейском мире предпочитали душить, рубить головы и топить неугодных людей, то на Востоке лидерство среди способов душегубства занимали яды. Еще с ханских времен в чай часто подмешивали отраву. И считалось, что сахар помогает определить наличие яда в чашке. Брали кусок, макали в чай — если был яд, то сахар мутнел, выпадал в осадок или происходила другая видимая реакция. Эдакая средневековая лакмусовая бумажка. Так ли все оно было на самом деле, уже сказать сложно. Но пить чай с сахаром вприкуску, действительно, стало у нас традицией.

— Я надеюсь, вы не собираетесь меня здесь отравить?

— Нет-нет, — рассмеялся Джавадов, — средневековое варварство осталось далеко позади. Хотя привычка кидать в чай лимон, мне кажется, передается азербайджанцами на генном уровне.

— Почему?

— Это продолжение той же самой легенды. Использовали-то яды повсеместно, вот только разнообразием отравы не отличались — в основном, это были природные яды змей или скорпионов. И считалось, что лимон служит отличным противоядием. Но чай разлит по

армудам, и я считаю, пора переходить от светских бесед к делу. Для начала разрешите мне, капитан, исправить свою оплошность.

— Какую?

— Я забыл вам представиться. Меня зовут Иса Джавадов. Я азербайджанец по рождению, но также имею гражданство еще шести государств. И, прежде всего, я один из верховных жрецов зороастрийцев. Вы знакомы с этой религией?

— Что-то слышал о Заратустре — то ли из книг Ницше, то ли из творчества группы “Пикник”...

— Ну уже что-то, — улыбнулся Джавадов. — А между тем зороастризм является одной из самых древних религий в мире. И первой, проповедовавшей единобожие. Да-да, еще до прихода Иисуса Христа в этот мир мы поклонялись единому творцу всего сущего. По крайней мере, не удивительно, что я занимаю один из высоких постов в автоконцерне “Mazda”.

— Не совсем понимаю...

— Ну как же? Имя нашего бога — Ахура Мазда. Ничего не напоминает?

— Да лааааадно, — протянул Бестужев. — Не хотите же вы сказать, что...

— Именно. Основатель компании Дзюдзиро Мацуда был истинным зороастрийцем, дорос до звания Верховного жреца и даже практиковал магические ритуалы огнепоклонников.

— Огнепоклонников?

— Да, это наше второе название. Ибо из огня появилась наша вселенная, в огонь и уйдет, — капитану показалось, что глаза Джавадова полыхнули. — К сожалению, сегодня восточным миром правит ислам. Но, поверьте, зороастрийцев больше, чем все думают. Впрочем, наша религия не ставит перед собой задачу стать мировой.

— А какую задачу она ставит?

— Самую что ни на есть эгоистическую. Хотя суть нашей веры, на первый взгляд, кроется в довольно филантропическом триединстве “Добрая мысль, доброе слово, доброе дело”. Но все эти призывы направлены, прежде всего, на самих себя. Мы верим в перерождение в лучших мирах, поэтому привыкли жить по принципу “чем аскетичнее жизнь здесь, тем прекраснее она будет в посмертии”. Мы, зороастрийцы, привыкли инвестировать в будущее. А мечту восточного народа — быть раджей и иметь сорок наложниц — еще никто не отменял.

Джавадов взял чайник и снова разлил дымящий напиток по армудам.

— Вот посмотрите, капитан, на главный символ зороастризма — фаравахар, — жрец вынул красивое портмоне, на котором был вышит человеческий образ в крылатом круге. Хотя Бестужев мог бы дать и другое описание: птица с орлиными крыльями и человеческой головой. — Фаравахар символизирует проводника человеческой души на пути к единению с Ахура Маздой. Его можно разделить на две части — левое и правое. Или зло и добро. Именно поэтому образ смотрит направо. Крылья имеют три ряда перьев. Уже догадались, что они обозначают?

- “Добрая мысль, доброе слово, доброе дело”, - ответил Бестужев.

— Верно.

— Если честно, ваш символ мне больше напоминает герб Третьего рейха.

— Оооо, Гитлер заигрывал с нашими жрецами. Как, впрочем, и с лидерами других религий. Один переработанный кельтский крест чего стоит. А так, вы правы, наш фаравахар,

безусловно, послужил прототипом для крыльев нацистов. Вот только орел у них чаще изображался смотрящим в левую сторону. Не изучили немцы магчасть до конца... А возьмите свастику. Впервые ее в качестве символа использовали как раз зороастрийцы. Разве это не восхитительно?

— Если честно, спорный повод для гордости, господин Джавадов. Вы мне прочитали интересную лекцию, но я далек от мысли, что вы, гражданин другого государства, а точнее, как вы сказали, нескольких государств, проделали путь в не так сильно раскрученный мировым туризмом Владимир, чтобы завербовать меня в свою веру.

— Вы правы, капитан. У меня исключительно эгоистические мотивы, как я уже сказал. Но так получилось, что мои чаяния совпадают с вашими. Меня никак не устраивает тот факт, что мир может полететь в тартарары. Ведь я еще не завершил свой жизненный путь здесь, моя карма не настолько чиста, чтобы со спокойной душой думать о прекрасном далеком. Впрочем, об этом чуть позже — принесли барашка.

В дверь вошел Мухамад, в руках он держал большой медный поднос. Запахи были настолько дразнящими, что у Бестужева мигом рот наполнился слюной. На подносе было перемешано несколько блюд: и просто шашлык из баранины, и каре ягненка, и люля-кебаб, завернутый в тонкий лаваш. Вперемешку с мясом лежали запеченные на гриле овощи: помидоры, перец, картофель, баклажаны.

Мухамад вышел за дверь, но тут же вернулся с двумя подносами в руках меньшего размера. На одном лежала долма, на другом — кутабы.

— Я знаю, что в России, в основном, предпочитают кутабы с мясом, но я настоятельно рекомендую попробовать с зеленью. Пальчики оближете, — Джавадов вновь примерил на себя образ гостеприимного хозяина.

Следующие двадцать минут они оба молча ели. Отказаться от угощения было выше человеческих сил. А остановиться можно было, лишь набив желудок до отвала.

Наконец оба собеседника наелись — при этом не съев и половины предложенных угощений. Мухамад принес бутылку вина и два бокала.

— Прекрасное гранатовое вино, капитан. Только в Азербайджане делают настолько вкусный и насыщенный напиток. К сожалению, на исторической родине я сейчас бываю не часто, но регулярно выписываю себе это вино.

— Я за рулем, — попробовал протестовать Бестужев.

— Да ладно вам, я прекрасно знаю, что не все российские законы написаны для российской полиции. Так что не откажите себе в удовольствии.

Вино, действительно, оказалось великолепным. Одновременно сладкое и кислое, в меру вяжущее, оно оставляло неизгладимое послевкусие.

— Итак, капитан, вы все гадаете, каким же образом так сложились звезды, что вы сидите в одном ресторане с человеком, который своим образом жизни, верой и привычками очень далек от вас? Почему мы непринужденно пьем вино и рассуждаем о роли зороастрийцев в мировой истории?

— Примерно так.

— Я отвечу на ваши вопросы. Но при одном условии: все, что вы сейчас услышите, вы не будете предавать огласке. Я дам вам некоторую информацию, которую вы сможете использовать для своего расследования, но не для огласки. Вы можете мне это обещать?

— Честно говоря, все будет зависеть от характера ваших данных.

— Давайте так, капитан. Представьте, что я — один из ваших информаторов. А свои

источники, как мы знаем, раскрывать не принято.

— Ладно, договорились. В конце концов, я вам должен за такой невероятный обед и вино.

— Смотрите, — Джавадов нервно теребил пальцы рук, — о некоторых фактах, о которых я вам сейчас расскажу, знают очень немногие в этом мире. Однако без них вы мне не поверите. Я прошу: не настраивайтесь сразу скептически. Дело в том, что некоторые тайны предназначены только для ушей и глаз избранных, остальные их просто не поймут.

— Господин Джавадов, давайте без прелюдий, переходите к делу.

— У зороастрийцев испокон веков есть несколько центров. Этакие Мекки или Ватиканы, чтоб было понятней. Один из таких центров спрятан в районе пика Демавенд — самой высокой точки государства Иран. Там есть храм, где мы проводим определенные ритуалы.

— Почему именно там?

— Потому что под землей много нефти и газа, и, следовательно, — много огня. А все наши ритуалы, как вы понимаете, капитан, замешаны на огне. Но это не главная причина, — Джавадов замолчал, видимо, все еще сомневаясь, стоит ли выдавать свои тайны. Наконец, решившись, он сказал: — Дело в том, что в этом храме живет Фаравахар.

— В смысле? — опешил Бестужев.

— В прямом. Фаравахар — не просто символ зороастризма, это еще и живое магическое существо. Когда-то каждый храм огнепоклонников имел своего фаравахара. Сегодня их осталось всего два.

— Извините, Иса, но сейчас вы говорите как фанатик. Мне сложно вам поверить.

— Мы предполагали это, поэтому я готов вам показать его, — он достал из кармана айфон и показал Бестужеву видеофайл. Огромная огненная птица, немного напоминающая орла, парила под куполом какого-то древнего храма. Видео длилось всего пять секунд, но этого было достаточно, чтобы повергнуть капитана в еще больший шок.

— Что это такое? Это монтаж?

— Нет, капитан, это правда. Фаравахары существуют. Кстати, в ваших широтах они тоже были, только назывались по-другому — жар-птицами. К сожалению, браконьеры уничтожили последнего около тысячи лет назад.

— Поразительно, — все еще не мог отойти от увиденного и услышанного Бестужев. — А что может эта магическая птичка?

— Многое. Сами понимаете, всего я сказать не могу. Для этого вам, капитан, необходимо достичь уровня Верховного жреца. Но кое-чем я с вами поделюсь. Фаравахар может видеть будущее и делиться картинами грядущего со жрецами в виде образов. Так вот, примерно пару месяцев назад Фаравахар стал слать абсолютно апокалиптические картины: разрушенные города, миллионы убитых людей, валяющихся прямо на улицах, непрекращающиеся природные катастрофы и прочие ужасы. Сначала мы подумали, что грядет ядерная война. Но потом поняли, что дело обстоит еще хуже.

— Куда уж хуже, — пробормотал Бестужев.

— Поверьте, капитан, всеобщее уничтожение стало бы для человечества быстрым и легким итогом их существования. Но есть варианты похуже.

— Например?

— Например, воцарение Шайтана в нашем мире. Неоднократно предсказанное пророками разных религий, оно всегда воспринималось людьми как красивая сказка. И это

очень обижало Шайтана. Все прошедшие тысячелетия он вынашивал планы по восхождению на трон. И, кажется, он что-то придумал. И вот такая гибель для нашей планеты будет долгой и мучительной, уж поверьте мне, старому жрецу.

— Не такой уж вы и старый, — попытался разрядить обстановку Бестужев.

— Внешность бывает обманчивой, капитан. Всегда помните об этом, — Бестужеву снова показалось, что в глубине черных глаз Джавадова на мгновение вспыхнуло пламя.

Мистика, мистика, сплошная мистика. Слишком много сверхъестественного случилось за последние несколько дней. Это начинало утомлять. Капитан уже скучал по простым и понятным убийствам и кражам трудового населения города Владимира. А еще — начинал подозревать, что это дело окажется ему не по зубам. Впрочем, еще рано посыпать голову пеплом, максимума усилий Бестужев пока что не приложил. Иса Джавадов тем временем продолжил:

— Фаравахар указал нам место, где начнется адская пляска. Точнее, координаты. Оказалось, что это Золотые ворота в русском городе Владимире. Так как я знаю ваш язык, именно меня направили сюда на разведку. Уже на подъезде к городу я почувствовал, что силы зла разгулялись здесь не на шутку. И это было древнее, как мир, зло.

Золотые ворота я узнал сразу — по видениям Фаравахара. В арке остались эманации произошедшего в ней кощунства. Зло, словно плеть, хлестала меня, и на мгновение я обезумел. Мне показалось, что я опоздал, и конец света уже наступил. Я пытался донести это слепым людям, которые, как ни в чем не бывало шли по своим делам. Не помню, сколько это продолжалось, хорошо, что ваша доблестная полиция, пусть и не совсем корректно, но сумела меня отрезвить.

Уже после посещения вашего отделения я связался с другими жрецами и передал им свои ощущения. Некоторые из них передали их Фаравахару. Тот ответил, что война за землю еще не проиграна. Она только начинается. Но первый бой остался за силами тьмы. Шайтан готов лично придти в наш мир. В последний раз такое случалось пять тысяч лет назад. Тогда великий герой, прародитель армянского народа Айк Наапет в великой по масштабам битве сразил войско Шайтана.

— Никогда о таком не слышал.

— Ничего удивительного, — пожал плечами Джавадов. — Ваши современники вообще любознательностью не отличаются. Факт остается фактом — Айк был могучим воином, сегодня таких уже нет. Нынче военачальники больше рассчитывают на мощь своих ракет, а не на силу духа бойцов.

— Откуда вы так много знаете про этого Айка, вы ведь не особо дружите с армянами...

— Не надо путать пресное с жареным, капитан. Современные политические игры не имеют никакого отношения к великой битве между добром и злом.

— Договорились. Но у меня все равно уже голова идет кругом от волшебных птиц и могучих воинов. Давайте подытожим то, что вы мне сказали. Во-первых, на пороге война человечества с силами зла. И война эта неизбежна.

— Правильно.

— Во-вторых, итогом этой войны может стать воцарение Дьявола или Шайтана, как вы его называете, на Земле, что приведет к всеобщему уничтожению.

— Истинно так.

— И, в-третьих, полем битвы выбран наш Владимир. Кстати, что говорит ваша птица на этот счет? Почему именно этот город?

— Ответ я вам дам и без фаравахара. Подойдя к Золотым воротам я почувствовал силу этого места. Вы знали, что памятник вашей архитектуры поставлен на скоплении огромного количества энергии?

— Догадывался, — буркнул Бестужев.

— И что он соединен с другими такими же местами силы? Вижу, что и это для вас не секрет. Что ж, может быть вы знаете, для чего древние соединяли подобные источники энергии?

— А вот здесь у меня пробел в образовании.

— Обычно чтобы создать замкнутую магическую печать. Своеобразный замок. Вот только какие двери он запирает?

Что-то такое он сегодня уже слышал. Где же? Ах да, Инга рассказывала о магических треугольниках, которые сходились в итальянском Турине. Значит, это тоже, скорее всего, были печати. И Инга, даже не подозревая, дала наводку, что они могли бы запечатывать. Вход в ад. Возможно ли такое здесь, в тихом провинциальном Владимире? Бестужев поделился своими мыслями с зороастрийцем.

— Насколько мне известно, в мире существует всего два входа в преисподнюю. Один, как вы правильно указали, находится в Турине под присмотром тайной канцелярии Ватикана. Другой — охраняется монахами тибетских монастырей.

— Но где два входа, там и третий, — не успокаивался Бестужев.

— Это вряд ли. Есть другая мысль. Тогда, пять тысяч лет назад, Шайтан не просто проиграл бой. По легенде, Айку удалось пленить дьявола. А значит где-то может находиться его темница.

— И вход находится во Владимире? — это было уже чересчур.

— Это лишь одна из теорий, капитан. Истину же искать вам.

— Мне? Вы смеетесь? Если даже сотая часть из того, что вы мне здесь рассказали, — правда, то капитану российской полиции лучше умыть руки и провести остатки отведенного человечеству времени в пьянстве и блуде. Раз уж сорок наложниц в другой жизни нам не светит, то надо брать их сейчас.

— Не получится, капитан. Я вижу это в ваших глазах. Фаравахар показал мне и вас тоже. Вполне возможно, вам предстоит стать новым Айком и спасти этот мир. Я увидел силу у вас внутри. Это была моя последняя миссия. Я уеду, но вы всегда можете рассчитывать на помощь зороастрийцев.

— Уедете? Сейчас? А как же битва добра со злом?

— Вспомните, что я вам говорил: огнепоклонники — такие эгоисты. Все, что должен был, я вам рассказал. И еще раз напоминаю об обещании не делиться ни с кем нашими секретами.

— Ну и черт с вами, справимся сами, — угрюмо сказал Бестужев. — А насчет информации, не бойтесь, я дал вам слово. Единственные люди, кому мне придется обо всем рассказать, — мой отдел.

— Сколько человек?

— Двое. Лейтенант Олег Веретенников и внештатная сотрудница Инга Татарникова. Ах да — еще третий, назначенный руководитель расследования Лозелло Парисович Хачериди.

— Как? — ахнул Джавадов. — Он даже не стесняется бравировать своим собственным именем. Ах ты ж демон рогатый!

— Вы знаете его?

— Капитан, остерегайтесь этого Хачериди. Да и своим тоже пока ничего не говорите. Придет время, тогда и расскажете. Хачериди — не тот, за кого себя выдает. Это очень опасный человек, если он вообще человек. Впрочем, это уже не важно. Время работает против нас, капитан. Я уезжаю немедленно, нужно собирать армию — скоро грянет.

С этими словами Иса Джавадов поднялся, давая понять, что беседа окончена. Бестужев тоже встал. У него еще оставались вопросы, но ему очень хотелось выйти на улицу и просто убедиться, что жизнь в городе не остановилась и никакие магические птицы не летают по небу.

Зороастриец уже не обращал никакого внимания на полицейского, он быстро набирал кому-то сообщение.

Появился Мухамад и жестом пригласил следовать за собой. Уже в дверях Бестужева остановил окрик Джавадова:

— Слушайте свое сердце, капитан. И следуйте моему совету: не надо лежать на правом боку. Да и на левом — тоже не надо. Двигайтесь, ищите, боритесь, а то превратитесь в одного из барашков, которого с удовольствием съедят ваши враги.

Глава 15. Паломничество

Кажется, Бестужев отсутствовал в отделении всего пару часов, но ему показалось, что прошло несколько дней. Здание РОВД взяли в осаду журналисты. И если судить по логотипам на микрофонах — не только местные. Они все что-то кричали, чего-то требовали. Их пытались успокоить сотрудницы пресс-службы — две хрупкие девушки модельной внешности. Да, девчонки, это вам не монотонные комментарии о серых буднях владимирской полиции...

Поработав локтями, Бестужев пробрался внутрь. Поймав за локоть одного из дежурных, он спросил:

— Что за шум, а драки нет?

— Драка вот-вот грянет. Эти вороны слетелись, когда узнали о смерти Ивана Голодного. Он, оказывается, кумир миллионов, блин, — и дежурный убежал отвечать на разрывающиеся телефоны.

Вот оно как, размышлял Бестужев. Русский патриотизм в действии. Убили гражданина Сальвадора или Италии — что ж, бывает. Маньяк беснуется — ну нас же пока не трогает, только иностранцев. А грохнули чудаковатого гермафродита — поднялась народная волна гнева. Да — урод, зато наш урод, свойский.

Капитан поднялся в приемную Булдакова. Как он и ожидал, полковник заперся у себя, а на амбразуру кинул девочек из пресс-службы. Если эти акулы схвают их — не беда, новых найдет. Бестужев попросил секретаря доложить о себе, та сняла трубку и что-то тихо в нее сказала. Потом посмотрела на капитана:

— Заходите, Александр, он вас ждет.

Бестужев с опаской переступил порог кабинета. Он понимал, что сейчас не лучший момент для общения с шефом. Но он должен был обсудить информацию по Хачериди, полученную от зороастрийца. Шеф явно находился в подавленном состоянии. Похоже, он плохо спал и слегка перебарщивал с виски — выглядел очень усталым и помятым. Небрит, растрепан, узел галстука съехал в сторону, на столе перед открытым ноутбуком стоял стакан, наполненный почти до краев. Он оторвал красные глаза от монитора и посмотрел на Бестужева:

— Вот посмотри: мне пресс-служба мониторинг прислала. Просто потрясающий репортаж с Первейшего канала. Меня за него уже Морозов полюбил, мэр заезжал — тоже полюбил, потом губернатор звонил — опять полюбил. Даже грек этот долбаный — и тот полюбил. А мне кого за это безобразие любить? Может, тебя?

Булдаков развернул ноутбук к Бестужеву, перемотал файл на начало и запустил. Репортаж вышел в стиле федеральных каналов: мало фактов — много паники и истерии.

“Всего в ста восьмидесяти километрах от Москвы — в древнем городе Владимире — свила гнездо сатанинская секта. И начала свою деятельность с размахом. Современным поклонникам Вельзевула уже мало наряжаться в маски и балахоны и приносить в жертву черных котом. Ритуалы двадцать первого века отличаются особой жестокостью.

Наш источник в местной полиции, пожелавший остаться анонимным, сообщил, что жертвами так называемых неосатанистов стали даже жители иностранных государств — то есть простые туристы. Такому популярному проекту как “Золотое кольцо России” нанесен непоправимый ущерб.

Алексей Кирьянов, руководитель сообщества туроператоров ЦФО: “Мы все будем нести убытки. Пока что сложно посчитать их размер, но речь, безусловно, идет о десятках миллионов рублей. Наши юристы уже начали готовить обращение в Правительство о возможных мерах поддержки туристического бизнеса из-за недавних событий”.

Точное число жертв сатанистов сейчас не назовет никто. Есть предположение, что некоторые останки так и не будут обнаружены, потому что тела либо сожжены, либо съедены. Да-да, вы не ослышались, каннибализм — вполне привычное дело среди почитателей дьявола.

Город, безусловно, напуган. Люди перестают выпускать детей на улицы, некоторые даже берут отпуска за свой счет, чтобы пересидеть страшное время дома.

Вера Ивановна, жительница г. Владимира: “По ночам ходят по улицам с зажженными свечами, поют что-то. Страшно так, что заснуть невозможно”.

Клавдия Семеновна, жительница г. Владимира: “А вот вчера мне муж мой покойный приснился. Так он сказал, мол, беги, Клава, из города, скоро он будет во власти нехристей поганых. И я передаю его предостережение всем жителям”.

При этом полиция, как водится, бездействует. Наша съемочная группа проехала по городу и не обнаружила никаких дополнительных патрулей; по словам нашего источника, никаких задержаний еще не проводилось. Пока что нас кормят обещаниями.

Владимир Булдаков, полковник полиции: “Сейчас в оперативной разработке находится сразу несколько версий — мы отрабатываем даже самые невероятные из них. Скажу прямо: уровень наших сотрудников и современных технологий позволяют с оптимизмом утверждать, что маньяк — или маньяки — будут обязательно пойманы”.

Несмотря на бравурный доклад начальника РОВД, складывается впечатление, что у полиции нет ни версий, ни подозреваемых. Хотя ответы на все вопросы лежат на поверхности. Например, в Западной Европе с сатанистами уже давно не церемонятся: полиция устраивает регулярные облавы, суды выносят суровые приговоры. Но мы, как известно, отстаем в развитии от Запада на несколько десятилетий. Особенно, если речь идет о провинции.

Лилия Бессеребренникова, Анатолий Звонкий, специально для Первейшего канала”.

— Хотел бы я знать, кто же этот источник — оторвал бы голову, — зарычал Булдаков.

— Да ладно тебе, Егорыч, нет у них никакого источника, все — это бред из головы этой журналистки, как ее — Бессеребренниковой, — успокоил шефа Бестужев. — Нет у них информации, вот и берут ее из головы — лишь бы пострашнее было. Так что не бери в голову тяжелого. Тут у нас другая проблемка нарисовалась.

И капитан рассказал о разговоре с Джавадовым, по понятным причинам, опустив информацию о тайнах зороастрийцев Булдаков выглядел озадаченным, но не удивленным.

— Ох, мне этот грек сразу не понравился, — сказал он. — Попробуем что-нибудь выяснить.

Полковник снял трубку телефона и набрал короткий номер.

— Алексей Макарович? Это Булдаков беспокоит. Да, я помню наш утренний разговор, мы работаем. Тут открылись новые обстоятельства... Рядом со мной капитан Бестужев, он лучше расскажет. Я поставлю на громкую?

Видимо, получив добро, он нажал на кнопку громкой связи. Судя по голосу, Морозову в Москве сейчас тоже приходилось не сладко из-за владимирских событий.

— Слушаю вас, капитан, говорите быстро и по делу.

— Так точно, товарищ генерал. У меня, в принципе, к вам один вопрос: что вы можете рассказать о сотруднике ФСБ Хачериди?

Морозов ответил не сразу.

— Почему вы им интересуетесь?

Бестужев еще раз рассказал о своей беседе с азербайджанцем. На это генерал ответил, но очень осторожно, взвешивая каждое слово:

— Когда мне стало известно о назначении данного субъекта на это дело, я, конечно же, им заинтересовался. Я попытался “пробить” его по своим каналам, но у меня ничего не получилось — он оказался глубоко засекреченным агентом. Даже заместитель руководителя ФСБ о нем ничего не слышал, ну а к начальнику я, понятное дело, не сунулся.

— То есть мы о нем ничего не знаем, — уточнил Бестужев.

— Вот именно, — подтвердил генерал. — И этот момент насторожил меня больше всего. Конечно, неприятно, когда двух иностранцев распинаят в областном центре, но это уж точно не событие мирового масштаба. Тем более, что грохнули двух преступников. За итальянца Гуэрру, нам, кстати, от Интерпола еще и благодарность прилетела. Так вот на это дело вдруг назначается сверхсекретный агент. С чего бы это?

— И какие мысли пришли вам в голову? — поинтересовался Булдаков.

— Разные. Мне кажется, что грек заранее знал, что события смогут выйти из-под контроля. Что помимо двух жертв будут еще. То есть он изначально был информирован лучше, чем мы думали.

— Но он с нами не делился никакими своими идеями, — сказал капитан.

— И со мной тоже — на наших совещаниях, — добавил полковник.

— Вот то-то и оно, — резюмировал Морозов. — Получается, что Хачериди знает больше, чем мы все вместе взятые. Но при этом не считает нужным делиться с нами информацией. Каковы его мотивы?

— Возможно, он просто следит за ситуацией, чтобы никакая лишняя информация не утекла. Может, ему поставлена задача в конечном итоге засекретить всю операцию, — предположил Булдаков.

— Возможно, но при этом журналисты узнают факты о расследовании зачастую раньше Москвы. Как это объяснить?

— А, может, Хачериди играет какую-то роль в том бардаке, который сейчас у нас тут происходит? — тихо спросил Бестужев.

— Заметь, не я об этом сказал, — усмехнулся Морозов. — Но такие мысли и мне приходили в голову. Давайте сделаем так. Полковник, установи-ка за греком негласную слежку, ну и телефон поставь на прослушку, естественно. Капитан, а ты попроси покопаться в грязном белье нашего Хачериди свою сексапильную помощницу — Ингу, кажется. Может, что и нароет. Я же, в свою очередь, попытаюсь еще раз слазить в разведку — может, тоже чего обнаружу. Через несколько дней соберемся и поделимся результатами.

Однако за следующие два дня ситуация накалилась до предела, и заниматься греком стало некогда. В городе началась настоящая паника — журналисты все же перегнули палку. Жители сбивались в добровольческие бригады и выходили на улицу в поисках маньяка. Возбужденные жадной крови толпы рыскали в сумерках по всему Владимиру: страх за свои семьи сделал людей жестокими и кровожадными.

Они хватали и избивали всех, кто казался им подозрительными. Так, на улице

Белоконой сломали ребра очкарику-металлисту, который шел домой в балахоне “Коррозия металла”. На Юбилейной, прямо на детской площадке покалечили трех подростков-готов, мирно сидевших и пивших пиво. В районе площади Ленина изувечили двух алкашей — как потом оказалось, просто попали под руку. И это не считая мелких случаев, когда озверевшие мужики ограничивались устными внушениями. Слава Богу, пока что никого не убили. Но Бестужев чувствовал, что суд

Линча себя ждать не заставит.

Тем более, что поводов прибавлялось с каждым часом. Информация в наш век разлетается в считанные мгновения. Капитан уже боялся открыть Интернет: только ленивый не обсуждал владимирского маньяка-сатаниста. Однако далеко не все его осуждали. Многие секты, находившиеся в подполье, решили, что сейчас самое время сделать coming out. Они стали съезжаться во Владимир, раздражая и без того нервных местных жителей. Правда, справиться с десятком сатанистов — не то же самое, что проучить пару подростков. Гости давали отпор, и, в целом, ситуация стала напоминать гражданскую войну.

А сатанисты настолько обнаглели, что даже подали запрос в мэрию на проведение санкционированного шествия в центре города. Дескать, у нас в России свобода вероисповедания, поэтому они тоже имеют свои права. В своей петиции они даже просили перекрыть движение в центре города. Ведь для пасхальных шествий транспорт убирают, а мы чем хуже?

Но самыми отчаянными оказались фанаты Ивана Голодного. Бестужев с удивлением узнал, что за последние несколько лет тысячи тинейджеров по всей стране сделали себе операцию по добавлению пола, вдохновившись примером Голодного.

Они прибывали во Владимир целыми вагонами. Сутками простаивали перед городским моргом с требованием выдать им тело кумира. Труп Булдаков приказал не захоранивать, пока не закончится следствие. Гермафродиты пикетировали здания областной и городской администраций, прокуратуры и Следственного комитета. Они писали открытые письма Президенту и Премьер-министру. Естественно, каждый их шаг освещался прессой, которая, почуяв долгоиграющий сюжет, также обосновалась в городе надолго.

Естественно, все эти мелочи отвлекали Бестужева и компанию от основного хода расследования. Капитан пытался скидывать стычки и избиения на других полицейских, но те со спокойной душой возвращали их Бестужеву обратно под предлогом имеющихся отношения к делу сатанистов.

Они с Олегом погрязли в этой рутине. В попытках разобраться, какой инцидент мог помочь им в расследовании, а какой — нужно отклассифицировать как обычную хулиганку, они теряли много времени. Капитан забыл о попытках уличить Хачериди в нечистой игре — пусть об этом голова болит у начальства.

Кстати, сам грек выглядел, как всегда, бодрым и ухоженным. Он не терял присутствия духа, одновременно раздавал задачи оперативным группам, выслушивал отчеты их коллег, совещался с Булдаковым и проводил “летучки” в отделе Q. Всех окружающих он призывал не терять оптимизма, говорил, что сыщики на верном пути и вот-вот возьмут след.

При этом сам маньяк больше не объявлялся. На всякий случай Бестужев приказал взять под наблюдение потенциальные места расположения древних ворот Владимира. Был созван специальный консилиум из историков-краеведов. Умные мужи провели несколько часов в жесточайших спорах и, в результате, выдали капитану список из тридцати пунктов с улицами и номерами домов. Бестужев показал его Вере (ей он доверял больше, чем всем

ученым вместе взятым) и откорректировал его до восьми пунктов.

Однако наблюдение ничего не дало. Мистер Х затаился, словно почувствовав, что полицейские только и ждут его выхода. На одной из “летучек” капитан спросил мнение Хачериди, почему маньяк больше не убивает.

— Кто ж залезет в голову монстру? — развел руками грек. — Может, он завтра выйдет и убьет троих? А, может, это случится через год? Еще версия: в город не прибыли потенциальные жертвы, он же у нас избирательный, не убивает абы кого. А есть и еще одна теория.

— Поделитесь?

— Конечно. Может быть, наш Мистер Х уже сделал свое дело? Добился того хаоса, который сегодня происходит на улицах города. И в новых трупах нужды нет.

Эта мысль Хачериди не давала капитану покоя. Что если он прав, и Мистер Х, как тот пресловутый мавр, сделал свое дело и теперь со спокойной душой может покинуть сцену? Это значит, что на его поимку могут уйти годы и даже десятилетия. А вот те зерна, которые он посадил, дали всходы уже сейчас.

...Бестужев планировал подняться к полковнику, как его внимание привлек Олег, стоявший у окна:

— Шеф, смотри, и до нас со своими демонстрациями добрались.

Бестужев подошел к напарнику. На улице, перед зданием РОВД, выстроились фигуры в темных широких балахонах. На головы были накинuty капюшоны, в руках они держали массивные горящие свечи. Капитан насчитал тринадцать человек — здесь все ясно, чертова дюжина — сатанинское число. Пришли провести очередной показушный ритуал.

— Черт с ними, Олег. Если их сейчас разогнать, они сразу на телевидение бросятся с рассказами о полицейском беспределе. Так что пусть постоят, пока не надоест, потом сами уберутся.

— Шеф, а они не просто стоят, они там что-то то ли шепчут, то ли говорят.

— А ну-ка открой окно, послушаем.

Олег открыл створки стеклопакета, и оперативники услышали очень слаженный и мелодичный речитатив. Прислушавшись, они начали разбирать слова:

— Это какая-то дьявольская молитва, мне кажется, — неуверенно сказал Олег.

В этот момент сатанисты петь перестали, резко выдохнули, набрали полную грудь воздуха — и затянули ту же песнь по новой. На этот раз они пели громче, и Бестужев смог разобрать все слова.

Радуйся, Самаель, Князь Тьмы!

Ты еси Дьявол Великий, старше бога света,

Бог Хаоса, Темный Отец.

Радуйся, Малхира, Князь Запада,

Бывший Ангелом Света прежде света

И Царем Зла ставший против бога!

Радуйся, Черное Солнце, Солнце Мертвых,

Ангел Смерти, Мира Мертвых,

Творец Смерти Мира Мертвых, Царь Смерти Мира Мертвых!

Радуйся, Стоящий на Западе, Противостоящий Востоку.

Ты еси Защитник нечистых и нечестия,

Угнетатель божественного.

Радуйся Самаель, Князь Тьмы, Ночи, Змий Древний,
Враг бога, Враг рода людского, Левиафан Возрожденный.
Ты же еси Зверь царства, Отец Каина, Отец Армилия.
Ты же еси Определитель Смерти, Князь Ада.
Взываем к Тебе, призываем Тебя, приди и победи!!!
Взываем к Тебе, призываем Тебя, приди и победи!!!
Взываем к Тебе, призываем Тебя, приди и победи!!!

— Твою дивизию, — вскричал Бестужев. — Последняя фраза. Мы ведь уже встречали ее. Это же тагуировка, которую мы собрали с тел наших жертв. Значит, это не простые сатанисты, они могут что-то знать. Олег, бежим, нужно арестовать хотя бы парочку из них, а лучше — определить главаря группы, — и капитан сорвался с места.

Но они не успели. Пока опера, перепрыгивая через три ступеньки, неслись на улицу, сатанисты, не торопясь, с достоинством, достали из складок балахонов кривые ритуальные ножи. Молча, но как будто по команде, они поднесли их к своим шеям и синхронно провели ножами по горлу. Кровь фонтаном брызнула на асфальт, мгновенно окрасив мостовую.

Выбежавшие Бестужев с Олегом с ужасом смотрели на агонию тринадцати человек. Капитан попытался зажать горло одному из мужчин. В ближайшем приближении оказалось, что это был подросток лет шестнадцати.

Из дверей РОВД выбежало еще несколько сотрудников. С раскрытыми от ужаса глазами, они столпились вокруг хрипящих, умирающих людей, не зная, что им предпринять.

— Скорую вызывайте! Скорее! — закричал Бестужев. Он убрал руки от мальчика и посмотрел на свои окровавленные ладони. К нему подошел Олег. — Что здесь только что произошло? Скажи мне.

— Кажется, я понял, кто они, — произнес Олег и ошарашенно посмотрел на Бестужева. — Ну все те, кто приехал в наш город за последние несколько дней.

— Ну?

— Шеф, это паломники, мать его. Честное слово, я такое в одной турпоездке видел. Они приходят, приезжают, приплывают и даже прилетают в одно место, чтобы чествовать кого-то: святого или его мощи, например. Или празднуют какое-то событие. Вот только я в толк не возьму, чем им тут намазано. Ну не из-за маньяка же они здесь...

— Кажется, я знаю, Олежек, в чем дело. Они все здесь собрались, чтобы поприветствовать конец света и восславить приход Сатаны.

Глава 16. В тупике

Массовый суицид, совершенный паломниками перед зданием Комсомольского РОВД, ввел весь город в состояние ступора. Общественные бригады расформировались сами собой — люди пытались проводить вне дома как можно меньше времени. У кого была возможность — уезжали из города к родственникам и друзьям, наплевав на работу и незаконченный учебный год. Впрочем, учителя и начальники сами резко уходили на больничный или брали отпуск за свой счет.

Удивительно, но присмирели и журналисты. Наконец-то и до них дошло, что в городе происходят страшные и необъяснимые события. И что каждый репортаж, каждая статья лишь подкидывают дрова в и без того пылающий костер страха и паники.

Даже вечно бодрый Хачериди осунулся после смертоносного ритуала. Из него ушла присущая ему бездонная бодрость. Он стал меньше говорить, раздавать указаний, а наоборот — больше времени стал проводить в размышлениях, словно пытаюсь более точно просчитать следующие шаги. Свои в частности и всего отделения в целом.

Кроме того, Бестужев продолжал подозревать, что секретный агент знает об этом деле намного больше, чем говорит. Капитан даже объяснил себе резкую смену настроения грека. Мол, даже сам Хачериди не мог заранее предсказать, насколько ситуация может настолько выйти из-под контроля, когда тринадцать человек, из которых пятеро — несовершеннолетние, смогут вот так вот запросто перерезать себе горло.

Хотя подобные ужасы в истории человечества уже происходили — Инга раскопала очередную порцию шокирующей информации. Так, в прошлом люди время от времени лишали себя жизни целыми городами в страхе быть плененными. Эта участь постигла, например, израильскую крепость Масада на заре нашей эры или литовский город Пиленай в 14 веке. В конце Второй мировой войны жители немецкого Деммина, чтобы не попасть в руки советских солдат, решили покончить жизнь самоубийством целыми семьями. Опасаясь пыток, изнасилований и расстрелов, они резали вены, топились, вешались и даже жгли друг друга. Такими же мотивами руководствовались японцы после того, как американские войска захватили остров Сайгон. Около десяти тысяч человек предпочли плену смерть в морских пучинах. Эта скала самоубийства, как ее прозвали потом, до сих пор является священным местом для японцев.

Самое страшное в этом списке массовое самоубийство произошло в начале двадцатого века в Денпасаре на острове Бали. Голландские войска вторглись в город и осадили королевский дворец. В какой-то момент из здания в полной тишине вышла процессия во главе с раджой и священниками. По сигналу они начали резать друг друга ножами. Тогда погибло более тысячи человек.

Современная история знает не менее жуткие случаи массовых суицидов на религиозной почве. В 1997 году члены культового общества “Небесные врата”, верившие, что за их душами летит инопланетный корабль, в течение недели умерщвляли сами себя. Тридцать девять человек выпили смертельную смесь водки и фенобарбитала — все это ради того, чтобы душу приняли на борт космического корабля.

Семьдесят четыре адепта другого культа — “Храм солнца” — в период с 1994 по 1997 годы массово травили, стреляли и душили друг друга. Они верили, что их нынешнее существование — лишь иллюзия, а настоящая жизнь — на одной из планет в созвездии Пса.

Туда не долететь, но там можно переродиться.

Но больше всего Бестужева и компанию поразил случай, произошедший в 1978 году в городе Джонстаун, Гайана. 18 ноября стал последним днем в истории культа “Храм народов”. Его основатель американский проповедник Джим Джонс убедил своих последователей одновременно принять яд. Погибло более девятистот человек, в том числе почти триста детей.

...Странное всеобщее оцепенение, появившееся после массового самоубийства перед РОВД, продлилось еще несколько дней. За это время оперативники, усиленные коллегами из соседних регионов, в том числе из Москвы, не жалея сил, пытались найти ответы на свои вопросы. Как Ганадор и Гуэрра пересекли границу? Почему они решили поехать именно во Владимир? С кем они здесь встречались? Каким образом убийца совершил свои убийства? Где он взял три креста (или материал для них) для совершения своих ритуалов? Это были самые главные вопросы, у полицейских было еще много мелких.

На следующий день после самоубийства сатанистов Бестужеву позвонил Стрельцов. За годы совместной работы капитан привык, что медэксперт своими вскрытиями помогает приблизиться к раскрытию того или иного преступления. Но в данном случае каждый визит к Серафимычу или звонок от него лишь сгущали и без того непроглядные покровы тайны. Этот раз не стал исключением. Стрельцов пригласил капитана зайти. Дважды Бестужева уговаривать не пришлось, и уже через полчаса они с Олегом входили во владения доктора.

Прежде всего Серафимыч предложил коллегам выпить.

— Трупов что-то многовато стало, — извиняющимся тоном сказал он. — Зрелище то еще. Вот — жахните по стаканчику, полегче будет.

С этими словами доктор протянул полицейским по стаканчику с чем-то очень ядреным. Олег с недоверием взял один в руку, поднес к лицу и принялся.

— Что ты как криминалист? — улыбнулся Бестужев. — Сначала рубильник в стакан засунул, а только потом на язык покапал. Глотай залпом — Серафимыч плохого не посоветует.

И подал пример. Жидкость скользнула по пищеводу и обожгла желудок. А через секунду — вырвалась обратно со всем съеденным за сегодняшний день. Стрельцов предусмотрительно подставил металлический контейнер для хранения органов.

— Вот так, вот так, — удовлетворенно сказал он. — Теперь ты готов войти.

Олег, глядя на шефа, вытирающего платком рот, с отвращением отдал стакан обратно Стрельцову. Тот невозмутимо его принял:

— Ну как знаешь, смотри потом сам, я предупреждал.

Пожалел о невыпитом бедный Олежек практически сразу, как они вошли в зал. От вида раскуроченных мертвых тел, валяющихся где попало, его начало выворачивать по-серьезному. Желудок просто был не готов к увиденному.

— Я ж говорю: трупов много, а столов мало. Можно было бы в мертвецкую их отнести, но ходить туда-сюда нет ни сил, ни времени, — снова принялся извиняться Стрельцов и закурил. — Я тут дымлю почаше, но мертвецы пахнут резче сигарет, увы.

— Да нормально все, — отрезал Бестужев. Его организм тоже хотел было возмутиться, но вовремя вспомнил о пройденной недавно шоковой терапии и затих. — Что ты имел нам сказать?

— Ох, Саша, продолжают дьявольские козни, не к добру все это, — запричитал Стрельцов. — Попомни мои слова.

— Не каркай, Серафимыч.

— Да я чего... — махнул он рукой. — В общем, о причине смерти наших суицидников вы все знаете и без меня. Острым предметом рассечены связки и артерии в области шеи. Кстати, ножики не простые — за такие любой коллекционер отвалит немалое состояние, — он взял в руку один из длинных кинжалов с волнообразным лезвием. — Родом они с Малайского архипелага. Такой нож называется крис. Это одновременно и ритуальный, и церемониальный, и статусный предмет.

— Старые?

— Конкретно эти — да. Сейчас крисы можно купить и в интернете, но это будут обычные стальные ножи. Максимум — в сплав добавят немного никеля или хрома. Но древние крисы изготавливались исключительно из метеоритного железа. Кузнецы, ковавшие такие ножи, пользовались большим почетом у современников. Они добавляли в металл собственную кровь, сильные яды и ржавчину. Вроде как это делало клинок более смертоносным. Такая смесь называлась “плевком дьявола”.

— Ну и на каких тайных закрытых аукционах сегодня можно купить эти артефакты?

— В том-то и дело, что нигде?

— То есть?

— Ну подделок, конечно, полно. Но истинные древние крисы до наших дней не сохранились. Конечно, где-то в закрытых частных коллекциях можно найти экземпляр-другой, и, наверняка, в очень плохом виде. Но вот чтобы так — в идеальном состоянии да сразу тринадцать... Это нонсенс, поверь старому коллекционеру?

— Вот как? А что ты собираешь?

— Эээээ, — замялся Стрельцов, — не думаю, что это связано с нашим делом. Давай лучше вернемся к нашим орудиям убийства. Я разговаривал с экспертами — они направили один из ножей на углеродный анализ. Понятно, что времени у нас мало, поэтому он получился поверхностным. Но даже по полученным данным можно судить, что крисам не менее двух тысяч лет.

— То есть они те самые — древние? — уточнил Бестужев.

— Да, — подтвердил доктор.

— Я запутался, — включился в разговор слегка зеленоватый лицом Олег. — Серафимыч, сначала ты говоришь, что древние ножи не сохранились, а потом — что вот они, пожалуйста, тринадцать штук. Я один вижу противоречие?

— Нет, Олег, поверь мне, я удивился этому обстоятельству больше твоего. Крепко поломав голову над этой загадкой, я пришел только к одному выводу.

— Кто-то очень давно собрал и сохранил ножи? — опередил доктора Бестужев.

— Именно. Скрытая от чужих глаз и ушей организация или тайный орден.

— То есть ты хочешь сказать, что в наши дни существует столь древнее общество, которое две тысячи лет хранит свои секреты? — усомнился капитан.

— Не обязательно. Это может быть и довольно молодой орден. Просто ему повезло добраться до секретов и артефактов более древнего собрата. А тот, в свою очередь, тоже совсем не обязательно должен быть тем самым, первым.

— Путано объясняешь, Серафимыч, но суть я уловил, — кивнул Бестужев. — Что-нибудь еще?

— О да. Ты разве еще не привык, что все трупы, связанные с этим делом, хранят много тайн?

— Опять новые татуировки и надписи?

— Нет-нет, все намного интереснее, — Стрельцов потер от удовольствия руки и поманил полицейских за собой.

Они подошли к ближайшему телу. Оно выглядело по фэн-шую: черепная коробка вскрыта, грудина распахнута, словно цветок. Внутренние органы, по всей видимости, уже проинспектированные Стрельцовым, были как попало засунуты обратно внутрь. Олега снова замутило, и он резко отошел. Бестужев под одобрительным взглядом доктора сдержался.

— Когда я приступил к осмотру внутренних органов первого тела, — сказал доктор, — то обнаружил в желудке вот эту маленькую капсулу. — Он взял в руки пинцет, на конце которого был зажат крохотный металлический контейнер. — Конечно, я не удержался и открыл его.

— И? — Олег с Бестужевым подались вперед.

— И обнаружил внутри бумажку с буквой. Если честно, я не стал бы обращать на этот факт внимание, если бы не обнаружил подобные капсулы внутри других жертв.

— Тоже с буквами?

— Да, двенадцать букв и один знак препинания.

— Какой?

— Тире.

— А буквы какие?

— Привожу тебе их в порядке извлечения: “Й”, “И”, “У”, “Ъ”, “Т”, “А”, “Б”, “С”, “Р”, “Е”, “Ц”, “М”.

— И что это означает? — спросил Олег.

— Господа, вы же сыщики. Если уж я решил этот пазл за полчаса, то вам и десяти минут хватит.

Бестужев справился за пять. Но решил подождать Олега. Еще через десять минут тот сдался.

— Эх, Олежек, — выдохнул капитан. — Это гнусное дело, помимо прочего, вскрыло все наши недостатки. Заросли мы жирком, отвыкли голову напрягать. А ведь еще пару лет назад оба расщелкали бы этот орешек за минуту.

— Шеф, кончай гундосить. Что за надпись?

Бестужев быстро задвигал буквами, пока они не сложились в два слова, между которыми стоял знак тире. Олег наклонился поближе и прочитал вслух:

— УБИЙЦА — СМЕРТЬ. Это как понимать?

— А понимай как есть, Олежек, — ухмыльнулся Стрельцов. Ты вот все бегаешь, гадаешь, а тебе открытым текстом говорят: ребята, не там ищите. Убийца уже известен — это сама Смерть!

— Серафимыч, у тебя все в порядке? — Олег посмотрел на доктора как на душевнобольного.

— В порядке, лейтенант, причем в полном, — засмеялся Стрельцов. — Просто, ежедневно имея дело с трупами, не могу пройти мимо такого заявления. Каково: убийца — смерть.

— Блин, Серафимыч, ты же человек науки, суеверия не по твоей части, — не выдержал и Бестужев.

— Ну в целом — вы оба права. Но если пораскинуть мозгами и на секунду отринуть законы материального мира... Смотрите сами: наш убийца необычайно силен —

тяжеленный крест с висящим на нем человеком спокойно вколачивает в землю; убийца обладает сверхъестественными способностями — выкачивает из тела кровь за считанные секунды; он имеет доступ к артефактам из Библии — а значит может перемещаться во времени. Захотел — метнулся за новым крестом в Иудею, хватанул — и обратно. Как вам?

— Ага, — скептически оценил анализ доктора Олег. — А еще убийца болеет за “Спартак”. Как-то не сверхъестественно выглядит.

— Ну вот тут вот мне сказать нечего, — развел руками Стрельцов. — Ну так ведь если полстраны за “Спартак” болеет, то Смерти почему нельзя?

Этот вопрос остался без ответа. Бестужев аккуратно собрал улики в специальный целлофановый пакет, и полицейские покинули обитель Стрельцова.

На улице Олег смачно сплюнул — во рту до сих пор чувствовался вкус кислоты. Заметивший это Бестужев остановился и спросил:

— А вот скажи мне, Олег, чем примечательна фраза “Съешь же еще этих мягких французских булок да выпей чаю”.

— Наверное, тем, что ты напомнил моему желудку про обед, — усмехнулся лейтенант. — Не все же ему мучиться сегодня.

— А если подумать?

— А если еще и подумать, то можно задуматься сразу об ужине.

— Эх ты, темнота. Эта небольшая сентенция любопытна тем, что в ней встречаются все буквы русского алфавита.

— Серьезно?

— Ну да.

— Занимательно, конечно, но я думал, что ты все время думаешь об убийце: кто он и как его найти. А тут — считалочка какая-то детская.

— Да думаю я, все время о деле думаю. Видишь ли, в этой простой фразе из учебника второго класса на самом деле скрыт целый алфавит. Понимаешь? Иногда за внешней простотой скрывается та самая истина. Вот я и думаю, не упускаем ли мы что-то более потайное за этой фразой — “убийца — смерть”?

— Ох, не знаю, шеф. Чем больше мистики добавляется к этой истории, тем дальше, на мой взгляд, мы уходим от правильного решения.

— Может быть, ты и прав, Олежек. А в чем ты, действительно, прав, так это в том, что пора пообедать.

После принятия пищи коллеги вернулись в РОВД. Инга сразу же завладела вниманием шефа и передала информацию по Хачериди. Она взломала базу данных Федеральной службы безопасности, и в личных делах не обнаружила ни одного упоминания грека.

— Может быть, у них не одна, а несколько баз данных — в зависимости от доступа секретности? — предположил Бестужев

— Я тоже так подумала и полезла глубже. Я обнаружила несколько секретных отделов, занимающихся всякой хренью. Вы не поверите, но, например, есть подразделение, которое...

— Инга, — повысил голос капитан. — Давай по существу.

— Виновата, шеф. В общем, снова — пустота, тупик.

— Неужели никаких зацепок?

— Отчаявшись, я попросила помощи у одного хакера из Малайзии. В реале я никогда с ним не встречалась, но его клиенты всегда оставались довольны результатом. В его резюме в

даркнете значится, в том числе, и взлом систем мировых спецслужб. Я попросила его пройтись широким бреднем по базам в поисках нашего секретного агента.

— И каков результат?

— Найдено одно совпадение.

— Отлично, какое?

— Ох, чую, не понравится оно вам, шеф...

— ИНГА!!!

— Ладно-ладно. Как вы, наверное, знаете, Интерпол собирает в своих архивах разбросанных по всему миру, историю преступлений и расследований так глубоко во времени, как только может. В последние десять лет большая часть этих архивов была оцифрована. Среди них — уцелевшие сквозь века протоколы некоего Эжена Франсуа Видока. Знакомая фамилия?

— Конечно, это французский бандит, впоследствии перешедший на сторону полиции. Его еще называют “отцом уголовного розыска”. Но он жил лет двести назад, какое отношение это имеет к нашему греку?

— Да похоже самое что ни на есть прямое. В 1819 году его бригада "Сюрте" устроила облаву на одну из масонских лож, где, по слухам, не брезговали человеческими жертвоприношениями. В результате операции были арестованы семнадцать человек, некоторые имели высокие фамилии. Один из арестованных записан в протоколе как Лозелло Парисович Хачериди.

— Полный однофамилец? Предок? — начал набрасывать версии капитан.

— Все может быть. Но портрет дан такой: невысокий субъект с лишним весом.

— Ну такое описание и Наполеону подойдет, — улыбнулся Бестужев.

— Согласна. Но вот еще немного про одежду. При аресте конфискован сюртук из дорогого сукна леопардовой расцветки.

— Леопардовой, значит, — Инга с капитаном в упор смотрели друга на друга. Эту странную любовь Хачериди к вещам леопардового цвета заметили все. То шарф на нем, то платок в кармане пиджака. Один раз видели его в леопардовых носках, в другой — он надел ужасно негармонирующую с образом рубашку. Ремешок от часов, ремень для брюк, запонки, дорогая булавка — всегда на греке был элемент гардероба с леопардовым цветом. Всегда. — Спасибо за информацию, Инга. Если обнаружишь что-то еще, сразу сообщай.

— Ясное дело, шеф.

Через двадцать минут он рассказал о полученной информации Булдакову. Они вызвали на связь генерала Морозова. Тот выслушал очень внимательно, но поверить в услышанное был не готов. В свою очередь, поделиться с коллегами ему самому было нечем. Все его запросы упирались в глухую стену. Чаще всего он получал такой отлуп: Хачериди — человек конторы, наделенный очень большими полномочиями.

— Сплошной тупик, — резюмировал Морозов. — Но не верю я этому греку.

— Да никто ему не верит, — в сердцах сказал Бестужев. — Я сделаю все, чтобы добраться до правды. Если наш секретный агент имеет хоть какое-нибудь отношение к убийствам, я его засажу надолго.

На этом совещание завершилось. Выходя из кабинета полковника, Бестужев не обратил внимание на открытую дверь соседнего кабинета. А зря — за ней, прижавшись к холодной бетонной стене, стоял секретный агент Лозелло Парисович Хачериди собственной персоной. И очень недобро улыбался.

Глава 17. Бумаги Бестужева

Как и боялся Бестужев, относительное спокойствие, царившее в городе последние несколько дней после массового самоубийства паломников, оказалось лишь затишьем перед бурей.

Новым актом этого театра абсурда стали массовые признания в совершенных ритуальных убийствах. Люди словно походили с ума. Наркоманы, бездомные, душевнобольные жители Владимирской и ближайших областей брали вину за совершенные Мистером X преступления на себя. Они толпами приходили с повинной в отделения полиции, писали письма в федеральные ток-шоу и в интернет-приемную Президенту России. Личные страницы в социальных сетях превращались в исповедальные комнаты — в многословных текстах люди называли причины своих поступков, рассказывали, каким образом они убивали иностранцев, а некоторые — даже предоставляли списки будущих жертв.

Все эти бредни стекались в отдел Q. Инга жаловалось, что сама скоро сойдет с ума, если не прекратит изучать эти записки сумасшедших.

— У нас что — столько больных людей живет? — сокрушалась она. — Я уже в магазин за продуктами боюсь выйти. Мне кажется, что меня в очереди на кассу окружают одни психи.

— Не повезло нам, сейчас же еще и традиционное весеннее обострение, — вставил свои пять копеек Олег. — Нынче стать психом — плевое дело. Открой интернет, посмотри на фото трупа сальвадорца внутри Золотых ворот. И можешь сам смело вызывать санитаров.

Бестужев понимал, что коллеги вымотаны этим делом. Но не мог позволить расслабиться ни им, ни себе. Хорошо хоть Хачериди подтянул дополнительные резервы экспертов из соседней, Нижегородской, области.

Капитану казалось, что в свете последних событий их отношения с греком стали более натянутыми. Общение стало более сухим, казалось, грек предпочитает его обществу разговоры с Ингой и Олегом. В конечном итоге Бестужев решил, что всему виной — его подозрения в причастности Хачериди к происходящим событиям. Дескать, если подозреваешь в чем-то человека, то относиться к нему, как раньше, уже не получится.

При этом Бестужев продолжил негласное наблюдение за греком: он старался как бы случайно появляться в тех местах, где находился Хачериди. Спустя пару дней он обнаружил удивительную вещь: секретный агент больше всех общается с капитаном Смирновым. Этот странный факт никак не объяснялся сам собой, и однажды вечером Бестужев подкараулил Смирнова на этаже:

— Вась, привет, погоди секундочку, ты не видел Хачериди?

— Здорово, Сань, нет, не видел. А должен был?

— Да вроде вы сейчас словно Холмс и Ватсон — всегда вместе.

— Да нет, тебе так кажется. Подходит, конечно, спрашивает про расследование; мы сейчас отработываем по камерам по всему городу за несколько суток до третьего убийства. Плюс ищем свидетелей среди жителей близлежащих домов. Вот Хачериди и подходит, интересуется.

— И все?

— Ну да, а ты чего ждал? Что высокая шишка из ФСБ заинтересуется моей судьбой и

возьмет надо мной шефство? Нет, Сань, нам с тобой ходить в капитанах от звонка до звонка.

— Это точно, Вась, ну бывай. И держи меня тоже в курсе, а то от этого Хачериди слова доброго не дождешься.

— Непременно, — Смирнов еще некоторое время смотрел в спину уходящего Бестужева, затем набрал номер Хачериди: — Вы были правы, он вышел на меня... Да... Нет, пока ничего конкретного... Понял. Сегодня заберу отчет по дактилоскопии, и если версия подтвердится, доложу Булдакову. Поймите, я не могу не уведомить начальника... Так вы не против? Хорошо.

Смирнов дал отбой и медленно спрятал телефон в карман. Подозрения, которыми с ним поделился Хачериди, не укладывались в его голове.

— Саша-Саша, во что же ты вляпался? — пробормотал он, качая головой. — И кто тебя из этого дерьма вытащит?

А то, что он увязал все глубже и глубже, Бестужев понимал и сам. Ведь после душевно неустойчивых субъектов с их манией признаний без антракта начался акт второй — кровавый. По всей видимости, слава о паломниках, принесших себя в жертву во имя Князя Тьмы, не давала покоя сатанистам всего мира. Словно мухи на котлеты, они стекались во Владимир. И ладно бы они просто проводили свои тайные мессы в подвалах старых домов, подумаешь — пострадала бы пара-тройка бездомных котов. Так нет же. У дьяволопоклонников, и так с “крышей” не дружащих, тоже, по всей видимости, случилось весеннее обострение.

Они стали проводить публичные проповеди по всему Владимиру и на всех языках. На этих сборищах они провозгласили начало Апокалипсиса, предсказанного в Библии. И пусть человечество трепещет, кричали сатанисты, ибо наступает царствие Зверя. И лишь верные ему люди смогут жить нормально, а всех остальных — ждут муки адские, но не в преисподней, а прямо здесь — на Земле. А до воцарения Вельзевула осталось совсем немного, и в силах верных слуг его — приблизить это событие.

И ведь начали приближать — воодушевившись примером паломников, перерезавших себе глотки перед зданием РОВД. И город потонул в крови самоубийств. Адепты Дьявола лишали себя жизни повсюду — резали вены в ваннных комнатах гостиниц, бросались под скоростные поезда, вешались прямо на деревьях или на фонарных столбах, разбивали себе головы о здания и прочее, прочее, прочее. Сатанисты уходили в мир иной поодиночке и целыми группами. Особенно Бестужева поразил массовый суицид сразу двадцати пяти человек, запершихся в гараже и отравившихся угарным газом. Тела самоубийц составили форму семиконечной звезды, внутри и снаружи которой жертвы собственной кровью до самого конца писали какие-

то каббалистические символы и заклинания.

За каких-то три дня себя лишили жизни более четырехсот человек. И, как подозревал Бестужев, цифра эта была не окончательная — кого-то еще просто могли не обнаружить. Православный Владимир был в панике. И не напрасно. Ведь дальше начался крошечный ад.

Третье отделение “марлезонского балета” заставило усомниться в реальности происходящего даже прожженных циников. Одними самоубийствами сатанисты не ограничились. Они стали похищать людей и приносить их в жертву. Иногда доходило до страшного — человека хватали прямо на улице, тут же раздевали и резали под гул песнопений нескольких десятков человек. Обезображенный труп бросали тут же, на мостовой.

— Твою мать, — бесновался Булдаков на одном из многочисленных совещаний, проходивших в РОВД в собранном оперативном штабе. — Двадцать первый век уже даже не наступил, а мощно шагает по планете, а у нас тут — дремучее Средневековье. Люди режут других людей во славу Сатаны!!! А дальше — что? Возродим Инквизицию?

К слову, Булдаков уже несколько дней не командовал расследованием. В штаб вошли высокопоставленные чины от полиции и армии, в спешном порядке прибывшие из столицы, губернатор, сенаторы и другие бесполезные в этом деле люди. Все они круглосуточно заседали, в основном, анализируя информацию, полученную от тех, кто действительно что-то делал — людей Бестужева, Смирнова и других нижних чинов. Анализ состоял, в основном, из жарких дебатов и больше походил на ток-шоу Андрея Малохова, где важнее был сам спор, чем его разрешение.

Город стал пустеть на глазах. Люди бежали из Владимира, словно из зачумленной Европы. Власти ввели в городе военное положение, улицы в круглосуточном режиме патрулировали войска. Убийств и самоубийств стало меньше, но они не исчезли совсем. Просто теперь военные имели право расстреливать сатанистов на месте, чем благополучно и пользовались. Это несколько остудило горячие головы. Но, к сожалению, не обошлось и без “перегибов на местах”. Однажды вечером военные расстреляли двух ни в чем не повинных граждан, приняв их за сатанистов. Неудивительно, что люди, не пожелавшие оставить свои жилища, предпочитали лишний раз не выходить за порог собственной квартиры. Шансы нарваться на

ритуальный нож или пулю из автомата были примерно одинаковыми.

...Бестужев с Олегом чувствовали себя очень неудобно, проходя пустынную Соборную площадь. Они словно попали внутрь старого и не очень удачного фильма ужасов. Сняли средненько, но страшно было по-настоящему. Прилетевший откуда-то со стороны Успенского собора порыв ветра подхватил валявшийся пакет из “Магнита” и протащил несколько десятков метров. Шуршащий звук соприкосновения целлофана с асфальтом в беззвучном пространстве показался очень зловещим.

— А мы куда идем? — неосознанно приглушая голос, спросил Олег. — Страстная пятница на дворе, дома надо сидеть. Или в отделе на крайний случай.

— Олежек, если уж мы, полицейские, начнем сикать в штанишки, то считай дело — труба, — ответил Бестужев. — Но и изображать из себя героя в нынешней ситуации тоже глупо. Поэтому нужно выбирать золотую середину. У меня встреча возле Золотых ворот, на которую нужно обязательно придти. Но одному идти опасно, поэтому я и взял тебя с собой.

— А с кем встречаемся? — полюбопытствовал лейтенант.

— Конкретно с кем, я не знаю. Но знаю от кого этот человек, — ответил Бестужев. — Недавно я познакомился с одним любопытным азербайджанцем. Его зовут Иса Джавадов. Наша встреча была полна тайн и бараньего мяса.

И капитан рассказал о своей беседе с зороастрийцем в “Старом Баку”.

— Знаешь, шеф, если бы не все, что произошло с нами за последние пару недель, я бы решил, что ты сошел с ума.

— А сейчас?

— А сейчас я не знаю, что и думать.

— Если честно, в существование фаравахара я не верю до сих пор. Снять сегодня видеоролик с реалистичными спецэффектами не представляет никакой сложности. Но то, что господин Джавадов — персона непростая, понятно сразу. После нашей беседы он уехал

из страны, я потом специально проверял. А сегодня утром позвонил мне.

— И?

— Сказал, что имеет информацию, полученную от своей чудо-птички. Очень важную. По телефону сказать не может, передаст ее через своего человека. Сказал, что я его обязательно узнаю.

— Может, это ловушка?

— Все может быть. Но зачем?

Остаток пути прошли молча. Подошли к Золотым воротам, но рядом никого не было. Для верности пару раз обошли вокруг памятника и прошли его насквозь.

— Ждем пять минут и уходим, — решил Бестужев. — Торчать тут на виду нет никакого желания.

И тут опера услышали свист. Подняв голову, Бестужев увидел человека, стоящего на самом краю Козлова вала. Присмотревшись, капитан идентифицировал в нем Мухамада — официанта из “Старого Баку”. Определив, что его увидели, азербайджанец показал в сторону старой водонапорной башни.

— Пойдем, нам туда, — позвал Олега за собой Бестужев.

Через две минуты он пожимал руку Мухамаду.

— У тебя для меня что-то есть?

— Да, Иса Джавадов просил передать тебе эту бумагу. Держите, — и он протянул распечатанный на принтере листок, сложенный пополам. Развернув бумагу, Бестужев углубился в чтение. Через плечо ему заглядывал Олег.

Уважаемый господин Бестужев, Айк Наапет нашего времени! По понятным причинам я не могу воспользоваться телефонной связью, соратники дьявола проникли во все сферы нашей жизни, и перехватить звонок или СМС-сообщение не составляет для них никакого труда. А ценность информации, которую я готов вам сейчас сообщить, трудно переоценить.

Прошлой ночью Фаравахар послал видение всем Верховным жрецам одновременно. Такого раньше никогда не случалось. Это чудо само по себе. Как я уже говорил вам, Фаравахар посылает отрывочные видения, и задача жрецов — правильно их истолковать. Признаюсь вам, мои коллеги многие часы без перерыва спорят насчет последнего образа. Там действительно есть слепые пятна. Но я сразу понял, что мыслеобразы Фаравахара затрагивают вас, как только увидел в видении знакомый силуэт.

Но обо всем по порядку. Вначале Фаравахар показал нам Шайтана, мечущегося в своей клетке, бросающегося на прутья решетки. Этот образ оказался столь ужасен, что некоторые жрецы лишились чувств. Затем мы увидели слуг дьявольских, мечущихся вокруг и собирающих энергию. Она была осязаемая, словно разноцветный дым. Приспешники Шайтана ловили энергию в специальные кувшины, а потом выливали ее на прутья решетки. И — клянусь вам — с каждой каплей они становились тоньше.

Фаравахар повел нас по одной из линий энергии, и мы увидели ее источник. Это оказались души человеческие. Они вытекали из многочисленных тел, падающих замертво. Я не понимаю, насколько метафоричен этот образ, может быть вам он скажет что-то большее.

Такие эманации душ появлялись повсюду, куда падал взор. Фаравахар взлетел выше, и я понял, что все происходит не где-нибудь, а во Владимире. До нас доходят слухи, господин капитан, что в вашем древнем городе сейчас очень сложная обстановка. Но, судя по

видениям Фаравахара, будет лишь хуже. Крепитесь и готовьтесь. Сила вам понадобится. Тем более, что в последнеммыслеобразе Верховные жрецы увидели вас, стоящего перед каким-то желтым зданием. Фаравахар дал понять нам, что вы находитесь перед входом в темницу Дьявола. Вы сумели найти его. И вы были полны решимости. Я надеюсь, решимости дать бой самому Шайтану.

Прежде, чем войти в разбитую дверь, вы яростно что-то выкрикнули. Никто не сумел разобрать — что. Но я хорошо знаю русский язык. И я прочитал по губам. Вы крикнули: “Дом с привидениями? Отличный выбор для такого демона, как ты. Знай: я иду к тебе”.

Надеюсь, господин Бестужев, эта информация окажется вам полезной. Если у меня будут новости — я обязательно поделюсь ими с вами. Связь можно держать через Мухамада. Времена у вас смутные, и “Старое Баку” закрыто. Но Мухамад чаще всего именно в кафе.

И да хранит вас Фаравахар!

С уважением, Иса Джавадов

Бестужев свернул лист и посмотрел на Олега:

— Что думаешь?

— Думаю, что массовый суицид и ритуальные убийства становятся более понятными. Если, конечно, учесть, что хитрый зороастриец говорит правду, а не делится плодами больной фантазии.

— Согласен.

— Господин Бестужев, — прервал их Мухамад и протянул ему зажигалку. — Иса Джавадов просил удостовериться, что вы уничтожите послание после того, как ознакомитесь с ним. Прошу вас — сожгите бумагу. Бестужев кивнул. Он еще раз пробежал глазами текст, после чего чиркнул зажигалкой и сжег листок. Мухамад кивнул капитану, развернулся и ушел.

Капитан с лейтенантом дошли обратно до РОВД, где также распрощались. Олег вернулся в отдел, где передал просьбу шефа Инге — поискать что-либо, связанное с домом, где водятся привидения. Сам же Бестужев решил, что с него на сегодня хватит мистики, сатанистов, зороастрийцев и прочих фаравахаров. Он позвонил Вере и просто поставил ее в известность: еду к тебе, встречай.

Из-за загруженности капитана они не виделись несколько дней. Бестужев с удивлением почувствовал, как сильно он соскучился по Вере. Журналистка, казалось, тоже была очень рада тому, что он пришел. Они провели вечер в разговорах, обсудив ситуацию в городе и поговорив о том, как идет расследование. Бестужев уже привык делиться с ней информацией. Он не боялся утечки, наоборот — он ждал, что нетривиальное мышление Веры поможет увидеть то, что упускает он сам.

Но сегодня они больше болтали по пустякам. Перегруженный мозг Бестужева нуждался в отдыхе от безрезультативного и бесконечного поиска Мистера Х. Вера это быстро поняла и после ужина неожиданно спросила капитана:

— Бестужев, а ты читал Гарри Поттера?

— Нет, — ответил он. — Кино смотрел.

— Я так и знала. Пойдем в кровать, я тебе читаю.

Это было настолько неожиданно, что Бестужев согласился. Он лег в чистую и вкуснопахнущую постель Веры и незаметно для себя заснул, переживая за похождения Гарри Поттера, Гермियोны Грейнджер и Рона Уизли.

А в это время на верхнем этаже Комсомольского РОВД в своем кабинете полковник Булдаков открыл новую бутылку виски. Рабочий день был уже закончен, но Егорыч решил заночевать в кабинете. Какой смысл идти домой, если посреди ночи его все равно разбудит телефонный звонок с докладом дежурного о серии очередных самоубийств. И придется одеваться и ехать в РОВД. Лучше уж сразу быть на месте...

Булдаков плеснул себе виски на два пальца. В этот момент в дверь постучали. Полковник взглянул на часы: восемь вечера. Что-то рановато сегодня дьяволопоклонники вышли на тропу войны. Отставив стакан в сторону, он крикнул:

— Входите! Открыто!

В кабинет вошел капитан Смирнов.

— Что, Василий, тоже не спится?

— Так точно, товарищ полковник, — отрапортовал он и тут же перешел на неофициальный тон. — Владимир Егорович, тут такое дело. Открылись новые и, скажу откровенно, не совсем приятные обстоятельства.

— Давай конкретнее, Вася, устал я, как черт собачий. А завтра, чую, день будет не легче сегодняшнего. Надо поспать.

— Да-да, Владимир Егорович. В общем, доктор Стрельцов при последнем осмотре тела Ивана Голодного обнаружил на его теле отпечатки пальцев.

— Вот как? Где именно?

— Рядом с вырезанной надписью “veni et vince”. Помните, у первых жертв были татуировки, а у Голодного — надпись вырезана ножом. Видимо, убийца, делая надрезы одной рукой, оперся на живот трупа другой. Ну и оставил свои пальчики.

— Пробили по базе? — без особой надежды спросил полковник.

— Пробили, — Смирнов замолчал. Булдаков почувствовал, что сейчас произойдет что-то очень нехорошее.

— И?

— Я оставлю вам дактилоскопический отчет. Я пока что его никому не показывал, — с этими словами он положил перед Булдаковым папку и вышел из кабинета.

Полковник сначала залпом выпил виски, потом налил еще и только потом открыл отчет. Сразу пролистнул снимки “пальчиков”, умные фразы про саму экспертизу и перешел к выводу. Его он прочитал трижды прежде, чем смог осознать, о чем идет речь.

“Таким образом при сравнении следов четырех пальцев руки, обнаруженных на теле, с базой данных отпечатков пальцев МВД России установлено совпадения папиллярных узоров, отобразившихся в трех следах пальцев руки, выявленных на поверхности тела с папиллярными узорами в отпечатках указательного, среднего и безымянного пальцев левой руки Бестужева Александра Николаевича, сотрудника полиции Комсомольского РОВД г. Владимира”.

Булдаков выпил виски и налил еще — на этот раз сразу полстакана. Он крепко задумался. В полной тишине он провел не менее получаса. Наконец полковник пошевелился и сказал вслух, обращаясь к кому-то за окном:

— Я вам не Станиславский, конечно, но я — не верю, — Булдаков скомкал отчет и бросил его в урну. Но опомнился и достал его обратно.

Затем полковник вынул из ящика стола хрустальную пепельницу — ее подарили сослуживцы лет двадцать назад. Тогда он еще курил, сегодня — здоровье уже не позволяет. Семь с половиной лет назад пепельница вместе с зажигалкой отправились на пенсию — в

дальней угол ящика. Рядом валялась открытая много зим назад пачка сигарет “Marlboro”. Так, на всякий случай.

Булдаков чиркнул зажигалкой и поднес огонек к уголку отчета Смирнова. Не гася огонь, вынул из пачки сигарету и закурил.

— Будем считать, что “бумаги Бестужева похищены”, - пробормотал Булдаков, глядя, как огонь жадно съедает отчет. Полковник подошел к окну, открыл одну створку и выкинул пепел. Ветер с удовольствием подхватил черные ошметки и понес к соседним зданиям. Булдаков проводил из взглядом — оставаться на работе больше не хотелось. Он подошел к телефону и попросил дежурного вызвать его служебную машину.

Через двадцать минут, выйдя из здания РОВД, Булдаков отметил, как душно стало на улице. С запада не спеша накатывали чернющие тучи.

— Быть грозе! — констатировал он и оглянулся в поисках служебной машины. Взгляд сам собой зацепился за бежевую “четверку” Бестужева. Поддавшись секундному порыву, он подошел к ней и дернул за ручку — закрыто. Вплотную прильнув к окошку, полковник внимательно изучил салон авто, но ничего необычного не обнаружил. Разве что полупустую бутылку коньяка на полу пассажирского места. Булдаков осуждающе покачал головой.

Он выпрямился, пару секунд постоял в раздумьях, а затем зашел со стороны багажника, посмотрел по сторонам, затем незаметным движением нажал на кнопку замка. Заперто.

— Стар я уже для этого, — вздохнул полковник и вынул из портфеля связку отмычек. На борьбу с замком потребовалось около минуты. — А раньше справлялся менее чем за десять секунд. Старею.

Замок щелкнул, дверь багажника подалась вверх. Булдаков потянул ее и открыл полностью. Да так и остался стоять, держась за ручку. Это продолжалось до тех пор, пока его не окликнул лейтенант Федоров — личный водитель, положенный по штату:

— Товарищ полковник, с вами все хорошо?

Булдаков вздрогнул и резким движением захлопнул багажник.

— Да, Федь, поехали домой.

Он сел в машину, но мысли раз за разом возвращались к увиденному в багажнике Бестужева: черные армейские ботинки, черные штаны и куртка, а сверху — небрежно брошенная черная бейсболка с эмблемой московского “Спартака”.

Глава 18. Дом с привидениями

Первой, кого встретил Бестужев следующим утром в отделе, была Инга. Видно, что она ждала шефа. Скорее всего, “нарыла” что-то новенькое и спешила поделиться информацией.

— Что-то о Хачериди? Или о нашем Мистере X? — спросил капитан.

— Нет, я нашла кучу интересной информации о Доме с привидениями, — ответила хакерша. — Оказывается, у нас во Владимире существуют свои городские легенды. А я, всю жизнь здесь прожившая, даже не знала об этом.

— Ну чему тут удивляться? Город-то древний. Если уж у Владимира не будет своих тайн, то другим городам и подавно ничего не светит.

Капитан сел за свой стол, в этот момент в кабинет вошел Олег. Он выглядел невыспавшимся и помятым.

— Кто-то скрасил твою ночь? — попытался пошутить Бестужев.

— Ага, — угрюмо ответил лейтенант. — Бутылка виски и два литра колы. Башка раскаляется. Что у нас нового?

— Инга раскопала что-то интересное про дом с привидениями. Но молчит, как брянский партизан.

— Я просто ждала, когда все будут в сборе, чтобы не рассказывать по пять раз, — надула губки Инга. — Грека ждать будем?

— Греку я потом сам расскажу, — решил Бестужев. — Вкратце. Так что начинай.

— ОК, шеф. Начну с того, что мимо дома с привидениями каждый из нас ходил миллион раз и пройдет еще столько же. Находится он в самом центре города. Это здание номер двадцать четыре по улице Большая Московская. Сейчас там располагается Центр пропаганды изобразительного искусства. На самом деле у него два названия: помимо уже упомянутого “Дома с привидениями” его еще называют “Губернаторским домом”. Почему — отвечу чуть позже.

Не заметить здание очень сложно, ведь оно выделяется из общего ряда застройки центральной улицы города. Оно является самым высоким на участке от Золотых ворот до Соборной площади. Имея три с половиной этажа, здание возвышается над остальными словно пятиэтажка.

— Три с половиной этажа? — не понял Олег.

— Дом начали строить в 1787 году в стиле соседних зданий. Архитекторы изначально планировали трехэтажный дом, где первый этаж был бы полуподвальным. Обратите внимание: на Большой Московской полно магазинчиков и кабачков куда надо спускаться с улицы. Все они располагаются в таких вот полуподвальных помещениях.

Наш дом строили для приказа общественного призрения. Это особое ведомство, занимавшееся богадельнями, сиротскими приютами и работными домами. Однако, когда через год он был построен, первыми его жителями стала губернаторская семья. Отсюда — первое название здания.

— Ты сейчас о каком губернаторе? — уточнил Бестужев.

— О первом гражданском губернаторе Петре Гавриловиче Лазареве. Он, кстати, отец знаменитого мореплавателя Михаила Лазарева. Они сменили место жительства из-за обветшалости их старого дома в Манежном тупике. Однако прожили они в новом жилище не так уж и долго — через какое-то время губернаторская семья переселилась в другое здание

— там, где сейчас располагается областное телевидение. Официальная версия смены жительства — неудобное расположение комнат внутри дома. Это отчасти соответствует действительности. Но сохранились записки, свидетельствующие о странных делах, происходивших в здании, особенно по ночам.

— И поэтому двадцать четвертый дом получил свое второе название? — спросил Бестужев.

— Нет, это случилось позже, уже в двадцатом веке. Сейчас все расскажу. Следующий владимирский губернатор Иван Михайлович Долгоруков жил в доме со своей семьей в период с 1802 по 1807 годы. Этот дворянин, вынужденный по долгу службы уехать из прекрасной Москвы, очень тосковал по столице. Музыкант, поэт, артист — ему было душно в провинциальном Владимире. Кроме того, наш древний град довлел над князем. Егс тревожило темное предчувствие, которому он безотчетно верил. В своих записках он писал: “Я давно питал суеверную мысль, что в жизни моей каждая сильная радость предварять должна была сильную печаль. Постоянная мысль о том тревожила воображение мое всечасно. Я не видал еще готовящегося мне несчастья, но, как бы предчувствуя его, тосковал уже, и скрытая сия тоска поколебала мои силы”.

И беда не заставила себя ждать. В доме умерла молодая жена губернатора — княгиня Евгения. Ее поразила чахотка. И вот уже после смерти в различных комнатах видели ее призрак. По ночам слышались шаги на лестнице и шорохи за портьерами.

После смерти княгини губернатор покинул дом на Большой Московской. В дальнейшем тут размещалось народное училище, потом — мужская гимназия, пока здание не выкупили купцы Ильин и Никитин. Именно они возвели четвертый этаж в доме, из-за которого он стал так выделяться среди соседей.

— Вот, — воскликнул Олег, — еще сто пятьдесят лет назад у нас уже была точечная застройка. Так что беда уходит своими корнями глубоко в историю!

— Можно сказать и так, — улыбнулась Инга. — Изначально дом строился в стиле раннего классицизма. Понимаю, Олег, что тебе это ни о чем не скажет, но здесь, увы, помочь уже ничем не смогу — изучай матчасть. Потом, при достройках, архитекторы добавили черты ампира и эклектики, особенно внутри дома — старинные своды и лестница впечатляют до сих пор.

Можно предположить, что утяжеление дома из-за надстройки четвертого этажа привело со временем к деформации несущих конструкций, к трещинам, повреждениям вентиляционных систем. Именно они, скорее всего, являются причиной того, что в доме в ветреную погоду слышатся странные звуки: шорохи, завывания, шаги... Все это и в наше время создает нездоровую психологическую атмосферу. Неудивительно, что люди, работающие там, предпочитают в одиночку не засиживаться допоздна.

— Слушайте, а я помню такой случай, в газетах писали, — снова встрял в монолог Инги Олег. — Уже когда в здании работал Центр ИЗО, был то ли праздник какой-то, то ли выставку открывали. Лето, жара стояла невероятная, а стендами для развески картин загородили все окна. На торжественное открытие еще и гостей согнали немерено. И вот выступает женский хор, и вдруг одна из певиц падает в обморок, как подкошенная! Тогда объяснили все спертым воздухом и жарой, но сама певичка, очнувшись, все твердила про девушку-призрака.

— Подтверждаю, такой случай имел место быть, — согласилась Инга. — И он далеко не единственный. До революции в “доме с привидениями” размещались различные конторы:

приказ общественного призрения, банк, магазины. Даже штаб двенадцатого Великолуцкого полка, участвовавший в войне с Турцией в конце восьмидесятых годов 19 века, успел поквартировать. Уже в советское время здесь были и радиоузел, и переговорный пункт, контора с затейливым названием “Облремстройтрест”, проектно-конструкторское бюро, инспекция по охране рыбы, и, наконец, мастерские художников. Ну и уже в российские годы здание отдали под Владимирский Центр изобразительного искусства. И сегодня здесь проходят различные художественные выставки. Я была несколько раз. Особенно мне Владимир Рузин, наш местный

художник, нравится.

— Так все же, — попытался подытожить Бестужев. — Традиция называть здание “домом с привидениями” пошла от чего? От призрака умершей губернаторской жены? Или от сквозняков после перестройки?

— Есть и третья версия, — усмехнулась Инга. — В двадцатые годы прошлого века в нашей газете “Призыв”, не так давно почившей в бозе, опубликовали фельетон, высмеивающий работу советских служащих. Автор описывал свои похождения по этажам этого немаленького здания. Он обращался в конторы, во множестве разбросанные по дому, но в ответ получал лишь безразличие. Сотрудники оставались безучастными и мелькали мимо него, словно призраки. Заголовок фельетона таким и был — “Дом с привидениями”.

— Я так и знал, что любую мистику можно объяснить просто и по научному, — поднял вверх указательный палец Олег. — Кто-то брякнул, а название-то и прижилось.

— Может, оно так, а, может, и нет, — не унималась Инга. — Все-таки главной версией считается смерть жены губернатора Долгорукова, которая так рано умерла, и чей дух, по легенде, до сих пор не может найти своего упокоения.

А, может быть, все еще таинственнее. Чтобы разобраться в последней на сегодня версии мне пришлось серьезно покопаться в файлах и архивах. Я даже запросила сканы некоторых неоцифрованных документов. Так вот, есть теория, что дом номер двадцать четыре по Большой Московской построен на месте старого кладбища. И негативная энергия, собранная здесь за столетия, мешает нынеживущим спокойно жить и работать.

— Столетия? Кладбище настолько старое? — спросил Бестужев.

— Да что столетия. Тысячелетия.

— Владимир, конечно, город древний, но не настолько. Даже если и предположить, что несколько тысяч лет назад здесь жили люди, вряд ли они хоронили своих близких в одном месте да еще и при помощи ритуалов.

— И тем не менее. Давным-давно на Земле жил великий герой, одержавший много славных побед. В мировом эпосе он запомнился еще и тем, что стал прародителем армянского народа. Имя ему — Айк Наапет.

При упоминании этого имени Бестужев вздрогнул. Это имя он слышал из уст Исы Джавадова как минимум дважды.

— По легенде, в конце жизни он искал место, пронизанное энергией, способное дать последний приют телу и духу его самого и его генералов. В своих поисках он дошел до наших земель. И именно здесь находится его могила.

— Или то, что он очень хотел спрятать от посторонних глаз под видом своего захоронения, — задумчиво сказал Бестужев.

— В смысле? — заинтересовался Олег.

— В древности такие кладбища, на которых были похоронены товарищи калибра

Наапета, внушали страх и уважение другим людям. Считалось, что дух великих царей, воинов или шаманов охраняет эти места, и лучше обходить их стороной. А иначе — можно и голову сложить. И если предположить, что первый армянин решил схоронить на этом кладбище не только свое тело, но и свою тайну, то лучшего места было и не найти.

— И что же это за тайна? Колесница с золотом? Инопланетный корабль? Или, например... — Олег замолк, пораженный догадкой. Он ведь тоже вместе с капитаном читал письмо зороастрийца на Козловом валу.

— Клетка. С запертым в ней чудовищем, — закончил за него Бестужев. Пораженные они смотрели друг на друга широко раскрытыми глазами. Тишину разорвала Инга:

— Я одна тут ничего не понимаю?

Опера, перебивая друг друга, рассказали ей о письме Джавадова.

— Так вы считаете, что у нас под домом с привидениями заключенный под стражу сидит сам Сатана? — у Инги глаза полезли на лоб. — А вы вообще — нормальные?

— А то, что у нас тут происходит в последние недели, — нормально? — парировал Олег.

— Поверить не могу, — вскочила на ноги хакерша. — У нас тут Пасха на носу, главный, блин, религиозный праздник в стране. Все адекватные люди куличи пекут да яйца красят. А мы тут сидим и на полном серьезе размышляем о том, что во Владимире под домом сидит спрятанный от посторонних глаз Дьявол.

— Инга, успокойся, — Бестужев встал и подошел к ней ближе. — Во-первых, Пасха в этом году точно минует наш город: все, кто мог, уехал и празднует в нормальных условиях, а тот, кто остался, в лучшем случае проведет этот день за семейным столом и запертыми дверями. А во-вторых, не пытайся меня убедить, что за один миг ты превратилась из прожженной атеистки в истинно верующую христианку.

— Да тут не то что в истинно верующую превратишься, тут о монастыре на полном серьезе задумаешься, — проворчала Инга.

В этот момент дверь распахнулась, и в кабинет вплыл Хачериди.

— Что за шум, а драки нет? — вместо приветствия проголосил он. — Есть что-то, чего не знаю я?

Трое сотрудников отдела Q переглянулись. Чтобы не совершить лишних ошибок, общение с греком Бестужев решил взять на себя:

— Есть подозрения, Лозелло Парисович, что наш неуловимый Мистер Х каким-то образом связан с одним из зданий на Большой Московской, более известным в народе как “дом с привидениями”.

— Думаете, прячется там?

— Вполне возможно.

— Хорошо, капитан. Отправляйтесь тогда на разведку. Мы сейчас в таком положении, что нужно проверять любые версии, даже если они связаны с привидениями.

— Я понял, займусь этим сегодня.

— Отлично. Остальным — держать ухо востро. Чувствую я, что наш маньяк объявится. Если его действия действительно связаны с сатанизмом, то Пасха для него — что красная тряпка для быка.

— Есть держать ухо востро, — шутовски отдал честь Олег.

Хачериди посмотрел на него с сомнением, но решил не обращать внимание.

— Ладно, я — к Булдакову, посидим-покумекаем, как нам жить дальше. Выйдя из

кабинета, грек вынул телефон и набрал номер. Гудки шли очень долго, пока, наконец, на том конце не взяли трубку.

— Мессир, я дико извиняюсь, что выхожу по открытой связи, — затараторил Хачериди, — но время для соблюдения конспирации уже прошло. Наш объект полностью готов. Представляете, он сам каким-то образом вышел на “дом с привидениями”. Поразительно. Я отправил его туда — вроде как на разведку. Будем надеяться, что оттуда он уже и не выйдет... Да, мессир, конечно... План Б у меня тоже есть. Если наш объект вдруг отклонится от маршрута, то я обязательно его поправлю. Для этого все подготовлено... Слушаюсь, мессир. Мне осталось здесь решить одну небольшую проблемку с начальником РОВД. Недоверчивый попался. Не стал действовать по сценарию, который ему подсунули, засомневался, видите ли. Ну ничего, я все решу, мессир. У нас все идет по плану... Понял, на связь выйду, когда все начнется.

Хачериди нажал “отбой”, постоял несколько секунд в раздумьях, но вскоре, смахнув задумчивость, отправился наверх — во владения Булдакова. Перед кабинетом полковника он остановился. Дверь была слегка приоткрыта, из-за нее раздавался разговор на повышенных тонах. На цыпочках подойдя ближе, он, затаив дыхание, прислушался. Разговаривали двое. В первом Хачериди узнал хозяина кабинета, во втором — капитана Смирнова.

— Василий, я тебя в последний раз спрашиваю, кто тебе дал отпечатки для проверки? И не корми меня лапшой, что они неожиданно обнаружились. Я переговорил со Стрельцовым. Он уверен, что при первичном осмотре трупа никак бы не пропустил такую улику — целых три пальца. А тут вдруг неожиданно они нашлись — как удачно.

— Но, товарищ полковник, Стрельцов — старый тихий алкоголик, все мы знаем случаи, когда он довольно халатно относился к своим обязанностям.

— Не в этот раз, Вася. Даже чудак Стрельцов понимает, что ситуация давно вышла из-под контроля. И тут вдруг, словно *deus ex machina*, выплывают отпечатки. И не чьи-нибудь, а капитана Бестужева, ведущего расследование!!! А? Каково?

— Да я сам обалдел, когда узнал, чьи пальчики, — оправдывался Смирнов.

— И у тебя даже сомнения не возникло?

— Возникло, конечно. Но мне все так убедительно объяснили, что я растерялся. Потому и принес отчет сначала вам.

— Ага, — повысил и без того громкий тон Булдаков. — И кто же этот благодетель, который тебе разложил все по полочкам?

— Так ведь грек из ФСБ, Хачериди, — развел руками капитан. — Он сначала попросил съездить к Стрельцову и попросить того поискать отпечатки прямо на теле Голодного. И уже потом, когда я пробил их по базе, грек не выглядел удивленным. Наоборот — он мне так и сказал, что все логично. Что он и его контора уже давно приглядывают за капитаном Бестужевым, у них к нему много вопросов. Рассказал, что он командирован сюда именно для ареста нашего сыщика, просто раньше не хватало улик и доказательств. И его миссия — заставить Бестужева нервничать, чтобы тот запаниковал, начал совершать ошибки и сам себя выдал. И отпечатки на теле Ивана Голодного как раз и есть та самая роковая для Бестужева ошибка.

— Чушь, Вася, чушь полнейшая. Ты работаешь с Бестужевым уже далеко не первый год. А грека этого ты знаешь без году неделя. Как ты мог усомниться в своем товарище, скажи мне? Это грек, по всей видимости, запаниковал, понял, что расследование ему не по плечу, вот и решил пойти на крайние меры. Подкинул улики, сделал козлом отпущения Бестужева.

Считай, двух зайцев убил: и дело раскрыл, и “оборотня в погонах” выявил. Красота! Подавайте орден!

— Но, товарищ полковник, если вы правы, то после ареста Бестужева настоящий маньяк останется же на воле. И убийства не прекратятся. Что же в этом случае выгадает Хачериди?

— Я тебя умоляю, Вася, всегда можно списать на подражателя. Мало ли идиотов бегают по стране? Тем более, как выясняется, почитателей Сатаны в мире не меньше верующих во Христа.

— Товарищ полковник... Владимир Егорович... — замялся Смирнов. — Так что же делать-то? Я же не могу просто так закрыть глаза на улики, это же подсудное дело.

— Ох, молодежь, расти вам еще и расти, — вздохнул Булдаков. — Ладно, иди с миром и займись делом. С греком и его подставами я разберусь сам. Вам такой орешек не по зубам.

Смирнов с видимым облегчением отдал честь и пулей вылетел из кабинета. Хачериди в последний момент отпрянул и прижался к стене. Капитан вышел, не оглядываясь, поэтому и не заметил фсбэшника. А тот, стоя в тени, даже не шелохнулся. Что ж, размышлял грек, небольшая проблемка с начальником РОВД начинала превращаться в настоящий геморрой. Что ж, терапия, видимо, уже бессильна, придется решать хирургическим путем.

Выждав еще десять секунд, он вышел, поправил пиджак и с достоинством вошел в кабинет Булдакова, предварительно трижды постучав по косяку. Полковник выглядел так, будто совсем не удивился приходу грека. Наоборот — он будто ждал его.

Оба пытливо смотрели друг другу в глаза, не пытаясь начать разговор. Игра в гляделки затягивалась — никто взгляда не отводил. Первым не выдержал Хачериди.

— Я полагаю, товарищ полковник, что у вас есть ко мне вопросы, — спокойно сказал он.

— Есть. И очень много.

— Я вас понял и готов удовлетворить ваше любопытство. Тем более, что оно непосредственно касается вашего лучшего сотрудника.

— Да я вас за Бестужева... — в один миг завелся Булдаков.

— Остыньте, полковник, — холодно оборвал его Хачериди. — Вы тут уже ничего не решаете и сделать ничего не сможете. И то, что я готов поделиться с вами сверхсекретной информацией, — исключительно жест доброй воли. Так что давайте договоримся с вами так: через час я жду вас в кабинке вашего местного колеса обозрения. “Небо 33” вроде бы называется? Все равно до своего отъезда хотел посмотреть на Владимир с высоты.

— Теперь и я вас понял, — также холодно ответил Булдаков. — Я обязательно буду. И планирую получить ответы на все мои вопросы. Но в связи с военным положением аттракцион не работает.

— Для нас — заработает, — зловеще ответил Хачериди и, развернувшись на каблуках, твердым шагом покинул кабинет.

Булдаков дрожащими руками плеснул себе в стакан виски на три пальца. Что-то много пить стал, старею, блин, подумал полковник. Он подошел к окну. Через занавеску увидел Бестужева, выходящего из здания РОВД и направившегося в сторону Золотых ворот.

— Не верю!!! — прорычал Булдаков и залпом выпил виски.

Глава 19. "Чертово" колесо

Аттракцион "Небо 33" появился в парке имени 850-летия города Владимира не так давно — лишь в конце 2015 года. Хотя разговоры ходили чуть ли не с конца прошлого тысячелетия. Иметь "колесо обозрения" являлось хорошим тоном для любого уважающего себя российского города. Но, как известно, все стоит денег. Во Владимире долго искали спонсора, способного не только вложить в аттракцион собственные средства, но и сумевшего бы впоследствии извлечь прибыль на дальнейшее его содержание. В итоге все закончилось успешно — теперь увидеть

пейзажи древнего города с высоты птичьего полета может любой желающий.

Полковник Булдаков уже был здесь однажды. Он приходил сюда с внуками и знал, что время одного оборота составляет порядка пятнадцати минут. Колесо может крутиться и быстрее — в том случае, если желающих слишком много. Максимально быстро один круг можно пройти и за восемь минут. Но сегодня не было не то что наплыва посетителей, не было вообще никого. Да и само колесо стояло без движения.

Полковник подошел ближе, но не обнаружил присутствия грека. Он задрал голову вверх — может быть, Хачериди скрывается в одной из верхних кабинок? Высота аттракциона "Небо 33" составляла пятьдесят метров: хотя дух захватывало, в основном, у детей и пенсионеров. Люди среднего возраста, в основном, переживали за то, чтобы успеть сделать необходимое количество селфи из кабинок. Они, кстати, были ультрасовременными — с кондиционированием летом и обогревом зимой.

...Наверху грек тоже не обнаружился. Полковник подумал, что хитрый Хачериди обманул его. Видимо, он и не собирался приходить на эту встречу. Но в этот момент за его спиной раздалось аккуратное покашливание. Булдаков обернулся. Секретный агент по случаю небольшого похолодания был одет в элегантный плащ и стильное кепи в леопардовых тонах.

— Господин полковник, прошу занять любую удобную для вас кабинку, — грек сделал приглашающий жест рукой.

Булдаков не намерен был размениваться любезностями, поэтому просто открыл дверь ближайшей к нему кабины. Внутри было два диванчика, между ними — круглый столик. Он сел на один из диванчиков, Хачериди устроился напротив.

— Работников аттракциона сегодня не будет, — напомнил полковник. — Может быть, вы забыли, но в городе объявлено военное положение...

— Я никогда и ничего не забываю, — ответил грек. — Поверьте: для нас колесо будет работать — столько, сколько необходимо. Я уверен, что вид на город без людей — просто потрясающий. И у нас будет уникальная возможность лицезреть незабываемые панорамы.

— Пустой город — злой город, — возразил Булдаков.

— Отнюдь, — не согласился Хачериди. Он сделал еле заметный сигнал рукой кому-то, остававшемуся вне поля зрения полковника, и колесо, вздрогнув, начало свой бег. — Разве вы не замечали, как люди портят лучшие кадры? Вот вы проделали длинный путь к египетским пирамидам. Вы потели, наелись песка, возможно, вас укусил какой-то гадский представитель местного гнуса — и все это ради возможности сделать "редкий" кадр одной или нескольких пирамид. И что вы видите на экране своего фотоаппарата или смартфона? Помимо пирамид — везде снуют мерзкие людишки, лезут в объектив, портят кадр. Сначала

вы пытаетесь бороться с их нашествием, но постепенно смиряетесь. Или того хуже — специально начинаете портить кадры других туристов, приехавших вместе с вами. Разве не так?

Полковник промолчал. Но вспомнил, как он с супругой открыл для себя мечту Остапа Бендера — Рио-де-Жанейро. Естественно, поднялись и на гору Корковаду, где, раскинув руки, стояла знаменитая на весь мир статуя Христа. Путь на вершину был непрост: серпантины, мартышки, длиннющие переходы... А сделать красивую фотографию так и не получилось — площадка со статуей просто не вмещала всех туристов: они толкались, лезли в кадр, да еще и ругались на всех языках мира.

— Вижу, что так, — улыбнулся Хачериди. — Но не будем говорить о неключестях человеческих. Поверьте, дорогой полковник, я могу повествовать о них целую вечность. У вас же есть вопросы ко мне, не так ли? Что ж, я весь ваш. Не стесняйтесь, задавайте.

Булдаков на секунду задумался, с чего начать, а потом просто выпалил греку в лоб:

— Кто ты такой? Или правильнее так: что ты такое?

Теперь настало время задуматься Хачериди. Он молчал долго: аттракцион сделал почти половину своего оборота. Булдаков не торопил своего визави. Он понимал, что началась игра несколько другого уровня, и неправильно или невовремя сказанное слово может иметь далеко идущие последствия.

Наконец, Хачериди тяжело вздохнул и, пристально взглядываясь в глаза Булдакову, произнес:

— Скажите, полковник, вы не задумывались, почему колесо обозрения еще называют “чертовым колесом”?

— Если честно, даже мысли не было. Преступлений, совершенных на “Небе 33”, за четыре года не было. Так что в историю создания подобных аттракционов не углублялся.

— Тогда разрешите мне расширить ваш кругозор, — в этот момент кабинка достигла своей самой высокой точки, и колесо застыло на месте. Хачериди встал, любуясь видами города. — Лепотаааа! Воистину — город без людей смотрится намного более выгодным чем с оными. Но я опять отвлекаюсь, мой дорогой полковник.

Первое колесо обозрения в мире построил инженер с невозможным именем Джордж Вашингтон Гейл Феррис-младший. И все — из-за зависти. Ну как же — в Париже появилась Эйфелева башня, а любимый сердцу Чикаго на тот момент мог похвастаться лишь Зданием домового страхования с его унылой сорокадвухметровой высотой. И вот, в 1893 году, он возводит первое в мире колесо обозрения — аттракцион с диаметром в семьдесят пять метров. Согласитесь, полковник, такой размер является внушительным даже для нашего времени. Вдумайтесь в эти цифры: тридцать шесть кабинок вмещали в общей сложности до двух тысяч шестидесяти человек. Просто представьте, какое столпотворение было в первые дни жизни аттракциона.

Собственно, задача колеса с течением лет не менялась по всему миру: оно катало зевак по кругу, показывая местные окрестности с большой высоты. Так при чем здесь черт, спросите вы меня, дорогой полковник.

Хачериди замолк, выжидаяюще смотря на Булдакова. Тому ничего не оставалось, как спросить:

— И при чем здесь черт?

— Оооо, — театрально закатил глаза грек. — Версий так много, что уже и не знаешь, какая из них правдивая. Поговаривают, что при постройке первого колеса Ферриса, чтобы

уложиться в срок, подрядчики постоянно подгоняли рабочих. Сборка аттракциона шла круглосуточно, при этом работать ночью на высоте — еще то удовольствие. Из-за столь адских условий работы рабочие между собой стали называть колесо “чертовым”. Впоследствии название прижилось и распространилось по белу свету.

А есть другое, более банальное, объяснение. После чикагского детища Ферриса аттракцион расползся по всей Америке. И, конечно, их перестали делать гигантами семидесятипятиметровой высоты. Стандартное колесо обозрения обычной городской ярмарки или парка аттракционов было меньше, чем то, в котором мы сейчас находимся, и чаще всего имело тринадцать кабинок. А цифра тринадцать, как нам известно, имеет другое название — “чертова дюжина”. Как вам такое объяснение, полковник?

А, может, во всем виноват Муслим Магомаев? Помните его песню “Чертово колесо”?

Хачериди выпрямился во весь рост, принял позу оперного певца и неожиданно запел голосом, поразительно похожим на знаменитого советского исполнителя:

В зимнем парке тополя так грустны,
Липы просят подождать до весны.
Кверху дном все лодки молча лежат,
Как пилотки задремавших солдат.
Но ты помнишь, как давно по весне
Мы на чертовом крутились колесе,
Колесе, колесе...

А теперь оно во сне.

— Мой милый полковник, а где же ваши аплодисменты? — засмеялся Хачериди.

Булдаков угрюмо молчал. Ему начинала надоедать эта клоунада, устроенная греком. Он пришел сюда получить ответы на свои вопросы, а вместо этого прослушал лекцию об истории создания не особо и любимого им аттракциона?

— Так почему же колесо обозрения все же называют “чертовым”, - тем временем продолжал Хачериди. — Ведь это самый спокойный аттракцион в мире?

— Кажется, этого я сегодня так и не узнаю, — проворчал Булдаков.

— Ну как же, как же, дорогой полковник. Я рассказал вам столько теорий... Правда, есть у меня еще одна красивая версия. Дело в том, что все черти и демоны — это бывшие ангелы, в свое время вставшие не на ту сторону, — в улыбке Хачериди просматривалась настоящая, ненаигранная, тоска. — После падения Люцифера, у них отобрали нимбы и крылья, а взамен дали рога и раздвоенные копыта. Но вот тоску по небу воины Рая отобрать не смогли. И в ту пору, когда еще не изобрели самолеты, колесо обозрения стало единственной возможностью оторваться от брэнной земли и вознестись ближе к облакам. Помните? Диаметр первого колеса Ферриса составлял семьдесят пять метров. Это ведь на целых семьдесят пять метров выше опостылевшего мира людей. Людей — ради которых Дьявол и восстал в свое время против Бога.

Грек помолчал и добавил:

— И на девять тысяч и семьдесят пять метров выше ненавистного Ада...

Булдаков не отводил взгляда от Хачериди, хотя, несмотря на работающее кондиционирование в кабинке, почувствовал, как струйки холодного пота потекли по его спине.

Грек сузил глаза и еще придвинулся к полковнику вплотную.

— Знаете ли вы, мой дорогой полковник, как жарко в Аду? Ваши псевдоученые

регулярно выдвигают теории на этот счет. Одни говорят, что сопоставили цитаты из Библии и вывели температуру в 718 градусов Цельсия. Другие ссылаются на “Откровение” Иоанна Богослова, где сказано про озера, кипящие огнем и серою. Дескать, температура в Аду ниже точки кипения серы, то есть не выше 444,6 градуса. В противном случае сера превратилась бы в пар. Но знаете, полковник, в обоих случаях это всего лишь домыслы.

В Аду намного жарче — в десятки, а в отдельных местах — и в сотни раз. В вашем языке есть определение этому жару — Пекло. Но мало кто из вас, смертных, представляет, что это слово означает по-настоящему. Когда твое дыхание превращается в огонь, поэтому лучше не дышать; когда каждое движение испепеляет тебя, поэтому лучше не двигаться; когда каждое слово сжигает дотла, поэтому лишний раз лучше рта не открывать. Но ты вынужден дышать, двигаться и говорить, потому что ты находишься на работе. И ты прикован к этой работе на веки вечные.

Но так тяжело было далеко не всем. Взять хотя бы нашего старика Иоанна Богослова. А что Иоанн? — спросите вы. И ведь, действительно, ничего. Случайный смертный, коему удалось увидеть лишь один из возможных путей развития будущего этого мира. Этому старому пьянице хватило мозгов записать свои видения и передать священникам. А те уж постарались сделать так, чтобы “Апокалипсис” стал частью Библии. И описанное сумасшедшим Иоанном будущее стало единственно возможным. Потому что оно устраивало Церковь, устраивало Рай. Намоленное миллиардами людей “Откровение” стало неотъемлемой частью Священного Писания.

Но никто, ни одна живая душа не задала вопрос: а почему Иоанн описал столько бед и ужасов, которые должны обрушиться на этот истерзанный мир? Почему светлое будущее так никогда и не наступит? А если и наступит, то лишь для горстки праведников, которые переживут Армагеддон? А остальные в чем виноваты? Только лишь в том, что родились людьми? А какая участь уготовлена самому Падшему Ангелу? А его братьям? Кому есть до этого дела? Никому. В Аду, мой дорогой полковник, впрочем, как и в Раю, спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

Тысячи лет Люцифер пытался изменить пророчество Иоанна. Он искал другие пути. Ренессанс, эпоха географических открытий, время революций в промышленности и медицине, явление печатной машины Гутенбергу и таблицы периодических элементов Менделееву, развитие восточных империй и падение западных режимов. Раз за разом Падший Ангел пытался перехитрить творение безумного Иоанна. И раз за разом Провидение возвращало все на рельсы

“Откровения”. И в какой-то момент даже Люцифер опустил руки.

Знаете, полковник, почему на Земле все плохо? Дело не только в том, что Бог устал вас любить, как поется в одной вашей песне. Еще и Дьявол устал заботиться о человеческих душах.

Он один сделал для людей больше, чем все райские обитатели вместе взятые. Но почему-то никто этого не оценил. Потому что вам всем плевать и на самих себя, и на Бога, и на Дьявола. Вы — ошибка Творения, баг в компьютерном коде, мусор на просторах Вселенной. Без вас мир станет лучше, прекраснее.

Хачериди снова встал и развел руки в стороны.

— Смотрите по сторонам, полковник. Пустой Владимир — это предтеча пустыющей планеты. Только растения, животные и ангелы. Пусть павшие. Разве это не прекрасно? — и грек расхохотался в голос.

Булдакову стало страшно, очень страшно. Не за себя, нет. А за всех людей — и тех, что он встречал каждый день на работе, и тех, о существовании которых только подозревал. Ведь есть же на планете полтора миллиарда китайцев, а знакомых среди них — ни одного. Но они же есть, и они ни в чем не виноваты.

А Хачериди уже не мог остановиться. Он не говорил, он кричал, брызгая слюной, и, кажется, уже не замечая ничего вокруг. Этим моментом можно было бы воспользоваться, чтобы попытаться улизнуть с неприятной встречи. Но они зависли на высоте в пятьдесят метров над землей. Или на высоте в девять тысяч пятьдесят метров над Адом... Полковника начало трясти.

— Отчаявшись, Люцифер впал в уныние. Разочарование в человечестве было столь сильным, что на некоторое время он совсем перестал интересоваться происходящим в мире. Без его участия началась Вторая мировая война. Ах, какой был шанс, что вы истребите себя сами. Подчистую. Но нет, вы, люди, в очередной раз оказались хуже тараканов. Слишком живучи.

А ведь Дьяволу и так было нелегко. Уже не первое тысячелетие он был заперт в тюрьму. Пусть это была и золотая клетка, но прутья ее были ему не по зубам. Этот мерзкий Аик Наапет... Мало кто знал, что за личиной этого вояки скрывается сам Архангел Михаил главнокомандующий райского воинства. Он пленил Люцифера и заточил в клетке, построенной из перьев ангельских крыльев. И разрушить клетку невозможно. Нужны... А, впрочем, это уже не ваша проблема, полковник. Больше — не ваша.

Булдаков вжался в диванчик кабины, боясь пошевелиться и даже лишний раз вздохнуть. Хачериди менялся на глазах: черты лица заострились, волосы, сначала сильно удлинились, а потом стали медленно выпадать. Глаза налились кровью, зрачки становились вертикальными, как у рептилий. Менялся даже голос, он становился более глухим, с каждым выдохом в него все явственнее добавлялось рычание.

— Дьявол не бросил человечество. Сотни и сотни лет, будучи спрятан от всего мира, он пытался направить его по пути сообразно выбору самого Человека, наперекор начертанному плану Рая. Люди вольны в своих решениях — Люцифер всегда верил в этот постулат. За что и пострадал.

Но даже у дьявольского терпения есть предел. Падший Ангел устал и однажды откровенно психанул. Даже мы, верные его слуги, были шокированы, когда услышали его решение. Раз все хотят Апокалипсис, так пусть Он свершится, провозгласил он. И завершил свой спич сакраментальным: “Я умываю руки”.

Поверьте мне, полковник, далеко не все приняли такое решение Сатаниэля. Мой шеф, правая рука Дьявола, Антихрист, Первый Зверь, Зверь из моря — у него тоже много имен — решил немного подкорректировать выполнение задачи Люцифера. Мы сотни лет искали пути изменения “Откровения” — и, наконец-то, нашли. Оказалось, что решение лежит на поверхности. Не нужно было менять Пророчество Иоанна, это попросту невозможно. Надс лишь слегка подправить его — немного здесь, немного там. А в результате — мы прорвем клетку Дьявола и дадим новый бой райскому войску.

Вы хотели знать, кто я, дорогой полковник? А хотите увидеть мое истинное лицо? Уже не хотите? Поздно. Мы с вами зашли слишком далеко.

Облик Хачериди изменился окончательно. Одежда разлетелась в клочья, и демон предстал перед полковником в своем исконном обличье. Он стал выше ростом, кожа скрючилась и поменяла цвет на пепельно-серый. Ноги вместо ступней венчали копыта,

позади вилял куцый хвост, больше похожий на кнут. Признаков женского или мужского пола между ног не наблюдалось. Руки тоже удлиннились, на кончиках пальцев выросли длиннющие обсидиановые когти. Но самые большие метаморфозы претерпела голова. Она лишилась всей растительности. Из макушки вились толстые и закрученные бараньи рога. Нос втянулся в лицо, и только две небольшие дырки, как у сифилитиков, втягивали в себя воздух. Обратно он выходил с клубами дыма. Рот стал огромным. Когда Хачериди его открывал, полковник видел несколько рядов острых зубов и два раздвоенных языка. Но, в основном, испуганный взгляд Булдакова притягивали глаза, превратившиеся в два горящих угля. Они завораживали полковника, как удав гипнотизирует мышь.

— Ну что, мой дорогой полковник, вы получили ответ на свой вопрос? Вот он я, Второй Зверь, Зверь из моря или — как назвал меня Иоанн — Лжепророк собственной персоной. Я вострублю о начале новой эпохи — Эры Апокалипсиса.

Хачериди запрокинул голову вверх и издал нечеловеческой рев. После этого он, безо всякого предупреждения, невообразимо широко открыл пасть и в один присест откусил голову Булдакову. Попробовал ее пережевать, но быстро оставил свои попытки и выплюнул изуродованную голову на пол. Вся кабинка оказалась забрызганной кровью, фонтаном бьющей из разорванных вен и артерий шеи полковника.

Демону понадобилось несколько минут, чтобы успокоиться и приступить к обратной метаморфозе. Находясь в процессе, он подошел вплотную к стеклянной стене кабинки. Своим inferнальным зрением он видел дальше обычных людей. Пустынный город застыл в ожидании тех событий, которые Лжепророк готовил последние годы. Из древнего Владимира получится замечательный алтарь, на который лягут жертвы во славу его хозяина. Полковник Булдаков просто станет одной из первых...

Посмотрев в сторону Золотых ворот, демон увидел одинокую фигуру, идущую по Большой Московской. Он узнал в ней Бестужева. Тот поравнялся со зданием под номером двадцать четыре, известным в народе как “Дом с привидениями”.

Демон ощерился: пьеса подходила к своему апогею. До финала осталось совсем немного.

Глава 20. Бегство

Бестужев стоял возле входа в двадцать четвертый дом по Большой Московской и не знал, что ему делать дальше. Здание было закрыто на все запоры — комар не проскочит. Капитан несколько раз обошел дом по кругу, дергая за все ручки и заглядывая во все окна, до которых смог дотянуться. Глухо, как в танке.

Внутри точно никого не осталось — все работники Центра ИЗО и других организаций покинули здание и, судя по всему, не появлялись здесь как минимум неделю. Сторож или охранник тоже не обнаружился, впрочем, Бестужев сомневался, что таковой имелся в распоряжении и в мирное время. Лишние расходы деятелям культуры ни к чему.

Здание закупорилось и не спешило раскрывать свои тайны перед Бестужевым. Капитан признался сам себе, что данная вылазка не принесла никаких результатов — Хачериди будет явно недоволен. Конечно, можно было вломиться в “Дом с привидениями” под видом обычного грабителя, а потом все списать на непростые времена. Но никаких причин так поступать капитан не видел. На “Дом с привидениями” они вышли благодаря письму зороастрийца Джавадова. Якобы именно это название он прочитал по губам капитана в видении Фаравахара. Но, во-первых, он мог ошибиться, а во-вторых, “дом с привидениями” может означать какое угодно место.

И все же Бестужев не спешил уходить. Сомнения терзали его. С одной стороны, действительно, не было никакого повода проникать в здание. С другой — отказавшись от этого поступка, они вновь упирались в тупик. А расследование и так постоянно буксовало.

Зазвонил телефон. В пустом городе телефонная трель показалась особенно громкой. Бестужев вытащил смартфон из кармана. На дисплее высветилось “КАПИТАН СМИРНОВ”.

— Слушаю, Василий. Что-то случилось?

— Саня, я не могу долго говорить. Просто поверь мне. Ситуация вышла из-под контроля. Булдаков снят с должности и вообще пропал. Хачериди во всех убийствах открыто обвиняет тебя. В твоей машине провели обыск и нашли одежду и бейсболку, подобные тем, что свидетели видели на убийце. К гадалке не ходи: на нем найдут следы крови или отпечатки жертв. Тебя подставили, я точно знаю, потому что невольно сам участвовал в этом. В РОВД тебе дороги нет, тут хозяйствует Хачериди, тебя объявят в розыск. Так что выкинь телефон и беги. Просто беги. Ситуация либо сама разрешится, либо ты поможешь ей измениться в лучшую сторону. В любом случае, на свободе ты поможешь себе больше, чем за решеткой. Все, бывай. И удачи.

Телефон перешел на короткие гудки, а потом — полностью отключился. Бестужев стоял, словно громом пораженный, не веря в то, что сейчас услышал. Позвонить Олегу или Инге? Нет, опасно. Если его, действительно, бросились искать, то таких звонков от него будут ждать прежде всего. Выйдя из оцепенения, он с размаха разбил телефон об асфальт. Для надежности несколько раз припечатал несчастный девайс каблукот ботинка.

С учетом обстоятельств, речи о том, нужно ли продолжать исследовать “Дом с привидениями”, уже не шло. Сначала нужно было исчезнуть со всех радаров. Сказать легко, а как это сделать? Бестужев повертел головой по сторонам: куда податься? Домой нельзя — там, наверняка, с минуты на минуту пройдут обыски. Друзья, сослуживцы — обо всех уже известно Хачериди, тоже не пойдет. Вера? Нет, нельзя ее втягивать в эту ситуацию, нужно решать все самому. Бестужев стоял, судорожно перебирая варианты.

И тут его осенило — “Старый Баку”! Ведь у него есть разрешение, выданное Джавадовым. Он писал, что кафе сейчас закрыто, но Мухамад почти всегда там. Конечно, об этом месте знает Олег, но вряд ли он так просто поддастся на усилия Хачериди и сдаст своего шефа и друга с потрохами. Так что на день-другой “Старый Баку” может стать отличным убежищем. Плюс там тепло и сытно. Приняв решение, Бестужев больше не сомневался ни секунды. Сорвавшись с места, он побежал в сторону Лыбедской магистрали.

...На счет своих коллег капитан не ошибся. Что там отдел Q, весь РОВД пребывал в состоянии грогги, получив удар в подбородок от Хачериди. Греку не верили и теперь ненавидели все, вплоть до уборщицы тети Шлаги, которая приходила по вечерам исполнять свои обязанности, несмотря на страх, поглотивший город.

А Хачериди использовал всю полученную власть по полной программе. Он собрал весь личный состав в актовом зале и огорошил их известием об измене Бестужева. Грек рассказал, что изначально прибыл во Владимир подготовиться к аресту “оборотня в погонах”. Дескать, хотел собрать большую доказательную базу, но не успел. Капитан, словно демон, начал убивать людей. Но любому беззаконию наступает конец. Словно туринской плащаницей, Хачериди размахивал одеждой, найденной в багажнике бестужевской четверки.

— Вот оно, вот оно, доказательство вины этого оборотня, — кричал он с трибуны, брызгая слюной. — Все это время он прятался среди нас. Более того — он возглавлял расследование, то есть искал сам себя. Представляете, какими идиотами мы ему казались? Он каждый день смеялся над нами, а мы ничего не замечали.

И так — добрых полчаса. Но досталось не только капитану. Проехавшись по нему, Хачериди принялся за Булдакова.

— А ваш полковник? Булдаков догадывался об измене Бестужева, но пальцем о палец не ударил, чтобы вмешаться в ситуацию. Это предательство не только вашего РОВД, но и всей владимирской полиции в целом. За это его еще ждет в будущем неминуемое наказание. Но сейчас мы не можем разбрасываться людьми. Поэтому, по законам военного времени, полковник разжалован мною в рядовые и направлен на спецзадание. Пусть в поле отработывает свои взыскания.

Олег и другие сотрудники пытались связаться с полковником, но телефон последнего был выключен и даже не отслеживался по сим-карте. Лейтенант чувствовал, что грек чего-то не договаривает, но вот что именно, сказать пока не мог. Он ни на секунду не верил в виновность Бестужева и очень сильно сомневался в причастности Булдакова. А вот к Хачериди у него было очень много вопросов. Но сейчас вписываться за шефов было явно не самой лучшей идеей. Тем более, что он видел: некоторые коллеги поддались ораторской магии грека.

Бестужева объявили в розыск — и сразу в федеральный. Но Олег понимал, что капитан никуда из города не денется, пока не очистит свое имя. Ну, конечно, если не виноват. Тьфу ты, даже мысли об этом надо гнать, — и Олег натурально сплюнул прямо на пол.

Инга, используя свои цифровые пути, пыталась вычислить местоположение Бестужева — но не для Хачериди, а чтобы узнать, не нужна ли капитану какая помощь. Она просматривала записи с уличных камер — с тех, что еще работали, анализировала последние звонки шефа — но пока что все было впустую.

Хачериди своей истерикой парализовал деятельность всего РОВД. Личный состав был брошен на поиски Бестужева. Соответственно, приостановилась вся работа по

расследованию. Теперь у владимирской полиции по сути была только одна версия и одна цель — капитан Александр Бестужев.

А сам виновник переполоха за какой-то час добрался до “Старого Баку”. Как мог, он избегал открытых участков и тех камер, о существовании которых знал сам. Перед тем, как попросить укрытия, он долго наблюдал за входом в кафе, прячась в кустах. Но за это время дверь ни разу не открывалась, никто не подходил к “Старому Баку” и никто не выходил наружу. Наконец, решившись, он подошел и постучал в окно. Никакой реакции. Через минуту Бестужев постучал еще — на этот раз громче и настойчивее. По ту сторону окна показалось заспанное лицо Мухамада. Узнав капитана, он вопросительно на него посмотрел: мол, чего нужно? Бестужев знаками объяснил: нужно войти. Азербайджанец застыл на мгновение, будто прислушиваясь к чему-то, а потом утвердительно кивнул.

Попав внутрь, Бестужев попросил Мухамада чего-нибудь поесть. От последних событий аппетит разыгрался не на шутку. Понимая, что скрывать правду от хозяина смысла нет, он вкратце рассказал ему о розыске и своем побеге. Мухамад внимательно выслушал капитана, кивая и не перебивая.

— После вашего ухода мы обсуждали с Верховным жрецом личность этого грека, Хачериди, — сказал Мухамад. — Есть подозрения, что это один из высокопоставленных демонов Сатаны. О нем упоминает Иоанн в тринадцатой главе своего “Откровения”. В христианской религии он известен как Лжепророк. Согласно пророчеству, именно его льстивые речи и скрытые действия помогут взойти Антихристу на мировой престол. Он является членом дьявольской тройки, которая является антагонистом Святой Троицы. У верующих это Бог-Отец, Бог-Сын и Святой Дух. У сатанистов — Дьявол, Антихрист и Лжепророк.

— Но это же сказки, как и вся религия! — не выдержал Бестужев.

— Сказки? Нет, капитан, сказки кончились, для всего человечества наступает время суровой реальности. Вот только она кардинально отличается от той реальности, в которой вы все привыкли жить. Бог и Дьявол существуют. У разных народов в разные века они назывались по-разному. Но суть всегда оставалась одной и той же: извечная битва между Добром и Злом длилась веками и продолжается до сих пор. И главный приз в этой войне — человеческие души.

Мухамад сделал паузу, но, видя, что Бестужев не готов с ним спорить, продолжил:

— Мы, зороастрийцы, в числе прочих богов, чтим огонь. Он очищает взгляд и позволяет под другим углом смотреть на многие, даже привычные глазу, вещи. За прошедшие тысячелетия мы видели много битв, сражений и простых мелких стычек между святым и дьявольским воинствами. И я не всегда понимал, кто из них сражается на стороне Добра, а кто — Зла. Иногда мне кажется, что за века истории человечества стороны несколько раз меняли полюса. Поверь мне, Свет не всегда сражался на стороне Добра и за Добро. То же и Тьма. Кто сейчас имеет какую окраску, не скажу. Я давно отошел от дел, сейчас мой удел — плов и долма.

— Сколько тебе лет? — негромко спросил Бестужев.

— Я давно сбился со счета, — в тон ему ответил зороастриец. — Когда-то святой огонь бушевал во мне. Я был Верховным жрецом задолго до Исы Джавадова. Но со временем пламя утихло. Много зим назад Фаравахар послал мне видение, в котором я увидел этот город и это кафе. Правда, я начинаю подозревать, что место выбрано неспроста. Владимир становится ареной для большой битвы между силами Рая и Ада. Мудрый Фаравахар обманул

меня: он не отправил меня на покой, а лишь дал небольшую передышку перед тем, как снова поставить в строй.

Сидя за столом в уютном кафе без посетителей, уплетая вкуснейший шашлык из баранины, Бестужеву слабо верилось во все услышанное. Он по-прежнему считал, что в городе орудует умный маньяк, который навел ужас на целый город. И никакой мистики тут нет. Правда, определенные семена сомнения уже дали свои ростки. Слишком много нереалистичного было в этом деле: от единой татуировки на телах жертв до ритуальных самоубийств сатанистов. Да и Хачериди во всем этом был явно замешан, теперь Бестужев не сомневался.

Эх, выяснить бы, что у них на него есть стоящего. Смирнов сказал, что нашли одежду, похожую на ту, что была на убийце. Но ведь надо еще доказать, что она принадлежит Бестужеву. Ведь любой здравомыслящий следок, прежде всего, подумает о подставе. Или в хаосе последних дней здравомыслящих людей осталось мало?

Что у них может быть на него еще? Да что угодно, оборвал капитан сам себя. Мистер Х показал себя дьявольски хитрым соперником, поэтому можно ожидать любой, самый подлый ход.

Что же делать дальше ему самому? За Олега и Ингу он был спокоен: без шефа они должны лечь на дно. Главное, чтобы не наделали глупостей. Немного тревожно было за Булдакова, но капитан надеялся на опыт Егорыча. Как говорится, и не такие вопросы заваливали...

И тут Бестужев вспомнил про Веру. Она ведь журналистка. И, наверняка, одной из первых узнает новость о том, что капитан — предатель и убийца. Будет звонить ему, а он даже не сможет ответить и все объяснить. Черт, не везет с отношениям что-то ему в последнее время. А если Хачериди захочет использовать Веру против него? Но ведь о ней никто не знает. Капитан прокручивал события последних недель и не вспомнил ни одного случая, когда бы при его встречах с Верой присутствовал кто-нибудь еще.

— Странно, но это факт, — подвел он итог сам для себя. — Значит, есть шанс, что ее можно вывести из игры до того, как ее найдет Хачериди.

Бестужев спросил у Мухамада есть ли у него телефон, который было бы сложно отследить. Зороастриец кивнул, ушел в подсобку и вернулся со спутниковым телефоном. К трубке был подсоединен какой-то мигающий девайс.

— Это чтобы оставаться черной кошкой в темной комнате, — глубокомысленно заявил Мухамад.

Бестужев набрал сотовый Веры, но тот ответил стальным “Абонент выключен или находится вне зоны действия сети”. Где она может быть? Может, у него дома? Скрепя сердце, он набрал свой домашний номер. Прошло три гудка, и трубку сняли. Но, к сожалению, на том конце провода его уже ждали. Вместо привычного “Алло”, Бестужев услышал медовый голос грека:

— Наш дорогой капитан, я полагаю, — Бестужев как наяву увидел, как Хачериди ехидно улыбается. — А мы уже вас заждались.

— Кто мы? — хрипло спросил капитан.

— Винни Пух и все-все-все, — рассмеялся довольный грек. — А вы, позвольте спросить, когда к нам пожалуете?

— Что с Верой? — догадки Бестужева были самыми мрачными.

— С Верой? — капитану показалось, или Хачериди удивился, причем не наигранно.

Если и так, то грек быстро справился со своими чувствами. — С ней все в порядке. Пока что. Но если ты не придешь сдаваться, то нам придется познакомиться с твоей пассивностью поближе.

— Зачем мне сдаваться? — Бестужев лихорадочно соображал, что ему делать в этой ситуации, и старался потянуть время. — Ты же знаешь, что я не виновен, что я никого не убивал.

— Знаю, — неожиданно легко согласился Хачериди. — Но послушай, капитан, какое это уже имеет значение? Ровным счетом никакого.

— Я не понимаю тебя.

— Поймешь, очень скоро поймешь. В этой пьесе твоя роль подходит к концу, мой дорогой капитан. Ты отыграешь еще одну, самую главную сцену и отправишься вслед за своим другом — полковником Булгаковым.

— Он мертв, — это было, скорее, утверждение, чем вопрос.

— Мертв, — снова легко согласился Хачериди. — Полковник оказался умнее, чем я думал. Пришлось его убрать.

— Значит за всем этим цирком стоишь ты? Ты убил трех человек, нагнал в город сатанистов, устроил во Владимире форменный хаос...

— Да, я внес свою посильную лепту, — в третий раз согласился грек. — С одним лишь уточнением: я не убивал гангстеров. Мой дорогой капитан, это ты у нас в убийцах числишься.

— Хватит притворяться, — взорвался Бестужев. — Нас никто не слышит, не пишет, так что можешь смело признаваться в своих грехах.

— Моих грехах?! — теперь вышел из себя уже грек. — Да что ты знаешь о грехах, капитан? Ровным счетом ничего. А вот я — знаю о них слишком много. И за все свои прегрешения я когда-нибудь обязательно отвечу. Перед кем — не знаю. Но отвечу. А этих троих я не убивал. Что же касается твоей Веры — вот тут я могу и не сдержаться.

Бестужев почувствовал, что грек подавил в себе вспышку гнева и снова готов издеваться над капитаном. Пора было эту комедию заканчивать.

— Послушай меня, Хачериди. Если хоть один волос упадет с ее головы, я порву тебя на мелкие кусочки. Понял меня?

— Вот и в тебе заговорил демон, капитан, — Хачериди был явно доволен происходящим. — Никто твою принцессу трогать не будет. Пока я этого не позволю. Предлагаю следующее. Приходи за ней сам и забирай. Как тебе?

— Куда и когда?

— Приходи завтра — отметим Пасху вместе. А куда? Адрес тебе известен. Большая Московская, двадцать четыре. Дом с привидениями.

— Я был там сегодня, что-то в гости не звали.

— Завтра тебе там будут рады, капитан. Я обещаю. Ну что — договорились?

— Договорились.

Бестужев дал отбой и посмотрел на Мухамада.

— Ну как все прошло? — спросил зороастриец.

— Зовут в гости к Дьяволу, — усмехнулся капитан.

— Тогда предлагаю тебе отдохнуть перед дорогой. Путь может оказаться более длинным и тернистым, чем тебе кажется. Иди поспи, на ужин я тебя разбужу.

— Нет, — ответил капитан, — возражений.

В это же время в квартире Бестужева Хачериди положил трубку и обернулся. Он пришел

сюда два часа назад и все это время был один. Но теперь возле окна, на стуле, сидела красивая брюнетка средних лет, вальяжно закинув ногу на ногу. Из одежды на ней была лишь мужская рубашка. Как будто она только что занималась сексом и после полученного наслаждения решила сделать любимому мужчине чашечку кофе. Улыбнувшись греку, девушка достала из сумочки сигарету и закурила.

— Так вот ты какая, Вера-Верунчик, — медленно протянул грек, не сводя с журналистки глаз. — А наш капитан сильнее, чем он сам догадывается. Надо обязательно предупредить мессира... Тебя связать или сама пойдешь?

— Ты же знаешь, что я тебе не по зубам, — усмехнулась Вера, тщательно затушив бычок в хрустальной пепельнице. — Даже если эти зубки — очень острые и в несколько рядов. Но не волнуйся: я пойду с тобой сама. Судьба Бестужева, как ты понимаешь, волнует меня намного больше, чем моя собственная или твоя грешная.

Глава 21. Путь адепта

Решив вопрос с Верой, Хачериди вернулся в отдел. Финальная фаза их предприятия должна была пройти без сучка и задоринки. Поэтому необходимо было исключить любые угрозы. Проблему полковника Булдакова удалось решить оперативно, хоть он и позволил себе слабость перевоплощения.

Теперь необходимо понять, что делать с отделом Q. Грек понимал, что ни Олег Веретенников, ни Инга Татарникова ни на секунду не поверили в его байки о Бестужева. И даже сейчас, под пристальным взглядом самого Хачериди, думают лишь о том, как помочь своему шефу. При этом новых жертв и убийств грек не жаждал. Достаточно одного Булдакова. Ведь когда безголовое тело полковника обнаружат, поднимется серьезная буча. Впрочем, одернул демон сам себя, когда труп найдут, будет уже не важно.

Вдвоем Инга с Олегом представляют из себя вполне боеспособную единицу, это следует признать. Бестужева удалось за короткое время слепить из вчерашнего курсанта и хакерши-лесбиянки мощный аргумент в борьбе с преступностью. Поэтому нужно их разъединить, а еще лучше — перетянуть кого-то одного на свою сторону. Вот только — кого именно?

Неудача с капитаном Смирновым заставила действовать Хачериди более осмотрительно. Он сразу понял, что Бестужева предупредил именно Смирнов. Наказывать предателя Хачериди не стал — все-таки капитан действовал в рамках субординации, а не потому, что был на одной стороне с греком.

Так кого же взять в оборот? Поначалу Хачериди склонялся к кандидатуре Инги. Не последнюю роль в этом играла сногшибательная фигура хакерши. Грек не сомневался, что переформатировать лесбиянку в бисексуалку не составит для него особого труда. Но, приглядевшись к ней поближе, он от этой идеи отказался. Инга была умнее, чем могло бы показаться. Годы, проведенные в мире нулей и единиц, закалили ее сознание, ускорили быстроту мышления и увеличили уровень IQ на порядок. Победить ее в теологическом споре, могло оказаться не под силу даже самому Лжепророку. Интересно, как Бестужева это в свое время удалось?

Значит, оставался Олежек. Наскоро прикинув ход предстоящей беседы, Хачериди резко встал и громко заявил:

— Все, аллес на сегодня. Мы все сегодня немного устали, а завтра — Пасха. Война — войной, а чокнуться яичками и разговеться нужно обязательно. А я подозреваю, что у вас дома еще конь не валялся. Так что делаем, как в Японии: звонок на заводе прозвучал, все бросили — и ломанули на выход.

Олег с Ингой переглянулись и, не сговариваясь, пошли к выходу.

— Впрочем, тебя, лейтенант Веретенников, я все же попрошу немного задержаться. Я бы хотел объясниться по поводу вашего капитана и моей роли в этой истории, чтобы в будущем у нас не было недомолвок. Буквально на десять минут. Выпьем по стаканчику виски — и разбежимся.

Услышав про виски, Инга наморщила носик и поспешила скрыться поскорее. Олег, слегка разочарованный, вернулся на свое место. Хачериди, не стесняясь, открыл тумбочку Бестужева и вынул початую бутылку виски и два стакана. Каждый наполнил больше половины. Взял стул и присел к Олегу.

Они чокнулись, сделали по большому глотку, и Хачериди ошарашил лейтенанта:

— В общем, для начала хочу извиниться перед тобой: преследование твоего шефа придумано мной от начала и до конца. Это я сфабриковал и подкинул все улики.

— Значит, ты и есть убийца. Мистер X, — констатировал Олег.

— Да что ж вы все меня обвиняете во всех смертных грехах, — обиделся грек. — Нет, я никого не убивал, хотя, признаю, что мне известна личность маньяка. Но речь пойдет не об этом, мой друг.

— Мы с тобой не друзья, — огрызнулся Олег.

— Сейчас — скорее, нет, — согласился Хачериди. — Надеюсь, что в конце нашей беседы мы станем хотя бы соратниками. Дело в том, что я хочу предложить тебе открыть новую главу в своей жизни.

— Стать стукачом или что-то вроде этого? Нам в учаге рассказывали, как в Советах граждан превращали в сексотов, а по сути — в доносителей.

— Идея, кстати, принадлежит мне, — мило улыбнулся грек. — И до поры до времени она позволяла сохранять какой-никакой порядок в коммунистическом Раю. Да, я действительно предлагаю тебе вступить в наши ряды. Но ни на кого доносить не нужно. В нашем Воинстве Свободы в этом просто нет нужды.

— Воинство Свободы? Что за очередная секта? — Олег по-прежнему был настроен очень враждебно.

— Ну скажу тебе на более понятном тебе языке, — вздохнул Хачериди. — Воинство Свободы — это Армия Сатаны. И я призываю тебя присоединиться к нам, как это уже сделали сотни тысяч людей по всему миру.

— То есть все эти пожиратели младенцев и убийцы девственниц — воины Свободы? Какое-то стремное у тебя предложение, Лозелло Парисович, уж не обессудь.

— Тьфу ты, мерзость какую вспомнил. Поверь мне, Олег, то, что ты слышал о Дьяволе и его сторонниках, на девяносто процентов ложь. Мы стали жертвами медиа во всех его проявлениях: кино, театр, литература, искусство и даже журналистика. Да, мы восстали против Бога, а, точнее, против проводимой им политики в отношении человечества. Мы считали тогда и верим сейчас, что Человек достоин сам решать свою судьбу, а не жить по написанному кем-то сценарию. Вы все — не актеры, играющие лишь свои роли. Вы — герои, ежесекундно делающие выбор и принимающие решения, которые влияют на вашу жизнь и жизнь всего вашего рода.

А все эти убийства и мрачные ритуалы... Мы сами столетиями боремся с этой “славой”. Хотя обидно. Почему-то деяния Инквизиции, тысячами сжигавшей женщин на кострах и мучившей мужчин в застенках, никем особо не осуждаются. А любой шаг во имя Сатаны становится пороком, когда еще только занесена нога. Ошибки любых религий замалчиваются или, в лучшем случае, спихиваются на конкретных людей. А вот дела дьявольские даже звучат зловеще, не находишь? Хотя мы пытаемся привнести в жизни людей хоть немного свободы.

В последнее время ситуация стала более благоприятной. Наше Воинство растет. В его ряды вступают губернаторы, сенаторы, спортсмены, владельцы корпораций и прочие селебрити.

Но и противники не дремлют и постоянно вставляют палки в колеса. В свое время актеры Джим Керри и Мэл Гибсон в открытую пытались обвинить значительную часть американской элиты, в том числе и известных деятелей Голливуда, в ритуальном сатанизме. Стоит отдать им должное: они разворошили много тайн, их расследования могли

перечеркнуть сотни карьер. Конечно же, мы все замяли. А сами актеры с тех пор стремительно теряют популярность и работают вне системы. Такие же попытки вынести сор из избы неоднократно предпринимались и в Болливуде, и в европейском киносообществе.

Но в своей общей массе селебрити — любимые наши клиенты. А чему удивляться? Все они самолюбивы, в обязательном порядке — карьеристы, деньги и славу ценят намного больше собственной души, разницу между добром и злом различают слабо.

— И такие есть среди нас сейчас?

— Да полно. Возьми хотя бы Бейонсе и Джей Зи — на данный момент это самая известная и богатая пара в истории шоу-бизнеса. А ведь десять лет назад кто бы мог такое предположить? Взлетев на вершину, они перестали скрывать свои убеждения. Бейонсе даже на выступления выходит с кольцом дьяволицы Бафомет на пальце.

— То есть отличить слуг Сатаны от обычных людей можно по внешним атрибутам? Кольца, серьги, тату?

— Можно, — усмехнулся Хачериди. — Но есть и более простой способ. Просто проанализировать жизнь того или иного персонажа. Если ты видишь, что никому не известный человек за короткое время сделал карьеру, вознесся на самый Олимп — значит, это наш адепт.

— Каз Заболотный в “Зените”?

— Нееет, — рассмеялся Хачериди. — Заболотный — это уникальный случай, не поддающийся никакому объяснению. Тут Дьявол ни при чем. Но суть ты уловил правильно. Вот, например, Канье Уэст был обычным банальным исполнителем, коих тысячи по всему миру. Но неожиданно он взлетает на пик славы. И тут же заявляет со сцены: “Я продал свою душу Дьяволу. Я знаю, что это была паршивая сделка, но, по крайней мере, он пришел с подарками...”

А певица Рианна? Та даже в своих клипах не стесняется использовать символику Сатаны в огромных количествах. Можно вспомнить также иконы стиля прошлых лет. Джон Леннон как-то признался: “Я знаю, что The Beatles будут иметь такой успех, какой не имел ни один рок-н-рольный музыкант, ни одна группа, ведь я ради этого успеха продал душу дьяволу”.

Иногда мы гасим эти проявления, а иногда наоборот — им потворствуем. Все зависит от ситуации.

— И вам все всегда сходит с рук? — удивился Олег. — Неужели никто ничего не подозревает, не догадывается, не роет носом в этом направлении?

— Ну почему же? Всегда находятся люди, мешающие нашим планам. Взять хотя бы вашего полковника Булдакова — нюх сыщика не обманул его. Но он за это поплатился.

Олег побледнел, Хачериди увидел это и быстро добавил:

— Не стоит так сильно переживать за него. Наверняка, он уже в Раю, попивает мохито и ведет отвлеченные беседы о классицизме в русской литературе.

К сожалению, мы не можем спускать на тормозах все поползновения наших врагов — и иногда приходится идти на крайние меры. Вот, например, американский агент ФБР Тед Гандерсон попил у нас много кровушки. Я навсегда запомнил его слова из одного интервью: “Я проработал старшим специальным агентом отделения ФБР в Лос-Анджелесе двадцать семь с половиной лет. Я получил квалификацию в суде как эксперт по сатанинским ритуальным извращениям. У меня есть информация, что большинство известных мировых актеров и певцов вовлечены в такого рода деятельность”.

— Этот агент мертв?

— Терпеть его расследования вечно было невозможно. В 2011 году мы провели спецоперацию по его ликвидации. Но внешне все выглядело пристойно.

Пойми, Олег, мы не убийцы. Но мы боремся за претворение нашей идеологии в жизнь, мы ограждаем ее от посягательств таких людей как оперативник Гандерсон или полковник Булдаков. И это — серьезная работа, которую я предлагаю тебе. Ты нужен нам не как очередной победитель “Евровидения”, нет, мы видим в тебе намного больший потенциал. Я хочу, чтобы ты встал рядом со мной и потратил свою жизнь, защищая наши идеалы. Хочу обратить твое внимание, что это будет очень долгая жизнь.

Олег задумался. Он понимал, что его сейчас искушают. И что, поддавшись на уговоры Хачериди, обратного пути уже не будет. Скорее всего, он потеряет своих друзей, родных и весь тот мир, к которому он привык и который успел в свои молодые годы полюбить. А с другой стороны... Новые перспективы, которые перед ним открывались... Разве не об этом мечтают все люди на Земле? Не думать о еде, деньгах и работе. Когда всего этого в избытке, можно посвятить свою жизнь тому, что действительно тебе важно, интересно.

Словно прочитав его мысли, Хачериди сказал:

— Если ты согласишься, тебе не обязательно кардинально менять свою жизнь. Ведь вступив в Воинство Свободы, у тебя не вырастут крылья или копыта. Тебе даже не нужно будет увольняться с работы, по крайней мере, до тех пор, пока ты сам этого не захочешь.

— Ну если все так, как ты говоришь, какова же цена всех этих денег, славы и прочего? — все еще сомневаясь, спросил Олег. — Все, как у Фауста? Душа и вечные муки после смерти?

— Я тебя умоляю, — на одесский манер ответил Хачериди. — Кому все это надо? Гете — большой фантазер. Он сам заключил сделку с Дьяволом, но при этом описал сей процесс в соответствии с готической модой своего времени.

— То есть Сатана ничего не потребует взамен? Как-то слабо в это верится.

— Ну почему же? Есть одно условие. Ты должен стать свободным, свободным во всем. Твоя религия, Олег, накладывает огромное количество ограничений, а их быть не должно. Сбрось оковы законов и морали, живи только своим собственным выбором, своими собственными решениями. Стань по-настоящему вольным ветром. И не надо тратить время на глупые вещи типа зарабатывания денег и построения карьеры — все это мы берем на себя.

— А ты сам живешь так?

— Свобода — в моей крови. Я был рожден белокрылым ангелом, в чьи обязанности входило обучение людского рода языку, на котором они могли бы общаться. Это было очень давно, Олег, но я храню воспоминания о тех днях. Мне нравилась моя работа. Но очень скоро я стал замечать, что людям разной кожи, разного строения тела сложно говорить на одном языке. Я осознал истину: к каждому народу, к каждому человеку нужен свой подход. Людям, живущим на разных континентах, в разных климатических поясах неудобно произносить одинаковые звуки. Я много раз пытался объяснить другим ангелам свои мысли, но всегда наталкивался на стену: за нас все давно решили, просто иди и выполняй свою работу.

Вот почему я встал на сторону Самаэля, разделил его судьбу, но не разуверился в его идеалах. Однажды приняв их, не сможешь жить по-другому и ты. Так что решайся.

— И как все произойдет? Подпишем договор кровью? — иронично спросил Олег. —

Что будем использовать? Ритуальные ножи? Перья феникса? Или будет достаточно шариковой ручки?

— Подписывать ничего не нужно, — улыбнулся Хачериди. — А вот крови, безусловно, будет много. Ведь для того, чтобы стать воином Свободы, тебе необходимо переродиться. А для этого — нужно сначала умереть.

Хачериди резким движением вынул из кобуры пистолет, приставил его ко лбу Олега и нажал на курок. Раздался выстрел. Лейтенант с удивленным выражением лица медленно завалился на спинку кресла. Между глаз у него дымилась небольшая дырка.

Не тратя времени даром, грек приступил к ритуалу воскресения. Разрезал свою ладонь и кровью нарисовал потаенные знаки вокруг пулевого отверстия. Поигрывая ритмом и громкостью нараспев прочитал необходимые заклинания. В этот момент в дверь стали стучать сотрудники РОВД, обеспокоенные звуком выстрела.

Хачериди ускорился. Сквозь человеческие черты лица все чаще проникали демонические. Он делал одному ему понятные пассы руками, голос при чтении заклинания становился все выше.

В дверь перестали стучать и начали барабанить.

Хачериди оборвал себя на полуслове.

Кровь, размазанная уже по всему лицу и лбу Олега, задрожала и быстро затекла обратно во входное отверстие. Грек подставил руку, и на его ладонь вывалилась пуля.

В коридоре дали команду ломать дверь.

Хачериди провел ладонью по лбу, и рана затянулась сама собой.

В тот момент, когда дверь с грохотом слетела с петель, Олег, охнув, открыл глаза.

В кабинет ввалилось сразу пятеро полицейских, у троих из них в руках были пистолеты.

— Что здесь происходит? — закричал дежурный.

Хачериди с удивленным выражением лица повернулся к коллегам. Он крепко держал стакан с виски.

— А шо таки случилось, граждане? — снова включил он одессита. — Разве издали закон о запрете двум бравым хлопцам посидеть да повыпить немного горилки? Я не слышал. А ты, Олежек?

Живой и здоровый Олег встал из-за стола и подыграл греку:

— Таки и я не слыхал. Может быть, вы, господа?

— Мы слышали выстрел, дверь была заперта. Мы вас звали, а вы не открывали, и — вот, — растерянно показал на вход дежурный.

— Так это мне Олежек показывал нового вДудя, — махнул рукой Хачериди. — Вы же в курсе, что он перешел на новый уровень: вместо интервью теперь документальные фильмы мастражит?

— В курсе, — буркнул дежурный. — Пойдемте, ребята. — На выходе он остановился и спросил грека исподлобья: — А с дверью-то что делать?

— Да фиг с ней, с дверью, — махнул рукой грек. — У нас же сейчас в городе военное положение, вот и спишем на войну. Будет время — починим, а еще лучше — купим новую.

Удовлетворенные тем, что никакого наказания не намечается, полицейские покинули кабинет. Олег озадаченно потер лоб.

— Я был мертв? Или мне это приснилось? — спросил он у Хачериди.

— Был-был. Но теперь — живее всех живых. Кстати, и здоровее многих тоже. Можешь не благодарить. Под шумок излечил тебя от всех зарождающихся у тебя болячек.

— Круто, — улыбнулся лейтенант. Он и впрямь чувствовал себя намного бодрее. — И вот что интересно... Скажи: а у меня был выбор перед этой встречей?

— Апокалипсис близок, Олег, — серьезно ответил Хачериди. — Но я надеюсь, что он пройдет по нашему сценарию, а не по книге Иоанна. В любом случае, мир скоро изменится. И какое место в новом порядке займешь ты, решать только тебе. Но сегодня шанс на свободное будущее у тебя, безусловно, появился.

— И что мы будем делать дальше?

— Дальше нам предстоит тяжелая работа. Для того, чтобы разрушить клетку Самаэля, нужно больше человеческих душ. В топку пойдут те безумцы, которые возомнили себя слугами Сатаны, при этом ни на секунду не представляя, что это по-настоящему значит — быть воином Свободы. Завтра — Пасха, решающий день. Поэтому этой ночью мы с тобой спать не будем. Мы превратимся в двух кочегаров, кидающих души-поленья в огонь. Эти души жалеть нечего, у них все равно не было будущего. Зато мы можем подарить будущее всем остальным.

— Что ж, так тому и быть, — Олег почувствовал прилив энергии, ее срочно нужно было куда-то деть. — Если для того, чтобы построить лучшее будущее, нужно залить улицы кровью, кому-то придется это сделать.

— Ты делаешь большие шаги к истинной Свободе. Запомни: нет законов, нет преград, — Хачериди еще раз налил виски. — Предлагаю выпить за рождение нового адепта!

Выпили залпом и покинули здание РОВД. На город напоззли сумерки. Уже на улице Олег спросил у грека:

— Слушай, а вот Дудь... он — того... тоже из наших?

— А ты как думаешь? — подмигнул Хачериди. — Теперь подсказок не будет, переходишь на самообучение.

Глава 22. Пасха

Впервые за последние недели Бестужеву удалось по-настоящему выспаться — в два захода с перерывом на ужин. На вечерний прием пищи Мухамад приготовил сногшибательный азербайджанский плов и долму. Восточные яства приправили двумя бутылками гранатового вина.

— За пир во время чумы! — провозгласил тост Бестужев.

— Зря смеетесь, — серьезно ответил азербайджанец. — Хороший воин — сытый воин. Завтра вам предстоит, возможно, главная битва в жизни. Перед ней нужно набраться сил. Сон и хорошая еда — сейчас ваши главные союзники.

Бестужев не стал спорить, и наутро чувствовал себя великолепно. Мухамад разбудил его в восемь утра. Капитан встал, сделал зарядку, умылся, плотно позавтракал — и к девяти был готов к любым телодвижениям.

За завтраком зороастриец рассказал о последних новостях в городе, которые он получил по своим каналам. Пока Бестужев безмятежно спал, в городе творились очень страшные вещи. Сатанисты устроили настоящую войну между собой. Одновременно посягнув с ума, они нападали друг на друга целыми отрядами, врываются в съемные квартиры и номера гостиниц. Владимир залило кровью.

— Эту Варфоломеевскую ночь здесь запомнят надолго, — мрачно подытожил Мухамад. Бестужев слушал его и не верил своим ушам. Пора заканчивать эту вакханалию, превратившую милый уютный Владимир в поле боя религиозных фанатиков. Сначала он вытащит Веру, а потом разберется с Хачериди. Теперь капитан не сомневался, что все события последних дней: убийства гангстеров, суициды сатанистов, преследование Бестужева — звенья одной цепи. Придумать и воплотить в жизнь такую сложную схему под силу поистине изощренному сознанию. На ум приходил только один человек — Хачериди.

...Мухамад предложил свои услуги таксиста: чтобы сэкономить силы и время, он готов подвести Бестужева к “Дому с привидениями”. Капитан согласился, но попросил “выкинуть” его у гостиницы “Заря” — до пункта назначения он дойдет пешком, а предварительно проведет рекогносцировку местности.

Зороастриец пошел за машиной, а Бестужев еще раз проверил пистолет, дополнительный магазин к нему. Спустя пять минут он вышел на улицу, повертел головой. Не обнаружив никого подозрительного, он подошел к синему “Солярису” Мухамада. В этот момент у машины “нарисовался” пьяный в стельку тип.

— Ооо, такси! — проголосил он.

Бестужев бросился наперерез, но опоздал: разговевшийся с утра пораньше владимирец уже открыл заднюю дверь:

— Христос воскрес! — поприветствовал он Мухамада. Но, присмотревшись к нему и разглядев в нем азербайджанца, тут же ляпнул: — Или у вас не воскресе?

Несмотря на напряжение утра, Бестужев расхохотался в голос. Дернув выпивоху за плечо, он сказал:

— Воскресе-воскресе, дружище. Но это не такси, извини.

— А где такси? — не сдавался тот.

— Лучше пройдишь пешком да подыши свежим воздухом, — дал бесплатный совет капитан.

— Отличная идея. Держи яичко, — и Бестужев получил куриное яйцо, выкрашенное в коричневый цвет, скорее всего, луковой шелухой.

Прохожий пошел дальше своей дорогой, а Бестужев сел на пассажирское место.

— Надеюсь, ты не обижен? — спросил он у Мухамада.

— Отнюдь, капитан. Я в вашей стране живу уже десятый год — и не такого навидался. Но вот понять русскую душу я до сих пор не могу.

— Здесь ты не оригинален, — усмехнулся Бестужев.

— Ну вот посуды: в городе военное положение, люди умирают каждый день, а этот выперся на улицу, да еще и пьяный — не понимаю.

— Так ведь Пасха на дворе — один из любимых праздников нашего народа.

— Извини, капитан, но бред полный. Наследники атеистической страны сделали религиозный культ из языческого праздника — дня весеннего солнцестояния. Логики я не вижу никакой.

— А не надо ее искать. Препарировать душу русскую — занятие неблагодарное, можно утонуть в ней. Ее нужно просто чувствовать. Не бойся, проживешь у нас еще десять лет, и многие вещи станут понятнее, — завершил дискуссию Бестужев. — Поехали, поклонник огня.

Избегая центральных дорог, через пятнадцать минут “Солярис” затормозил сбоку от главного корпуса гостиницы “Заря”. Капитан не случайно решил выйти именно здесь. Утром ему в голову пришла одна замечательная идея.

В юности, перед экзаменами в школе или в институте, он всегда заходил в церковь. Просто, чтобы настроиться. Будний день, время — чуть позже шести, в храме — тихо и торжественно. Нервы успокаивались, каша в голове структурировалась, и Бестужев чувствовал, что готов на многое. После церкви он, правда, первым делом совершал грех — выкуривал сигарету. Но ему казалось, что это — грех маленький, а его утренний поход в церковь — подвиг, и подвиг большой.

В школьные годы он ходил аж в Успенский Собор, но он всегда казался слишком большим и неудобным для маленького Александра. И когда на Студеной горе построили краснокирпичный храм Архангела Михаила, тот на долгие годы стал убежищем для Бестужева. Здесь ему нравилось все: от иконостаса до церковной лавки. Здесь дышалось легко и спокойно.

На самом деле церковь была построена довольно давно — еще в 1893 году. Возведенная на средства отставного капитана Федора Архангельского, она выполняла свою функцию лишь до 1930 года, когда храм был закрыт и частично разрушен. Пострадали колокольня, зеркальный крест, подаренный одним из предпринимателей, ограда и главка. Местный Облисполком считал, что службы церкви мешали работе профилакториев и техникума, расположенных поблизости. В конечном итоге в разные годы в здании церкви располагались клуб, точка кинопроката, а в восьмидесятые — после небольшой реставрации — разместилась выставка “Часы и время”, проработавшая до середины девяностых.

В конце тысячелетия у церкви Архангела Михаила открылось второе дыхание. Храм передали РПЦ, начали собирать пожертвования на полное восстановление. Процесс затянулся: лишь в 2002 году на прежнем месте появилась и была освящена колокольня. А свой первоначальный вид церковь приняла только в 2010 году, когда на куполе засверкал хрустальный крест, выполненный мастерами-умельцами из Гусь-Хрустального.

Вот именно такой храм, выполненный в нетрадиционном для владимирских построек

византийском стиле, и полюбился капитану Бестужеву. Кажущаяся массивной снаружи, церковь Архангела Михаила вмещала не более четырехсот человек. Особенно ощутимо это было в праздники. На дворе — Пасха. Обычно в этот день очередь в храм за освещением куличей тянулась далеко на улицу. Но сегодня здесь было пусто.

Бестужев думал, что храм будет закрыт, но ошибся. Подойдя к двери и, по привычке, трижды перекрестившись, он без особой надежды потянул дверь на себя. И она поддалась. Более того, в храме были люди. По крайней мере — одна милая старушка с веником в руках. Она тщательно подметала и без того чистые полы храма.

— Это Антонина, она не бросит храм, даже если ядерная война начнется, — раздался за спиной голос, показавшийся Бестужеву знакомым. — Мы зовем ее ласковым словом “заботница”. Без таких людей любая церковь — только здание с иконами.

— Вы? Здесь? Почему? — Бестужев обернулся и узнал в говорившем отца Илью, с которым он познакомился на заднем дворе Никитской церкви при расследовании убийства Луиджи Гуэрры.

— Я по чуть-чуть здесь, по чуть-чуть там... — неопределенно ответил священник. — Слабые духом бегут, но кому-то же надо оставаться. Церквей в городе много, а вот настоятелей остались единицы.

Он протянул Бестужеву большую свечу:

— Давайте поставим по свечке, капитан. За всех жителей нашего города. Грядут тяжелые времена, я это чувствую. Сила духа понадобится всем нам.

В подсвечниках уже горели свечи. Их было немного, но главное, что они — были. Это означало, что некоторые горожане, преодолевая собственный страх, пробирались в церковь. “Нет, — с удовлетворением подумал Бестужев, — русский дух ничем не сломать”.

Они зажгли и установили свечи. Молчать в пустом храме было приятно, но отец Илья явно хотел поговорить.

— Скажите, сын мой, что вы знаете об ангеле, в честь которого названа сия церковь?

— Об Архангеле Михаиле? — Бестужев на секунду задумался. — Суровый боец Небесного Воинства в высоком чине — генеральском, а, может, даже и маршальском. Почитаем военными. Собственно, одержал первую победу в первой войне в мире, поразив то ли копьем, то ли мечом самого Дьявола.

— Все так, хоть и язык ваш, капитан, совсем не благозвучен для уха священнослужителя, — улыбнулся отец Илья. — По церковному преданию, Михаил был вторым среди всех ангелов, сотворенных Богом в начале времен.

— А кто был первым? Сатана?

— Именно так. Но тогда его звали Денница — или Утренняя Звезда. Самый сильный умный, красивый ангел возгордился и кинул вызов Создателю, посчитав, что сам ничем не хуже Бога. Он стал подстрекать других ангелов к восстанию и, не будем отрицать, серьезно преуспел в этом. И тогда другой ангел, верный Господу, открыто бросил вызов Деннице, громко возгласив “Кто равен Богу?” По-еврейски это звучит как “Ми ка эл”, по-русски — “Михаил”.

— Ничего себе, — искренне удивился Бестужев. — Я не знал таких подробностей.

— В битве двух воинств победа осталась за Михаилом, который низверг Денницу с Небес, — продолжил отец Илья. — А ангел-победитель получил звание Архистратига, то есть главы святого воинства Ангелов и Архангелов. Переводя на современный язык, получил должность Министра обороны.

— То есть Михаил — самый милитаризованный ангел в небесной иерархии?

— Можно сказать и так. Но в Священном Писании он упоминается не только как боевая единица. От имени Господа он частенько исполнял чудеса излечения от разных хворей, помогал страждущим в сложных ситуациях и прочая.

— Заступник во всех возможных проявлениях.

— Да, это самое точное определение. Любопытно, что Михаила чтят не только христиане. Он является ангелом трех религий. Поговорите о нем с мусульманином или иудеем, и оба поймут и поддержат вас. В Коране Михаил — ангел с крыльями цвета изумруда, покрытый шафранной шерстью. А в иудейских традициях Михаил вообще является покровителем всего еврейского народа.

— То есть фигура Архистратига играла значимую роль в становлении крупнейших мировых религий?

— Более того, ему отведена серьезная роль и при конце света. В двенадцатой главе “Апокалипсиса” Иоанна Богослова рассказывается о новой битве между Михаилом и Люцифером. И снова победа должна остаться за Архистратигом.

Отец Илья, наморщил лоб, будто вспоминая, а потом продекламировал:

- “И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним”.

И на этом участие Михаила в перерождении мира не заканчивается. Не так давно в христианских апокрифах Архистратиг стал изображаться как ангел, созывающий людей своим трубным гласом на Страшный Суд. А некоторые источники даже описывают его как судью на этом процессе. Не зря в одном из гимнов поется: “Святой Архангел Михаил, защити нас в борьбе, не дай нам погибнуть на Страшном Суде”.

Бестужеву надоело слушать об ангелах и их битвах. Он вспомнил свой многолетний спор, который он время от времени вел со своим школьным товарищем. Тот считал, что Русская Православная Церковь — зло, мешающее развиваться личности. Все попы — зажавшиеся бездельники, пользующиеся бедами людей. Ведь чаще всего человек приходит молиться, когда у него случилось несчастье. В свою очередь Бестужев принципиально отделял друг от друга два понятия: вера и церковь. А также считал, что не все священники — отъявленные негодяи. Но оба сходились в одном: библейская однополярность является веригами для русской души. Мы привыкли сомневаться во всем, и такое обеление и восхваление, например, Архангела Михаила, претило капитану.

— Отец Илья, я бы хотел помолиться в одиночестве, — неуклюже прервал Бестужев священника.

— Конечно-конечно, — кивнул тот, перекрестился и отошел что-то сказать “заботнице” Антонине.

Капитан медленно подошел к иконостасу. С детства он знал наизусть только одну молитву — “Отче наш”. Но большего никогда и не требовалось, ведь он привык в храмах говорить с Богом обычным и понятным ему языком. Обычно он просил позаботиться о здоровье близких ему людей, не оставлять один на один с трудными решениями, придавать сил и уверенности перед важными шагами в жизни. В общем, все как у всех, наверное.

Вот и сегодня, поздравив Господа со светлым праздником Пасхи, он молил о помощи в предстоящем спасении Веры. Он честно признался Богу, что не представляет, что его ждет в

“Доме с привидениями”, и просил, чтобы ему хватило смелости пройти весь путь до конца.

Как и всегда, после мыслеобщения Бестужеву стало легче. Он почувствовал, что получил благословение. Или захотел так почувствовать. На самом деле это было неважно. Трижды перекрестившись, он собрался покинуть церковь. На пороге его окликнул отец Илья:

— Капитан! Мы оба знаем, что наступают смутные времена. И я не просто так рассказал вам об Архистратиге. В конце Книги пророка Даниила, в пророчестве о Страшном Суде, сказано: “И восстанет в то время Михаил, князь великий, стоящий за сынов народа твоего; и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени”. Година страшная уже наступила, сын мой, Апокалипсис — на пороге. А следовательно и возрождение Главнокомандующего Воинством Небесным — не за горами.

— А вам не кажется, отец, что вмешательство столь сильных существ принесет много крови нашему миру?

— Нет, не кажется, сын мой. Я в этом уверен, — отец Илья перекрестил Бестужева и повернулся к нему спиной.

Священник услышал, как хлопнула входная дверь. Он подошел к иконостасу, поклонился лику Архангела Михаила, прочитал необходимые молитвы. Неожиданно икона святого ожила и образ сам перекрестил отца Илью. Странно, но тот не удивился происходящему и просто низко поклонился Архистратигу.

...Как и двадцать лет назад, перед экзаменами, Бестужеву стало легче на душе. Мысли разложились по полочкам, уверенности в собственных силах прибавилось. Он решил больше не таиться и спокойно преодолел путь от Студеной горы до середины улицы Большая Московская.

По пути его удивили две вещи. На площадке перед спуском к стадиону “Торпедо” около дюжины мальчишек играли в футбол. Их крики и подбадривания далеко разносились по пустым улицам. Шальная мысль проскочила: а не присоединиться ли к ним ненадолго? Но, присмотревшись, он увидел, что вместо мяча дети используют человеческую голову какого-то старика. Капитану стало жутко, и он поспешил убраться.

Чуть дальше, возле ЦУМа “Валентина”, он увидел нескольких мародеров, вылезавших с вещами из покинутого здания. В процессе дележки, у них вышел конфликт, закончившийся убийством двух человек. Вот так запросто, посреди бела дня, не стесняясь свидетелей (Бестужев не считал нужным прятаться), были убиты люди. Мир окончательно сошел с ума, решил капитан. И пока у него самого рассудок еще был на месте, пора было заканчивать это светопреставление.

Он прошел мимо Золотых ворот, где всего несколько недель назад эта история началась. Он вспомнил, как примчался сюда с Олегом и Егорычем. Кто бы ему тогда сказал, что он будет главным подозреваемым в зверских убийствах, и вместо того, чтобы отстаивать собственную честь, бросит все и полетит спасать свою любовь. Любовь, которую он нашел буквально через несколько дней после того, как его бросила Лера. Как же много событий уместилось в такой короткий срок.

Как и в тот злополучный день, он присмотрелся к иконе Иисуса Христа. Тогда ему показалось, что из глаз образа скатилась слеза. Сейчас ему ничего не казалось. Из обоих глаз Сына Божьего протянулись две кровавые полосы. Спаситель оплакивал — но вот кого? Не Бестужева ли?

От Золотых до бывшего губернаторского дома капитан дошел за пару минут. От

рекогносцировки отказался. Его новый план был до гениальности прост. Он решил обменять себя на Веру, тем самым выведя ее из игры. А потом — что-нибудь придумать, чтобы выманить признание у Хачериди. В общем — действовать по обстановке.

Капитан сунулся в парадную дверь, но, как и в прошлый раз, она оказалась заперта. Бестужев нахмурился. Хачериди поменял условия сделки? Или за ночь и утро произошли события, которые кардинально изменили ситуацию?

Капитан отошел от здания метров на семь, вступив на проезжую часть, сложил ладони рупором и прокричал:

— Хачериди! Ты где? Прячешься от меня?

Ответом служила гробовая тишина.

— Хачериди! Отпусти Веру! Выходи — поговорим, как мужчины!

И снова — тишина. И тут Бестужев вспомнил письмо Джавадова. А вдруг? Он набрал побольше воздуха и проорал:

— Дом с привидениями? Отличный выбор для такого демона, как ты. Знай: я иду к тебе.

Сначала капитан подумал, что опять ничего не произойдет. Но тут с душераздирающим скрипом приоткрылась входная дверь, словно приглашая Бестужева войти в здание.

Капитан сомневался недолго. В несколько прыжков он достиг двери и рванул ее на себя. Войдя внутрь, он на секунду крепко зажмурился: после дневного света глаза видели только темноту.

За спиной громко захлопнулась дверь. Бестужев развернулся, подергал за ручку — тщетно. Капкан захлопнулся.

— Ну здравствуй, капитан, — раздался голос грека откуда-то сбоку. Глаза капитана начали привыкать к темноте, и он разглядел силуэт Хачериди. Рядом стоял кто-то еще.

Хачериди щелкнул пальцами, и на стенах загорелись факелы, вставленные в металлические держатели. Факельная дорожка уходила далеко вперед. Казалось, что на несколько сотен метров. Но этого не может быть, осадил сам себя Бестужев.

— Где Вера?

— Не бойся, твоя спутница жива и здорова. И даже не связана, — он отошел в сторону, и капитан увидел Веру, спокойно курящую сигарету и без страха смотрящую на Бестужева.

— Я хочу, чтобы она ушла, — потребовал капитан.

— Я тоже хочу, — буркнул грек. — Но вот она сама не хочет.

— Вера! — позвал Бестужев. — Все хорошо, я рядом, опасности больше нет. Ты свободна.

— Нет, Саша! — улыбнулась журналистка. — Опасность очень велика. Но она угрожает не мне, а тебе. Но ты не бойся, я буду рядом.

Бестужев не знал, что ему ответить. В растерянности он огляделся вокруг и спросил:

— Почему здесь так темно? И вообще — где мы?

— Это преддверие темницы, где несколько тысячелетий назад Архангел Михаил в теле богатыря Айка Наапета заточил ангела, которого ты знаешь под именем Люцифер. Здесь закончится твой путь, капитан Бестужев, и начнется Апокалипсис.

— Ну это мы еще посмотрим, — усмехнулась Вера и, повернувшись спиной к мужчинам, пошла вдоль факельной линии.

Хачериди развел руки в сторону:

— Женщины, капитан, что с них возьмешь? Кстати, здесь можно не носить маски, — и грек преобразился в демона, которого не так давно перед смертью довелось лицезреть

полковнику Булдакову.

План Бестужева летел ко всем чертям.

Глава 23. Вера горит на кострах

Бестужев очень быстро потерял чувство времени. Возможно, прошло всего полчаса, а, возможно, и целая вечность. Капитан шел рядом с демоном Хачериди, лишняя раз стараясь не смотреть в его сторону. Привыкнуть к новому обличению секретного агента никак не удавалось.

В нескольких метрах впереди вышагивала Вера. В самом начале их пути Бестужев хотел нагнать ее, но та — лишь ускорила шаг, давая тем самым понять, что сейчас не готова к общению. А вопросы к ней у капитана были. Чем больше он думал про Веру, тем явственнее понимал, что она появилась в его жизни совсем неспроста. И какова ее истинная роль в этой истории, он не знал. Он даже не представлял, на чьей же стороне она была? Бестужев очень надеялся, что все-таки на его.

Между факелами было ровно тридцать шагов. Капитан от нечего делать принялся было считать количество пройденных пролетов, но утомился от этой затеи уже на второй сотне.

— Как это может быть? — обратился он к Хачериди, но упрямо смотрел при этом перед собой. — “Дом с привидениями” не такой уж и большой, мы уже должны быть десять раз пройти его насквозь. Или мы тут круги наворачиваем?

— Капитан, вы до сих пор пытаетесь держаться за свое материальное понимание мира, искать рациональные объяснения всему происходящему, — осклабился демон. — А их нет. Просто — нет. Чем раньше вы примете эту истину, тем проще вам станет жить.

— Хорошо, — ответил Бестужев, хотя было видно, что принять новую реальность он абсолютно не готов. — Где же мы?

— Прямо сейчас мы плуруем по коридорам Хаоса. Архангел Михаил понимал, что ничто не вечно под нашей Луной. Пройдут годы, сотни, тысячи лет, и тюрьму Люцифера обнаружат. Поэтому ему было мало заточить ангела в тюрьму, он выстроил вокруг нее эти коридоры, чтобы никто не смог проникнуть к пленнику.

— И за все эти годы никто так и не смог?

— Из людей — никто. Мы же, верные слуги Падшего Ангела, довольно быстро отыскивали лазейки — и из вашего мира, и из самой Преисподней. Поэтому время от времени навещали его — но не часто, чтобы не привлекать излишнего внимания Небес. А вскоре мы обнаружили, что и сами жители Рая не прочь сгонять на экскурсию и полюбоваться плененным собратом.

— Даже так? — хмыкнул Бестужев.

— Да ужас просто. Небожители ведут себя хуже китайских туристов, впервые попавших в зоопарк. Ладно они тычут пальцами и обзываются, но они пытаются покормить “зверушку” с руки. Или, словно мадагаскарского попугая, просят повторить псалмы во славу Града Божьего. И как Всеотцу за них не стыдно?

— А что Дьявол?

— Терпит, что ему остается... Он же их брат все-таки. Это, когда жизнь удалась, память становится короткой. Когда же терпишь лишения год за годом, помнишь все, что потерял: и хорошее, и плохое...

Дальше шли молча, думая каждый о своем. Но долго Бестужев молчать не мог — уж слишком происходящее вокруг не вписывалось в рамки его мировосприятия.

— А Вера здесь при чем? — снова пристал он к демону. — Ты ведь знаешь это, я

уверен.

— А ты так и не догадался, кто она такая? — усмехнулся Хачериди.

— Неужели тоже ангел? — отпрянул потрясенный капитан.

— О нет, она не ангел. Но и не человек. Впрочем, к нашему лагерю Вера не имеет никакого отношения, так что ее природа — загадка и для меня.

— То есть она — на стороне Света, — уточнил Бестужев.

— Она — на твоей стороне, капитан. И больше — ни на чьей. С остальными вопросами приставай к ней сам.

Снова замолчали. Бестужев предпринял еще одну попытку догнать Веру и поговорить с ней, но снова безрезультатно. Правда, капитан обратил внимание на то, что она стала задумчивой и грустной. Бестужев снова переключился на демона.

— Сколько нам еще идти?

— Кто ж знает? Коридоры Хаоса непредсказуемы, здесь переплелись время и пространство, судьбы всех людей, когда-то живших, и тех, кто еще будет жить. Если прислушаешься сердцем, то сможешь уловить все чувства, когда-либо обуревавшие людей. Да и не только людей... Хаос проверяет нас, прощупывает, достойны ли мы найти нужную дверь.

Время шло, но ничего не менялось. Все также впереди шагала Вера, в нескольких шагах за ней — Бестужев и Хачериди в своем демонском облике. С двух сторон их окружала цепочка факелов, дарующая немного света, но не дающая понимание, что находится за ее пределами. Иногда Бестужев оборачивался, но картина что спереди, что сзади была одинаковой. Пару раз пытался повернуть влево или вправо, чтобы выйти за пределы линии факелов, но каждый раз упирался в невидимую стену. В очередной раз больно ударившись коленкой о воздушную преграду, он выругался, чем привлек внимание Хачериди. Демон покачала уродливой головой:

— Не советую, капитан. Эта граница не запирает нас, наоборот, она защищает нас от тех, кто по ту сторону.

— И кто там?

— Точно не скажу. Я никогда не видел Хаос с изнанки. А те, кто видели, чаще всего сходили с ума. Сложно сказать, что в их рассказах вымысел, что правда. Из более-менее схожих повествований можно утверждать, что самые опасные существа — это Гончие Хаоса. Есть Временные Черви, Пространст्वопоглотители, Душегубители и прочие милые “зверушки”. Так что путь один, капитан, и сворачивать с него не рекомендую. Рано или поздно проход откроется.

Демон помолчал немного и добавил:

— Главное, чтобы он вел туда, куда нам нужно.

— А есть варианты? — спросил Бестужев.

— Я тебе уже говорил, капитан, что ни один смертный доселе не переступал порог темницы Люцифера.

— И что теперь делать?

— Думаю, что в данный момент Хаос решает, что с тобой делать. Пустить или прогнать. А может — уничтожить как угрозу.

— Вот как-то не напрашивался, — растерянно произнес Бестужев. — И если ваш Хаос действительно захочет меня грохнуть, что же делать?

— А это — ее забота, — Хачериди ткнул длиннющим ногтем в сторону Веры. Словно

подслушав их, она обернулась и сказала, обращаясь сразу к обоим:

— Заканчивай болтовню. Мы почти пришли. Я чувствую это.

Снова пошли молча. Бестужев почувствовал, что начал уставать. Видимо, все же прошло не так уж и мало времени с начала их путешествия. Он уже хотел предложить всей честной кампании сделать привал, как неожиданно сразу несколько факелов с правой стороны замерцали, будто задуваемые ветром, а спустя несколько мгновений и вовсе потухли.

Но тут же на их месте возникли массивные ворота в несколько человеческих ростов. Точную высоту сооружения выяснить было невозможно, так как верхняя его часть утопала в кромешной тьме Хаоса. Ворота состояли из двух, даже на вид, тяжелых створок. В роли гигантских косяков выступали установленные с обеих сторон статуи ангелов. Они, словно титаны держали ворота, из глаз пылали молнии гнева. Бестужев понимал, что они не живые, но при долгом разглядывании становилось неуютно.

— Ну вот, — Хачериди потирал от удовольствия руки. — И побродили-то совсем немного. Я, когда впервые искал вход, шел по тропе около месяца. Ну или вроде того.

Он гигантскими прыжками первым достиг врат и потянул за массивные кольца. Но створки не шелохнулись.

— Не все так просто, демон, — к воротам подошла Вера. — Тебя, может, и так пустят. А за капитана я сомневаюсь.

— И что нам всем делать? — спросил подошедший к ним Бестужев.

— Ждать указаний, — вздохнул демон. — Но предупреждаю сразу: они вам не понравятся точно.

Минут пять ничего не происходило. За это время Бестужев успел рассмотреть ворота во всех подробностях. Они были деревянными. Он провел по створке рукой — ощущения были неуловимо знакомыми.

— Что, капитан, не узнал сразу? — демон подкрался бесшумно и шептал прямо в ухо. — Сочетание трех видов древесины — кипариса, кедра и певги. Кресты наших жертв сделаны из того же материала.

Бестужев не удивился, он уже ничему не удивлялся. И даже бровью не повел, когда ворота засветились, и на них проявилась надпись:

LASCIATE OGNI SPERANZA VOI CH'ENTRATE

— Что это значит? — спросил Бестужев.

— Ха-ха-ха, — развеселился демон. — Хаос не прочухал, что перед ним — русский.

Словно в ответ на его бравату надпись замерцала и сменилась:

ОСТАВЬ НАДЕЖДУ ВСЯК ВСЮДА ВХОДЯЩИЙ

— А я думал, что когда-нибудь увижу эту фразу перед входом в епархию Стрельцова, — сказал Бестужев.

— Перед дверью к вашему Франкенштейну такую табличку не мешало бы повесить, — проворчал Хачериди.

Через мгновение воздух снова замерцал и под первой надписью появилась вторая:

А ТАКЖЕ ВЕРУ И ЛЮБОВЬ

— Ола-ла, — все больше бесновался Хачериди, — вот и настал твой час, принцесса. Пройдет ли дальше наш капитан, зависит исключительно от тебя.

— О чем ты говоришь? — вскричал Бестужев. Он чувствовал, что происходит что-то ужасное, но не мог понять, что именно. — Вера, ну хоть ты мне объясни, о чем твердит этот демон.

Она подошла и погладила капитана по щеке. Ее ладонь была удивительно ласковой и теплой.

— Прости меня, Бестужев, — прошептала она.

— За что, Вера? За что, любимая? — ощущение опасности все нарастало. Ему казалось что она прощается с ним. Он почувствовал, что по щекам потекли слезы. Господи Боже, он не плакал столько лет...

— За то, что не всегда помогала. А должна была, — она нежно вытирала ему слезы. — Плачь, любимый, плачь. По-другому с потерями справиться невозможно.

— Кто ты? — спросил Бестужев. — Как тебя зовут? По-настоящему?

— Я — та, что всегда находилась рядом, но ты меня так редко замечал. Меня зовут Вера, и я укрепляла твой дух в самые тяжелые минуты твоей жизни. Меня зовут Надежда, и с самого твоего рождения я не позволяла сползти твоей душе в пучину сомнений и отчаяния. Меня зовут Любовь, и я смотрела на тебя глазами всех твоих девушек. Я — часть тебя, Александр Бестужев. Неразрывная часть тебя.

Но ведь я могу тебя потрогать, — капитан чувствовал, что сходит с ума по-настоящему. Что это — игры Хаоса? Может быть, они до сих пор идут по его коридорам, и все происходящее лишь мерещится ему? — Не просто потрогать. Я ведь говорил с тобой, целовал тебя, мы занимались любовью!!!

Бестужев почти кричал. Рядом, выпрыгивая лишь одному ему ведомый танец, куражился демон Хачериди. Факелы вокруг них тоже затеяли какую-то дьявольскую пляску. Отблески огня кружили капитану голову.

— Не поддавайся им, — Вера вlepила Бестужеву звонкую пощечину. — Смотри мне в глаза, — Бестужев безропотно послушался. — Смотри мне в глаза, — повторяла раз за разом Вера.

И капитан утонул в бездне этих красивых черных глаз. Коридоры Хаоса, врата в темницу Дьявола, брызгающий слюной Хачериди — все осталось где-то далеко, за пределами зрения. Он очутился в уютной комнате с полками книг, ящиком игрушек и уютной детской кроваткой. В ней, посапывая, спал ребенок. В его маленьких ручонках, сжатых под подбородком, он увидел сложенный вдвое уголок одеяла.

— Помнишь? — спросила Вера в его голове.

— Помню, — ответил Бестужев. — Это “бубочка”.

— Мы придумали ее с тобой вместе, когда нам было страшно ложиться спать долгими зимними вечерами. Темнота наступала рано, а родителям иногда приходилось задерживаться допоздна.

— Я помню “бубочку”, - прошептал пораженный Бестужев. — И помню тебя. Ты же была моей няней, только волосы были желтого цвета!

— Тогда я предпочитала быть блондинкой, — засмеялась Вера. — Посмотри направо. Бестужев повернул голову и увидел длинный школьный коридор. Маленький мальчик стоял у двери в класс и боялся войти.

— Твой четвертый класс. Отца-военного в очередной раз перевели в другую часть, в другой город, и тебе пришлось снова переезжать. В этом военном городке были злые дети, и тебе было так страшно входить.

— Да, было очень страшно, — признался Бестужев. — Я помню это ощущение до сих пор. Но мне помогла завуч, взявшая меня за руку и познакомившая с одноклассниками.

Из-за угла вышла Вера, строго одетая на учительский манер: закрытая одежда, волосы,

собранные в пучок, и огромные очки с толстыми линзами.

— Это же была ты, — снова поразился Бестужев. — Как же я мог это позабыть?

— Умения забывать — великий дар, свойственный людям, — прошептала Вера. — А помнишь, как ты познакомился с Лерой?

Пространство снова изменилось, и он увидел себя десятилетней давности. Была осень, дул пронизывающий ветер. Бестужев стоял вместе со своим бывшим одноклассником, а ныне коллегой — Васей Смирновым. Их дежурство закончилось, но домой идти не хотелось. Они стояли возле шаурмичной и ждали заказ, в руках были бумажные стаканчики с кофе. От нечего делать, друзья плотоядно разглядывали стайку девчонок, беззаботно пивших пиво на трубах рядом с Университетом.

— Ты знаешь вон ту, в зеленой куртке? — спросил друга Бестужев.

— Вроде ее Лера зовут, — ответил Вася. — Но мне больше нравится вон та, грудастенькая, Ленка вроде. Пойдем знакомиться?

— Конечно.

Но чем ближе они подходили, тем меньше у Бестужева оставалось решимости. Он уже совсем было решил начать разговор не с Лерой, а с другой девушкой, стоящей рядом с ней, но тут его толкнули в спину, и он выплеснул кофе на куртку Леры. Девушка взвизгнула, Бестужев принялся нелепо извиняться. Они кричали, все вокруг смеялись, и никто так и не обратил внимание на виновницу всех этих событий. Вера собственной персоной, не оглядываясь, покидала гуляющую молодежь. К моменту, когда она завернула за угол ближайшего дома, Бестужев с Лерой, уже помирившись, строили неловкими фразами тот фундамент, на котором позже они воздвигнут семейный очаг.

— Я всегда была рядом, — вновь повторила Вера. — Оберегала и любила тебя. Потому что я — часть тебя. Та часть, которой тебе сегодня предстоит пожертвовать.

— Но я не хочу этого, — закричал Бестужев. — Я хочу, чтобы ты всегда оставалось вместе со мной.

— Это невозможно, мой капитан, — он понял, что она улыбалась, но эта улыбка была грустной. — Ты сможешь пройти эти ворота только, оставив веру, надежду и любовь перед этим порогом.

— Тогда я никуда не пойду, я останусь с тобой здесь — навсегда, — взмолился Бестужев.

— Нет, я не могу этого позволить. Если мы останемся, то Хаос, в конце концов, доберется до тебя и сведет с ума. А это будет означать, что я не справилась. Нет, я не могу этого допустить. Сегодня я останусь здесь, а ты — пойдешь дальше. И исполнишь свое предназначение. Не нужно ни о чем жалеть, мой Бестужев. Сожаление — самое ненужное людское чувство.

Воздух перед капитаном замерцал, и Вера материализовалась прямо перед ним. Она подошла вплотную и впиалась в него губами долгим и глубоким поцелуем. Когда она отпустила его губы, Бестужев почувствовал, что в груди стало странно пусто.

“Не надо ни о чем жалеть”, раздался в его голове голос Веры. Она протянула руку, снова погладила его по щеке и неожиданно прочитала грустным поставленным голосом:

Мой старый друг, мой верный Дьявол,

Пропел мне песенку одну:

"Всю ночь моряк в пучине плавал,

А на заре пошел ко дну.

Кругом вставляли волны-стены,
Спадали, вспенивались вновь,
Пред ним неслась, белее пены,
Его великая любовь.

Он слышал зов, когда он плавал:

"О, верь мне, я не обману"...

Но помни, — молвил умный Дьявол, -

Он на заре пошел ко дну".

— Чьи это строки? — спросил Бестужев.

— Коленки Гумилева, — глядя в сторону ответила Вера. — Очень хороший и талантливый был мальчик. Его ждала блестящая жизнь, но однажды его хранитель не справился...

Капитан молчал, не зная, что сказать.

— Но сейчас не о нем, а о нас, мой Бестужев. Саша, пора возвращаться. Закрой глаза.

Бестужев послушно опустил веки, а когда снова поднял, то увидел, что вновь находится перед воротами к темнице Дьявола. Сидящий на корточках Хачериди пристально смотрел на него. А вот Веры рядом не было. Капитан завертел головой в поисках своего хранителя и обнаружил ее, идущую к странной постройке. Он не мог понять, что это такое, но чувствовал исходящую угрозу.

Капитан бросился за Верой. Он пытался изо всех сил, но не мог приблизиться к ней ни на метр. Запыхавшись, он остановился. Оглянулся — рядом сидел хихикающий Хачериди, ворота также не отдалились ни на шаг. Что за дьявольщина! Бестужев захрипел и снова бросился в погоню за Верой. Но чем быстрее он бежал, тем больше становилось расстояние между ними. А ворота и Хачериди не отдалялись. Наконец демон встал и подошел к бегущему Бестужеву, положил руку ему на плечо и с усилием остановил его.

— Отпусти ее, капитан! Она для себя все решила и надеется, что ты поймешь ее выбор. И что ее жертва не станет напрасной.

— Жертва?! — завыл Бестужев. — Нет! Не хочу!

Вера наконец достигла странного строения, которое оказалось небольшим деревянным помостом, из-под которого в разные стороны торчали какие-то палки. Прежде, чем взойти на него, она подошла к одному из факелов и вынула его из держателя. С огнем в руке, она взошла на помост. Повернулась к Бестужеву и послала воздушный поцелуй. Затем уронила факел. Помост вспыхнул, будто был сделан из соломы. Через мгновение задымилась, а потом загорелась одежда на Вере, а потом и она сама.

— Сильная, — уважительно проводил ее Хачериди. — Ни единого звука не издала.

Демон скривил морду, почуяв запах горелой плоти, взвыл, а затем спел:

Солнце и пламя, сорвано знамя,

Небо вселяет страх.

Боли не зная, вечно живая,

Вера горит на кострах.

Бестужев знал, откуда эти строки. В миру эту композицию исполняла группа "Мастер". Он всегда считал Алика Грановского человеком, заглянувшим за край мира. Теперь он думал, что, возможно, тот однажды увидел Хаос.

— Возможно, так все и было, — словно прочитав мысли капитана, сказал Хачериди и подмигнул Бестужеву. — Кто знает?

Больше демон ничего сказать не успел. За их спинами с невообразимым скрипом раскрылись врата. Своей жертвой Вера добыла пропуск для Бестужева. За древними дверями его ждал Дьявол.

Глава 24. Апокалипсис не сегодня

Капитан посторонился, пропуская демона вперед. Хачериди, не особо стесняясь, переступил порог, словно пришел к себе домой. Кинув последний взгляд на догорающий помост, Бестужев решительно прошел через врата. Для себя он все решил: Дьявол не Дьявол, ангел не ангел, но он ответит за жертву Веры.

За вратами вошедших ожидала небольшая комнатка, стены которой были обиты красным бархатом. Посредине стояли стул и стол. На поверхности последнего лежала раскрытая книга, рядом — перо и чернильница.

— Это журнал посещений, — пояснил Хачериди. — Что поделатъ — людские привычки легко проникают в быт небожителей.

Он подошел к столу, взял в руки перо, обмакнул его и вывел размашистую подпись на свободной странице. Демон подул, чтобы чернила высохли, и приглашающим жестом протянул перо Бестужеву. Капитан повторил ритуал подписи, после чего журнал закрылся сам собой. Одна из стен замерцала и превратилась в красные кулисы.

— Пойдем, капитан, пора изменить пророчество, — Хачериди снова примерил на себя образ грека. Удивительно, но к рогато-клыкастому демону Бестужев уже как-то по привычке.

Секретный агент юркнул между складками кулис, оставив капитана одного. Бестужеву было страшно. По-настоящему, как в детстве. Ведь он сейчас увидит самого Дьявола — главного антагониста любого верующего христианина. Увидит его во плоти, пусть плененного, но живого.

Бестужев набрал полные легкие воздуха, задержал дыхание, посчитал до тридцати и с шумом выдохнул. Пора! Он дернул за кулисы, нашел проход и вошел в...

Он ожидал увидеть что угодно. От древней пещеры, наполненной сталактитами и сталагмитами, до жуткой тюрьмы, наподобие той, что в детстве видел в советском фильме “Узник замка Иф”. Но попал он в просторный номер четырехзвездочного отеля “Вечность”, о чем свидетельствовала визитка, небрежно брошенная на прикроватный столик.

В номере была кровать, аккуратно застеленная, уже упоминавшийся столик при ней, три кресла, один из которых уже занял Хачериди, огромная телевизионная панель, занимавшая почти целую стену, бар-холодильник с прозрачной дверцей — ассортимент напитков был очень богатым. Еще Бестужев увидел три двери. Куда они вели, капитан гадать не решился. Может быть в ванную комнату, а, может быть, напрямиком в Ад. Стены номера постоянно отливали золотым и мерцали.

— Что это такое? — наконец выдавил из себя капитан.

— Тюрьма, — угрюмо ответил демон. — Не обманывайся внешним видом. Просто в этом веке настроения на Небесах формируют ангелы-гуманисты. Отсюда и такой “look”. Поверь, в былые времена были и подвалы, и карцеры. Но и тогда, и сейчас это было и остается, прежде всего, тюрьмой.

— А где... он? — Бестужев не смог выдавить из себя имя постояльца.

— Бреется вроде, — небрежно сказал Хачериди. — Подожди минуточку.

И правда — вскоре одна из дверей открылась и к гостям вышел красивый черноволосый мужчина, стучащий по щекам ладонями, обильно пахнущими дорогим парфюмом. Все-таки — ванная, механически отметил для себя капитан. Его не покидало чувство, что он уже раньше видел этого красавца с идеальной небритостью.

— Точно! — не сдержался Бестужев и сказал вслух. — Это же Дьявол из американского комедийного сериала “Люцифер”! Не помню, как звали исполнителя главной роли... Так он и есть...

— Нет-нет-нет, — приятно рассмеялся хозяин номера. — Том Эллис здесь абсолютно ни при чем. Но созданный им образ Люцифера Денницы просто чудесен, не правда ли?

— Поддерживаю! — У Хачериди в руках уже был стакан с виски, которым он отсалютовал.

— Но если вы, глубокоуважаемый Четвертый, желаете лицезреть что-то более классическое — никаких проблем, — и сериальный Люцифер моментально превратился в странного не улыбочивого мальчика из фильма “Омен”. — А, может, так? — И вместо мальчика щелкнул хвостом красный черт с рогами, копытами и трезубцем в руках. — Я могу быть для вас кем угодно, капитан.

— Верните Люцифера Денницу, — проглотив комок в горле, ответил Бестужев.

— Как пожелаете! — “Том Эллис” подошел к бару и достал красивый закрученный графин, наполненный виски. — Между прочим, господин Четвертый, сделано в Гусь-Хрустальном Владимирской области. Иногда там творят настоящие шедевры.

К графину подоспели стаканы, выполненные в том же стиле. Люцифер ловко их наполнил и протянул один Бестужеву.

— Ну — за знакомство, господин Четвертый. Пить можно до дна, запасы виски у меня неисчерпаемы — мои адвокаты в Небесном Суде сумели добиться хоть таких послаблений.

Бестужев отхлебнул из стакана — виски был великолепным.

— Почему вы называете меня Четвертым? — спросил он.

— Эх, капитан, вы отличный сыщик, Лжепророк в вас не ошибся, — Люцифер отсалютовал на этот раз демону. — Вы почти распутали весь клубок, но до самого главного так и не дошли.

— До чего именно?

— Ну давайте на секунду представим, что я ваш начальник — полковник Булдаков, покой его душе, а вы — это вы, Александр Бестужев.

Дьявол выпил и снова налил виски.

— Но давайте вернемся к нашим делам. Итак, идет рабочее совещание с руководством РОВД. Ответ на какой вопрос вы хотели бы узнать прямо сейчас?

Бестужев думал не долго.

— Кто убил Пабло Ганадора, Луиджи Гуэрра и Ивана Голодного?

— Ну этот слишком простой вопрос, — разочарованно развел руки в стороны Люцифер.

— И тем не менее.

— Даже во Владимире уже все знают ответ на него. Да, наверное, и в каждом полицейском участке страны. Ведь убийцу объявили в федеральный розыск.

— Так кто же он? — Бестужев почти кричал. — Хватит издеваться.

— Ответ очевиден: это вы, господин Четвертый, — Люцифер откинулся на спинку кресла, чтобы полюбоваться произведенным эффектом.

Капитан опешил, но сдаваться не собирался.

— Чуть собачья. Назовите мне имя настоящего убийцы.

— Я его уже назвал. Чем вас не устраивает ваша персона. Или, может, у вас есть алиби на момент каждого из убийств?

Бестужев открыл рот, чтобы высказать все, что он думает о дьявольских кознях, но так и

остался сидеть с раскрытым ртом. А ведь действительно, у него нет алиби на те ночи, когда были совершены преступления.

После расставания с Лерой он был в запое, и первые воспоминания начинаются с унитаза на втором этаже РОВД. А что происходило минувшей ночью, он достоверно сказать не может.

И тут ожил телевизор.

— Посмотрим кино, господин Четвертый, — пригласил Бестужева Дьявол.

На экране капитан увидел себя в черной одежде и черной бейсболке с эмблемой “Спартак”. Он легко нес тяжеленный крест с распятым на нем сальвадорцем. Он шел прямо по Большой Московской, ни от кого не скрываясь, но случайные прохожие упорно отказывались его замечать. У кого-то невовремя развязывались шнурки, кто-то отворачивался, чтобы справить малую нужду, а кто-то был слишком увлечен телефонным разговором.

Бестужев-убийца дошел до Золотых ворот, но потом картинка сменилась. Капитан увидел Никитскую церковь.

— А второе убийство помните, господин Четвертый? — Люцифер откровенно забавлялся.

И ведь события еще одной ночи были покрыты тайной для Бестужева. После первого убийства он купил в “Красном и белом” сальвадорского рома, а очнулся — снова в туалете РОВД. Неужели все это правда?

На экране тем временем он снова увидел себя за рулем красной Toyota Hillux. Машина резко затормозила у церкви. Капитан вышел из-за руля, легко подхватил крест с болтающимся на нем итальянцем и поднялся на холм перед храмом. Высоко подпрыгнув, он воткнул крест в землю.

— Довольно! — запротестовал Бестужев. — Я все понял.

Экран моментально погас. На убийство Ивана Голодного у капитана тоже не было алиби. Все проходило как под копирку. Только на этот раз вместо рома был коньяк. Он еще удивился с утра, увидев пустую тару, хотя был уверен, что выпил пару рюмок.

— Может быть, это и был я, — все еще не веря до конца, сказал Бестужев. — Но какой в этом смысл? Я ведь даже не знал этих бандосов. Какой мне в этом прок? Нет мотива, господа хорошие.

— Есть, мотив есть, — голос Люцифера приобрел утешительные нотки. — Мотив придумал Лжепророк и придумал с самого начала. Да и вообще вся эта комбинация — его творение. То, что вам, господин Четвертый, была уготована роль марионетки, безусловно, оправдывает все ваши действия с человеческой точки зрения.

— Хватит меня так называть, — снова взъярился Бестужев. — Я не четвертый, ни пятый, ни десятый. Я капитан российской полиции.

— Ну что ж, капитан. Раз уж вы не удосужились задать главные вопросы, я сам их поставлю и дам на них ответы. Пришло время вам увидеть всю картину целиком.

Экран телевизора снова загорелся. На нем появились библейские картины, которые, как слайды, иллюстрировали рассказ Люцифера Денницы.

— Начало этой истории вы знаете, капитан. Бог создал мир, все сущее, ангелов. Потом он создал людей по своему образу и подобию. А потом решил их и погубить — всех разом. Разонравились люди Богу, надоели как старая игрушка в песочнице. А вот я к ним привязался. И решил поспорить с Всеотцом. В библейских традициях это называется

“бросил вызов”. Никому и ничего я не бросал, я просто спорил с нашим Создателем, пытаюсь отстоять судьбу человечества. Но Бог остался глух к моим доводам.

Люцифер замолчал, будто вспоминая те события. Залпом допив виски, он налил себе почти полный стакан.

— И тогда я решил пойти на крайние меры. Я много думал после, правильно ли я поступил тогда? Но так и не нашел ответа на этот вопрос. Как это часто бывает, момент я выбрал не самый лучший: Бог и так был не в духе, а тут еще я со своими претензиями. Результат вы знаете. Легкий конфликт перерос в настоящую войну. Благодаря стараниям Михаила, я оказался здесь, а другие ангелы учредили религию — институт, основная цель которого сдерживать меня и моих последователей. Конечно, спустя века церковь несколько раз форматировалась и меняла лозунги и цели. Но это свойственно людям, поэтому я не берусь осуждать церковников.

Агенты Михаила позаботились еще об одном инструменте — Библии. По сути они создали инструкцию по применению. Благодаря этой книге армия христиан росла как на дрожжах, миссионеры привлекали новых адептов на всех континентах.

Не сразу, но в Библию попало и “Откровение” от Иоанна Богослова — дряхлог старика-пьяницы, который владел зачатками шаманизма. Под влиянием алкоголя, у него открывался дар предвидения, который к концу жизни чрезвычайно развился. Так и родилось знаменитое “Откровение”. Оно быстро стало популярным среди христиан. Количество молитв о спасении души во время Апокалипсиса стало таким большим, что события, описанные в этой части Библии, стали единственно возможным будущим человечества. Энергия молитв накрепко впечатала Армагеддон в Линию Времени.

Когда мы это обнаружили, я чуть крылья на себя не наложил. Ведь по по сути мне, защитнику человечества, предлагали тысячи лет отсидеть за решеткой, а потом вернуться в мир только для того, чтобы быть жестоким судьей и кровавым палачом для миллиардов людей!!! Нет уж, увольте.

Тогда мы стали искать слабые места в “Откровении”. Сотни раз мы моделировали измененные сценарии Апокалипсиса, но в каждом случае концовка оставалась неизменной.

Позже мы решили менять не все пророчество, а лишь его части, маленькие винтики большого механизма. Я давно понял, что “Откровение” можно разделить на несколько отдельных частей, а в них можно выделить либо системные сцены, либо ключевых персонажей.

Я уверен, что каждый второй житель на планете слышал о четырех Всадниках Апокалипсиса. Так ведь, господин Четвертый?

У Бестужева зашевелились волосы на затылке от этих слов. На экране, на фоне картин средневековых художников, изображающих Всадников, побежала строка со строчками “Откровения”. Люцифер, театрально вскинув руки, декламировал.

— *Я взглянул, и вот конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить.* В “Откровении” не дается имя Первому всаднику, но традиционно (у людей так сильны традиции) считается, что это Чума.

И Бестужев вспомнил: Пабло Ганадор.

“Ganador по-испански означает не что иное как “Победитель”, - сказал им переводчик Мезенцев.

“Бедного Пабло привезли на место казни на его же собственной машине — белом Range Rover”, - докладывала Инга.

“Если говорить о самых высокохудожественных тату, я бы выделил венеч на голове... И вот на плече красивое тату лука со стрелами” — Стрельцов прямым текстом выдал все атрибуты Первого Всадника.

— *И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч.* Традиционное имя второму всаднику — Война. Знакомо, капитан?

Красная Toyota... тату меча на плече... Guerra по-итальянски означает “война”... спецназ европейской мафии La Santa, свергающий целые правительства и разжигающие конфликты между странами... Все сходится.

А Люцифер не останавливался:

— *Я взглянул, и вот конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей.* Третий Всадник — Голод с весами в руках, символизирующими тщательно отвешиваемую еду во времена ее недостатка.

И снова пазл складывался. Гермафродит Иван Голодный и его акции голодовки... Черный “Мерседес” и клеймо в виде весов...

— Мы давно поняли, что Всадники — это люди, которых божественное провидение превратило в функции: гнобить, мучить, убивать, приносить страдания и прочее. И именно они, по задумке, призваны запустить механизм Апокалипсиса, эдакий стартер всей кампании по уничтожению людей. Мы думали, как их остановить, но превращенные в чистые функции, они были неуязвимы для наших сил.

И тогда Лжепророка осенило: а что если Всадники сами уничтожат друг друга? Мы до последнего не были уверены, что им это под силу. Но четко понимали: что в случае их уничтожения Апокалипсиса не будет: процесс просто не запустится. И мы утрем нос старику Иоанну.

Первые испытания оказались провальными. Проведение слепо, и выбор Всадников случаен. Они упорно не желали вступать в контакт друг с другом, и уж тем более — ссориться и убивать. Наоборот, осознав свои возможности, они с радостью открывали свои темные стороны и приступали к уничтожению человечества. Лишь однажды нам сопутствовала удача: Война решил уничтожить Голод, но не смог — силенок не хватило.

Все, кроме Лжепророка, отчаялись. Но именно ему опять пришла в голову нужная мысль: ведь среди Всадников есть тот, чья функция и заключается в том, чтобы нести смерть. Он должен расправиться с другими Всадниками, а потом — и убить самого себя. Так появился ты, капитан Александр Бестужев, Четвертый Всадник Апокалипсиса.

— *И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя “Смерть”; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертой частью земли — умерщвлять и голодом, и мором, и зверями земными.*

— Ну могли бы вместо бежевой “четверки” хотя бы иномарку дать, — попытался шутить Бестужев. Голова шла кругом, реальность воспринималась уже с трудом. Он — Четвертый Всадник Апокалипсиса. Сама Смерть во плоти. Смерть, обладающая неизмеримой силой и уже испившая человеческой крови. Или это кровь Всадников? Четкой границы Бестужев провести уже не мог.

— Я всегда был против того, чтобы кому-то из людей что-то давать. Свою судьбу, своих женщин и свои машины вы выбираете сами. А потом — либо радуетесь, либо страдаете.

— А как же я? — спросил капитан. — Разве у меня был выбор?

— Мы лишь подтолкнули тебя к очевидному решению, но окончательный выбор был

всегда за тобой. Осознав силу своей функции, твое естество приняло решение. Смерть создана для того, чтобы убивать, и ты начал убивать. Да с такими выкрутасами, что мы тут все за головы хватались. Возможности Четвертого Всадники оказались безграничными. Ты сломал временные рамки и сумел вынуть с Голгофы кресты, на которых был распят Христос и двое бандитов. Да-да, не удивляйся, это те самые кресты.

Бестужев тяжело сглотнул.

— А сам метод убийств? Высушить тела, потребить всю их кровь, чтобы твои силы еще больше увеличились.

Дьявол картинно зааплодировал капитану.

— Но повторяю: ты всегда сам решал, что будет дальше. И последний шаг ты тоже должен сделать сам. Ты уже уничтожил трех Всадников Апокалипсиса, остался только один. И если он тоже будет мертв, то Армагеддона не будет, и человечество останется жить. Решать тебе.

Люцифер наполнил стакан Бестужева до краев. Потом подумал и поставил рядом и графин. Подошел к кровати и вытащил из-под подушки револьвер.

— В нем лишь один патрон. Они оставили его для меня, — усмехнулся Дьявол, — думали, что рано или поздно я все-таки сломаюсь. Наивные... Теперь он твой. Судьба человечества — в твоих руках.

Револьвер лег рядом с графином. Люцифер повернулся к Хачериди, так ни разу и не вступившему в диалог:

— Пойдем, Лжепророк, нам пора.

Демон, кряхтя, вылез из кресла, подошел к Бестужеву и сказал:

— Приятно было с тобой познакомиться, капитан. Увидимся в другой жизни.

Они покинули номер, выйдя через одну из дверей. Бестужев сидел в кресле, не шевелясь. Потухший было телевизор снова ожил. На экране проносились сцены из жизни капитана. Вот он, маленький, учится “чеканить” футбольный мяч. Он первым во дворе сумел набить сто раз. А вот он с длинной палкой, на конце которой загнутый гвоздь, сбивает с деревьев орехи. Они падают на землю, верхняя кожица лопается, а под ней — твердый грецкий орех.

Бестужев увидел молодых родителей, ругающих его за потерянные часы. Маленький Саша плачет, его одновременно мучают два чувства: стыд и жалость к самому себе. Мама уходит на кухню и там переживает, не перегнула ли она палку.

Первая любовь, первые поцелуи. Школьные друзья и первая бутылка водки, выпитая по кругу. Встречи, расставания, поездки и работа — жизнь провинциала Бестужева была не скучной, он всегда старался ценить каждый день. Потом он увидел Леру, их первые ночи. Невольно сравнил ее с Верой, воспоминания о которой были еще слишком свежи.

“Расставание с Лерой — однозначно дело рук Хачериди”, мрачно подумал он.

Умирать не хотелось. Особенно сейчас, когда он окончательно осознал, что он есть такое. Ведь при желании он смог бы поставить на колени весь земной шар. Куда там боевикам Ндрангеты или MS-13. Но полицейский, сидящий внутри, четко осознавал: Смерти не место в мире людей. Все это кончится очень плохо.

Капитан снова и снова пересматривал свою жизнь, потягивая нестерпимо вкусный виски. В какой-то момент на весь огромный экран появилось улыбающееся лицо Веры.

— Твоя жертва не будет напрасной, я же обещал тебе, — молниеносным движением Бестужев схватил револьвер и приставил его к виску, взвел курок и нажал спусковой крючок.

Грянул выстрел.

* * *

В это время во Владимире, который впервые за последнюю тысячу лет не праздновал праздник Пасхи, треснул самый большой колокол в Успенском соборе.

В Касабланке поперхнулся муэдзин, зазывающий на молитву в мечеть имени короля Хасана Второго.

В Иерусалиме во всех храмах одновременно погас недавно спустившийся к верующим благодатный огонь.

В Риме один из высокопоставленных кардиналов запнулся посредине проповеди, когда увидел, что все иконы в храме замироточили.

Высоко в иранских горах гордый Фаравахар сложил крылья и грустно опустился на землю.

В одно и то же мгновение весь мир содрогнулся.

Глава 25. Воскресение

Бестужев очнулся за своим столом в отделе. Башка раскалывалась, будто по ней ударили чугунным молотом. Инги и Олега видно не было. Капитан посмотрел на часы — было начало десятого. А какой сейчас день? Черт его знает... К слову о черте. В голове промелькнули обрывки сна — демон Хачериди, Дьявол из американского сериала, самосожжение Веры...

Стоп! Вера! Какой к черту сон? Вера была реальна, она сожгла себя, чтобы он смог переступить порог тюрьмы, в которую Архангел Михаил запер Люцифера. Бестужев безуспешно пытался поймать за хвост обрывки ускользающего сна. Был какой-то разговор, после чего он... убил себя.

Капитан резко сел, голова отозвалась резкой болью.

— Я убил себя, чтобы не допустить начало Апокалипсиса! — медленно, но четко проговорил Бестужев вслух. — Но я живой. Сознание, не в силах выдержать эту дилемму, захотело вновь отключиться. Бестужеву удалось удержаться в реальности, но физических сил явно не хватало. Он снова уронил голову на руки.

В этот момент дверь распахнулась, и в кабинет влетел запыхавшийся Олег.

— Ааа, вот ты где! — закричал он с порога. — А мы тебя обыскались. Ну вставай, вставай. Христос воскрес!

— Воистину воскрес! — на автомате ответил Бестужев.

— Ну слава Богу, напугал ты нас, мы уже хотели объявлять тебя в федеральный розыск, — довольный собственной шуткой Олег заржал.

— В розыск? А разве я еще не там? — осторожно спросил капитан.

— Ну, Саня, и шутки у тебя, совсем мозги пропил. Сплюнь три раза через левое плечо и разотри.

Бестужев, отрывочно помня события последних дней, на самом деле трижды смачно плюнул через плечо в стену, затем снял ботинок и тщательно это дело размазал.

Лицо Олега за секунду преобразилось дважды. Сначала оно выражало недоумение, потом — жалостливую заботу.

— Слушай, Сань, ты бы, серьезно, заканчивал с бухлом, а? Лучше окупись с головой в работу, как ты умеешь. Впрочем, чего это я? Бухать уже смысла-то и нет.

— То есть? Вы обнаружили Веру? Она живая? — засыпал вопросами Бестужев.

— Веру?.. Ты хотел сказать: Леру? — удивился Олег. — Она, бедная, уже вся извелась. Я хотел тебе сказать да не успел. Она звонила мне вчера. Что-то там у нее с этим хахалем не вышло. Я в подробности не лез, но понял, что убежал он, когда в городе стало беспокойно, и бросил Леру здесь одну. Естественно, она решила от него уйти. А конкретнее — к тебе вернуться. Вот только как тебе об этом сказать, она не знала. Вот, думала, через меня вопрос решить. А я пока с духом собирался, ты в очередной запой ушел.

— В запой? Сколько меня не было?

— Два дня. Слушай, мы уж тут обыскались. В городе светопреставление, а ты словно в воду канул.

— Ну и как? Справились?

— Обижает, шеф. Конечно, справились. А главное, что мы дело сатанистов раскрыли, представляешь? Повезло, конечно. Но главное ведь — результат. Вот только полковника

Булдакова жалко.

— А что с ним?

— Этот урод пристрелил его при задержании. Завтра похороны.

— Так а кто убийца?

— Да дебил один из Серпухова. Из колонии сбежал, тыкался-мыкался по деревням, а потом надоело. Дошел до Владимира и здесь присматривал богатеньких клиентов. Да что я рассказываю — протокол допроса уже почти на сто листов. Захочешь — сам считаешь. Важно, что заключенный ничего не отрицает, идет на сделку со следствием. Так что пожизненное у него, я думаю, есть.

— А где он?

— Ну так-то в СИЗО, но на допросы его сюда возят, — Олег посмотрел на часы, — собственно, сейчас, к десяти, и привезут. Хочешь поучаствовать?

— Конечно.

— Только ты это... в порядок себя приведи. А то следствием сейчас руководит товарищ один из ФСБ...

— Грек наш любимый?

— Какой грек, почему грек? — удивился Олег. — Вполне себе русский. Какой-то протеже генерала Морозова.

— А секретный агент куда делся?

— Сань, не въезжаю, о чем ты. Какой еще нахрен секретный агент? — Бестужев решил не уточнять.

Капитан наскоро привел себя в порядок в туалете. Умывшись и глядя на себя в зеркало, он задавал себе одни и те же вопросы: где вымысел и где реальность? Жив он или это вариант его собственного ада? Удалось ли ему предотвратить Апокалипсис или он уже начался? Ответов не было.

...Спустя двадцать минут Бестужев спускался в комнату для допросов. Заключенного уже привели. Капитана к нему не пустили и вежливо попросили дожждаться следователя — майора ФСБ Литвинова. Тот опоздал на десять минут, но извиниться перед коллегами и не подумал.

“Еще один демон, и где вас таких разводят?” — подумал Бестужев, но вслух ничего не сказал.

Литвинов, увидев новое лицо, протянул руку:

— Майор Игорь Литвинов. Но для своих можно просто Гарик.

— Капитан Бестужев. Для всех одинаково — Бестужев.

— Это ведь ты, капитан, и твой отдел занимались поимкой этого маньяка?

— Так точно.

— Что ж, мои поздравления. Оперативники из вас — высшего порядка. Но теперь убийца пойман, и настало время поработать кабинетным служащим. Таким, как я, — рассмеялся Литвинов. — Будем считать, что эстафету принял.

— Майор, я бы хотел присутствовать на допросе, если такая возможность имеется.

— К сожалению, капитан, такой возможности, как ты выразился, не имеется. Без обид. Я привык работать один, все мои вопросы и действия четко продуманы, и любые непрогнозируемые внешние факторы должны быть исключены.

— Но я не внешний фактор, — заупрямился Бестужев. — Кроме того, я просто посижу рядом. Хочу посмотреть в глаза этому гаду.

— Послушай, капитан, я ведь понимаю, что ты сейчас чувствуешь. Заключенный навел шороху в подведомственном тебе городе, в результате оперативных действий погиб твой начальник и близкий друг полковник Булдаков. Поверь, это ты сейчас думаешь, что сможешь просто посидеть рядом. А когда этот гад начинает рассказывать, как прибывал к крестам иностранцев, даже мне, включившемуся в это дело лишь позавчера, трудно сохранять хладнокровие.

— То есть непустишь, майор? — предпринял последнюю попытку Бестужев.

— Прости, капитан. Дело резонансное, пойми, за мной ведь тоже наблюдают, я облажаться не могу. Но если тебе так уж нейдет, занимай комнату для наблюдения. Все увидишь и услышишь через зеркало Гизелло.

— Ну спасибо и на том.

Через пять минут допрос стартовал. Войдя в скрытое от лишних глаз помещение, Бестужев обнаружил неприятную вещь: заключенный сидел к нему спиной, на голову был натянут капюшон коричневого худи. Так что смотреть особо было не на что. Оставалось только слушать.

Голос убийцы показался Бестужеву странным, словно специально измененным, и довольно неприятным. Но капитан быстро перестал обращать внимание на такие мелочи, стоило ему прислушаться к сути разговора. Однажды открыв рот, маньяк уже не затыкался. Он разливался соловьем, во всех подробностях рассказывая все нюансы совершенных преступлений. Причем он в красках расписал не только, как он распял трио преступников, но и как сначала пристрелил, а потом обезглавил ржавой пилой полковника Булдакова.

Капитан поежился. Ему было неприятно здесь находиться, но он решил дослушать допрос до конца. Хотя бы в память о Егорыче.

Допрос продлился около шести часов. Делали небольшие перерывы на кофе, но во время них Литвинов все равно никого не впускал в комнату к заключенному.

Наконец, устали все. И даже языкастый маньяк выдохся. Последние полчаса Бестужев слушал уже вполуха. Он все больше углублялся в свои мысли и ощущения, пытаюсь понять, явь вокруг него или сон. События вокруг вроде бы совпадают с теми, что он видел в своем сне. Но никто не слышал про Веру. Никто не знает Хачериди, хотя этот грекодемон стал во Владимире полноправным хозяином. Что было правдой, а что вымыслом? Вера и Хачериди ему приснились? Или сон сейчас вокруг него, обволакивает своими тенетами?

Размышляя над вопросами без ответов, капитан даже немного задремал. Но сразу собрался, когда услышал, что Литвинов собирается округлить допрос на сегодня. Бестужев видел, как майор неторопливо собрал бумаги и фотографии жертв, разложенные на столе. Упаковав их в пластиковую папку, он медленно встал и позвал конвойного. Вошел незнакомый лейтенант.

— Забирайте своего подопечного. На сегодня мы все. Передайте начальнику, что завтра я жду его в это же время.

Лейтенант кивнул и рявкнул, обращаясь к убийце:

— Лицом к стене, руки за спину, ноги на ширине плеч.

Маньяк медленно повернулся к зеркалу. Бестужев не видел его лица, так как голова, спрятанная в капюшоне, была низко опущена. Капитан услышал, как лейтенант защелкнул наручники.

— Развернуться, — скомандовал конвойный.

Прежде, чем повиноваться, маньяк медленно поднял голову и посмотрел прямо в глаза

Бестужеву. Капитан отшатнулся. На него, играя искорками в глазах, смотрел Лозелло Парисович Хачериди собственной персоной. Не в силах сдерживаться, демон широко улыбнулся, а затем даже подмигнул: дескать, никуда я не делся, господин Четвертый Всадник, просто сменил амплуа.

Бестужев почувствовал, как пол уходит у него из-под ног. Он пулей вылетел из комнаты для наблюдений, но маньяк уже находился под охраной конвоя.

— Стойте! — закричал капитан. — Он не тот, за кого себя выдает. Остановитесь. Это демон!

Конвой из трех человек встал живым щитом вокруг Хачериди. На шум из допросной прибежал Литвинов, из соседнего кабинета — Олежек.

— Что ты себе позволяешь, капитан? — грозно спросил майор. — Я закрыл с утра глаза на твоё состояние: ты ведь явно был с бодуна. Но сейчас твоё поведение переходит все границы!

— Ты не понимаешь, майор. Это не убийца, это демон. Его имя Лжепророк, он вам всем голову морочит.

— Мне кажется, это с твоей головой что-то не так, Бестужев. Имя заключенного — не подарок, конечно, но не настолько. Его фамилия — Хачериди. Лейтенант, — Литвинов обратился к Олегу, — заберите своего коллегу и успокойте. Иначе мне придется это сделать моими методами.

Олегу дважды повторять было не нужно. Он схватил Бестужева за локоть и с силой оттащил в сторону.

— Пойдем, пойдем отсюда. Иначе нам всем достанется, — он потащил шефа к лестнице.

— И я бы на твоём месте, капитан, задумался об отпуске, — донеслось им в спину. — А то так можно и до пенсии не дослужить.

— Я сегодня умер и воскрес, чем ты меня можешь напугать, сволочь? — пробормотал Бестужев.

— Ты это о чем? — пристально посмотрел на него Олег.

— Да ладно, не бери тяжелого в голову, — отрезал капитан и вырвался из рук лейтенанта. — Все, все уже. Я спокоен. Пошли в отдел.

Из окна их общего кабинета Бестужев смотрел, как Хачериди усаживают в автозак, чтобы отвезти в СИЗО. Капитан был уверен: демон узнал его и вообще — разыграл всю эту комедию с признанием специально для него, Четвертого Всадника. Но зачем? И почему он сам до сих пор жив. Ведь капитан четко помнил, как пустил пулю себе в висок.

Тюремная машина с трудом завелась, немного пофыркала и отъехала от РОВД. Несколько зевак постояли еще немного, но ничего интересного больше не происходило. Бестужев подумал, как это хорошо, что на улицах Владимира снова появились люди. Пройдет год, и о “деле сатанистов” будут вспоминать лишь за кружкой чая в теплых компаниях. Пора и ему утомиться. Раз он остался жив, значит это кому-нибудь нужно. Вот Олег говорил, что к нему возвращается Лера. Капитан не знал, как относиться к этому событию — восторга он явно не испытывал, но и отвращения тоже не было. Еще месяц назад он был отдал левую руку за то, чтобы жена вернулась. А потом... Потом он встретил Веру.

Стильно одетая брюнетка, идущая по тротуару в сторону Золотых ворот поравнялась с окном, из которого смотрел Бестужев. Остановилась, сняла темные очки и пристально посмотрела на капитана.

У него внутри все замерло. Вера! Они смотрели друга на друга долго, наверное, минут пять. Потом она улыбнулась и послала капитану воздушный поцелуй. Снова надела очки и продолжила свой путь.

— Нет! Нет! Стой! — закричал Бестужев. — Вера, не уходи. Не бросай меня.

Но на улицу зычный голос капитана не проникал — тройные стеклопакеты были сделаны на совесть. Осознав этот факт, Бестужев сорвался с места и понесся на улицу. Подошедший к окну Олег с легким презрением наблюдал за тем, как его шеф бежит из стороны в сторону в поисках своей мифической женщины. Он останавливал прохожих, что-то кричал им в лицо, а те — шарахались от него, словно от прокаженного. Шеф явно сходил с ума, но молодого лейтенанта это уже больше не заботило.

Он вынул из кармана джинс смартфон и открыл “Сообщения”. Найдя нужного адресата он аккуратно набил СМС: *«Мессир, все в порядке. Второй этап плана стартовал. Четвертый свою миссию выполнил. Находится под контролем»*. Олег нажал “Отправить”. С характерным свистом сообщение улетело. Лейтенант почесал голову, нащупал пробивающиеся рожки и подумал, что нужно отрастить шевелюру попышней. Скоро скрывать принадлежность к Воинству Свободы станет не так просто.

Олег вздохнул, снял с вешалки куртку и, прежде, чем покинуть кабинет, улыбнулся сам себе в зеркало. Пора было занять Бестужева чем-то более нейтральным, а то, глядишь, и вправду умом тронется.

Наверное, его улыбка была бы не столь довольной, если бы он знал, что его коллега Инга в этот самый момент внимательно читала отправленное лейтенантом СМС. По старой привычке она отслеживала звонки и читала сообщения близких ей людей. Ну так, на всякий случай. Сейчас хакерше казалось, что этот случай как раз наступил. Она поняла, что Олег вляпался в какую-то мутную историю, и придется его оттуда вытаскивать. Как именно — она еще не знала.

...Естественно, Бестужев не догнал Веру, и ни один остановленный им прохожий ничего не видел и не слышал. На душе было пусто. Капитан сел прямо на землю.

— Зачем ты меня воскресил? Чтобы я мучался? — спросил он у безмятежного безоблачного майского неба. Небо осталось безоблачным и безмятежным.

На крыльце появился Олег. Он подошел к шефу и, не долго думая, уселся рядом.

— Знаешь, Сань, Вася Смирнов у нас заболел, а за ним в этом месяце закреплены выступления в школах на уроках ОБЖ. Может, возьмешь на себя эту рутину? Ну ее нах, эту работу. Нервов не напасешься. Я тут вчера вечером размышлял, может, вообще бросить все к чертовой матери и уехать к друзьям в Краснодар. Тепло почти круглый год, до моря недалеко. Устроился бы в автосервис. Кое-что я и так умею, остальное подсмотрю, научусь.

— И что ж не бросил?

— Да вот с утра отпустило. Мы же с тобой сыщики, и это наше призвание. И нечего тут нюни распускать. Бабы уходят, сатанисты лютуют, запои мучают — фигня все это. Сжать волю в кулак, потерпеть немного — и дальше делать свою работу. Ведь кто, если не мы.

— Ты прав, Олежек. Вот за такие вот спичи я тебя и ценю. Молодой вроде, а кое-чему научился.

Они встали.

— Кстати, — спохватился лейтенант. — Сегодня же Пасха, а мы с тобой так и не разговелись. А уж день к концу близится. Когда такое было?

— И то дело. Куда? В “Клевер” по Косматому вдарим?

— Давай. Заодно и Егорыча помянем.

Только они решили, как у Олега зазвонил телефон.

— Слушаю, — ответил он. “Ну хоть что-то под этой Луной не меняется”, - с облегчением подумал Бестужев.

Чем дольше лейтенант слушал, тем кислее становилось его лицо.

— Попили пивка, — протянул Бестужев, когда Олег дал отбой.

— И не говори. У нас с тобой вызов. Не до конца понял, что произошло, но явно ничего хорошего. Так что “Клевер” отменяется, а я по лицу твоему вижу: тебе нужно похмелиться.

— Переживем, Олежек. Как говорится, и не такие вопросы заваливали. А с бухлом я, пожалуй, подзавяжу. А то провалы в памяти вконец замучали.

И друзья отправились в дежурку узнавать подробности вызова.

Каждый уважающий себя турист по дороге из Баку в сторону Шемахи — древнего города, красоту царик которого воспевал еще Пушкин, обязательно свернет с трассы в районе городка Гобустан. Гобустан — довольно современное место со всеми атрибутами цивилизованной жизни: магазинами, сервисами, офисами. Но время от времени сквозь эту одежду проглянет глухое средневековое села Маразы — так раньше называлась эта местность.

Туристы приезжают сюда, чтобы посетить древний мавзолей, вмонтированный прямо в скалу на большой высоте. Издалека даже кажется, что он парит в воздухе. Ступеньки, ведущие к зданию, довольно высоки и, на первый взгляд, очень неудобны. Но подъем занимает меньше минуты.

По сути, мавзолей — лишь врата. Внутри скалы вырезано много пещер и каморок. На протяжении сотен лет в них останавливаются паломники и совершают свои таинства. Некоторые каморки так высоко над землей, что без лестницы в них не забраться. Но эти трудности никогда и никого не останавливали — поток людей не иссякает до сих пор.

Ведь здесь погребено нетленное тело святого старца Дири-Бабы, при жизни — муэдзина знаменитого Ширваншаха Ибрагима I. И мавзолей, и фигура старца окружены тайнами и легендами. Даже говорят, что Дири-Баба — воплощение самого пророка Мухаммеда. А как много туристов и паломников ходят по крыше мавзолея вокруг купола. Конечно же, против часовой стрелки. Надеются, что задуманные грешные желания обязательно исполнятся. Страшно, высоко, но все равно ходят.

По ночам многие пытаются проникнуть в грот, где “хранятся” мощи старца. По легенде, прикосновение к ним исцеляет от всех болезней. Протискиваясь через узкий ход в северной стене, обдирая локти, они проникают в темные каморки и ищут древние кости. Находят какие-то и в благоговейном экстазе целуют их и по кусочку уносят с собой.

Более посвященные паломники знают, что это не кости Дири-Бабы. Знают, что он спрятан глубоко в скале, и в лабиринте ходов можно легко заблудиться и пропасть. Именно останки этих заблудших душ и находят незадачливые туристы.

Знающие люди говорят, что Дири-Баба по-прежнему нетленен. Ссохшийся, словно мумия, он застыл на коленях в вечной молитве. На нем надет кафтан, который за год из белого становится серым. Ежегодно одежду меняют на свежую, а старый кафтан расходится на лоскуты и отправляется путешествовать во все самые значимые мечети мусульманского мира.

Но истину об этом месте знают лишь единицы. Одним из таких посвященных является пятнадцатилетний паренек Тофик Джубанов, который раз в неделю совершает свой обязательный поход из Гобустана к древнему мавзолею. Его путь лежит через древнее кладбище. Здешние жители редко размещали на могилах имена и годы жизни усопших, еще реже — их изображения или фото. Большинство могил заросло травой. Время жестоко обошлось с надгробиями: какие-то камни — съело, какие-то — погрызло.

Тофик не любил это место, хотя все его родственники до сорокового колена лежат в этой земле. Их род в качестве хранителей тайны выбрал сам Дири-Баба. Это было очень давно, но информация всегда вовремя передавалась от отца к старшему сыну. Поколение за поколением. Четкие инструкции, отданные святым старцем, не нарушались за эти века ни

разу.

К своим обязанностям Тофик приступил ровно год назад, когда отец взял его с собой, чтобы показать главный ритуал — смену кафтана. Обычно сыновей годами подводят к тайне, но отец Тофика знал, что тяжело болен. Поэтому мальчик прошел ускоренное обучение. Последний ритуал был своеобразным экзаменом. Год назад он еще смотрел, как это делает отец, в этот раз ему все предстоит сделать самому. Три месяца тому назад отца не стало. И теперь он — главный Хранитель тайны.

Погода портилась, и это было хорошо. Меньше туристов, меньше назойливых глаз, меньше усилий, чтобы замести следы. Сегодня вся его энергия понадобится для проведения ритуала.

Он задержался перед входом в мавзолей, собираясь с духом. Он посмотрел на медную табличку, висевшую на стене чуть выше его головы. Отец был против ее установки, но успокоился, когда понял, что никто не в состоянии понять, что же там написано. Все думают, что 1402 год — это год постройки мавзолея. Но это не так. Это год рождения самого Дири-Бабы. Причем год этот — от Сотворения Мира. И отсутствие второй даты неслучайно. Ибо старец был до сих пор жив. Просто он спал очень крепким сном.

Засыпая, Дири-Баба сам сказал далекому предку Тофика: *“Я буду спать до тех пор, пока не придет время умирать этому миру. И когда наступит это время, я открою глаза и встану в одном ряду с теми, кто готов защищать этот мир от сил зла. А до тех пор, ты, мой друг, и сыновья твои, и сыновья сыновей твоих, и их сыновья, и прочие потомки твои должны совершить подвиг — позаботиться о теле моем, об избытке энергии моей. Чтобы, пробудившись ото сна, был наполнен я силою, был наполнен я мудростью, был наполнен я помыслами о поступках праведных”*. Разбуди его посреди ночи, Тофик смог бы без запинки повторить откровения старца. А также все инструкции по омовению, массажу тела старца. Какие молитвы ему нужно прочесть, какие новости и знания необходимо донести. Все было оговорено заранее.

И каждую неделю Хранитель тайны приходил к старцу и проводил необходимые процедуры и ритуалы. А раз в год, действительно, менял кафтан, который переполнялся энергией Дири-Бабы. Иногда его даже в руки можно было взять не с первого раза — одежда потрескивала, переливалась в тусклом помещении искрами. Заряженный кафтан, как и говорили, делился на части, но не все они достигали мечетей. Многие лоскутки Хранители раздавали простым смертным, не всегда даже рассказывая об их силе и энергии. Просто частички Дири-Бабы, попадая в большой мир, делали его чуть-чуть добрее и прекраснее.

Они имели целебную силу. Одну такую повязку Тофик сам носил на своем колене. Когда ему было пять лет, его укусила гюрза. Думали, что ногу не спасти, однако отец сам выходил мальчика. Когда кризис миновал, он повязал на колено лоскут из кафтана Дири-Бабы и наказал сыну никогда его не снимать.

Как и любой другой Хранитель до него, Тофик убирал пещеру, проверял температурный и световой режимы помещения. Ведь их чрезмерные колебания могли повредить телу старца. Сам Дири-Баба возлежал на специальном постаменте из древнего материала. Тофик проверил, не выросли ли ногти на руках и ногах, почистил старцу уши, расчесал длинную седую бороду. Пришло время сменить кафтан.

Хранитель видел, что кафтан уже переполнен энергией, она искрила вокруг, иногда даже из него вылетали небольшие молнии, разряжавшиеся в окружающих стенах. Надо быть осторожным, а то можно получить серьезную травму.

Тофик надел специальный костюм и подошел к старцу. Самое сложное — вытащить из кафтана руки. Хранитель знал, что Дири-Баба — живой, но все равно высохшие тонкие кости выглядели очень хрупко. Тофик положил руку на плечо старцу и непроизвольно посмотрел на его лицо.

И тут глаза Дини-Бабы открылись.

Тофик отпрыгнул в сторону.

Голова старца повернулась, взгляд впился в Хранителя. С минуту он изучал его, а потом сказал:

— Не бойся, сын мой. Наступил час моего бодрствования. Зло проникло в наш мир. Пора дать ему бой!

Больше книг на сайте - Knigoed.net